

"Это наш ребенок!"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Слейд Гарретт вытянулся, насколько это было возможно в тесном салоне спортивной машины, и в который раз посмотрел на больничное здание из стекла и бетона, возвышавшееся в конце автостоянки. В глаза брызнули радуги солнечного света, отраженного бесчисленными окнами восьмизэтажной больницы.

Слейд сощурился, но не вышел из машины. И не уехал.

Машинально он провел рукой по непривычно гладкому лицу. Впервые за два с лишним месяца он побрился. И ему не доставало бороды. Там, где он провел последние месяцы, не обязательно было заботиться о внешнем виде. Он и не заботился. Но перед трансатлантическим перелетом, в конце концов приведшим его сюда, он задержался, чтобы принять душ и побриться.

Чертовски дурацкая идея — приехать сюда.

Но именно эта идея поддерживала его в последние... сколько?.. Девять месяцев? Не меньше. Эта идея сопровождала его молчаливым призраком, безучастным к жестокостям, неотъемлемым от его работы: изо дня в день фиксировать и предавать гласности то, что происходит в мире. В тех его далеких уголках, о существовании которых читатели забывали, как только заканчивались заворожившие их кровавые события.

Временами Слейду казалось, что он попал в жуткий фильм, только фильм этот не заканчивается через два часа и некому вырезать самые страшные кадры или остановить пленку в самый ужасный момент.

И именно в те моменты он думал о возвращении, о том, чтобы снова увидеть Шейлу, положить ладони на ее длинные прохладные ноги, уткнуться лицом в ее шею и вдохнуть неповторимый аромат. Эти воспоминания давали возможность идти дальше к цели. И не позволяли сойти с ума. Именно Шейла заставила его серьезно задуматься о конце пути. Конце, который он все отодвигал, вновь продлевая контракт, вновь соглашаясь отправиться туда, где у людей больше не было крыши над головой.

Такова его работа, и когда-то он любил ее, любил вызываемое ею волнение. Однако теперь он уже не так в этом уверен. Он не уверен ни в чем, кроме того, что должен еще хоть раз увидеть Шейлу.

И вот он здесь. И не двигается. Ни вперед, ни назад.

Беспокоясь и злясь, Слейд сунул руку в нагрудный карман и тихо выругался. Забавно, даже через девять месяцев он продолжает удивляться, ничего не найдя в кармане. Еще забавнее то, что он выбрал самый разгар «конфликта» (слишком мелкого в мировых масштабах для слова «война»), чтобы бросить курить — дело нелегкое даже в обычных условиях.

Но он понял, что пора бросать, когда неожиданно обнаружил, что, думая совершенно о другом, машинально ищет в кармане сигарету. Понял, что пора выбираться из плена цепких пристрастий. Хватит зависеть от привычек, людей, порывов. Единственным, чего Слейд придерживался неукоснительно и от чего не собирался отступать, был его личный нравственный кодекс.

Так какого черта он сидит в машине через полчаса после возвращения и таращится на

здание, где, вероятно, сейчас находится Шейла?

Доказывает себе, что мечта не завладела им? Или надеется на это?

Он освободится, как только увидит, что это лишь мечта, лишь сон. Мираж, раздувшийся до огромных размеров из-за времени и расстояния. И обстоятельств.

Если бы он провел с нею не только тот единственный чудесный вечер, если бы она была постоянно частью его жизни, он давно бы уже забыл о ней, как забыл обо всех других женщинах, прошедших через его жизнь. И ее мысленный образ не маячил бы постоянно перед ним.

Образ, от которого он не желает отказаться, но должен, если хочет остаться самим собой.

Слейд опустил боковое стекло и глубоко вдохнул тонкий аромат, исходивший с обеих сторон стоянки от аккуратно подстриженных кустов, щеголявших недолговечными белыми цветами.

Апрель в Южной Калифорнии.

Он уже забыл, что это такое. Природа здесь более рафинированна. Ее элегантно спокойствие нарушается лишь изредка и по мелочам: пикниками на пляжах, увеселительными прогулками. Здесь не бушуют грозные стихии, в мгновение ока стирающие с лица земли плоды долгих трудов человеческих.

Да, напомнил он себе, и его губы скривились в циничной улыбке, у нас есть землетрясения.

Однако это не одно и то же. Образ невероятной, душераздирающей бедности неизгладимо врезался в его память.

Постепенно песня, передаваемая по радио, изменила направление его мыслей. Джонни Мэтис тихо пел о свидании, которое никак не могло состояться. Улыбка Слейда смягчилась.

В ту ночь, когда он встретил Шейлу, оркестр играл мелодию Мэтиса. Он закрыл глаза, погружаясь в воспоминания, навеянные музыкой, и как наяву увидел ее, окруженную мужчинами. Но для него существовала только она. Он видел только ее...

Она привлекла его взгляд сразу, как только он вошел. Эта женщина с удивительным классическим профилем — самая прекрасная из всех, кого ему доводилось встречать, думал Слейд, наблюдая за ней с другого конца переполненного банкетного зала.

Он вертел в руке бокал, перестав чувствовать вкус вина. Следя за ней, он даже забыл, как ненавидит официальную одежду, будто предназначенную для манекенов. Точнее, он забыл обо всем.

Слейд наклонился к ближайшему гостю, оказавшемуся пожилой дамой, похожей на фею.

— Кто это? — он поднял бокал в сторону женщины, о которой спрашивал. — Та высокая блондинка, окруженная мужчинами?

Мужчинами, из кольца которых он собирался ее вырвать.

Фея склонила голову к плечу, как бы оценивая Слейда, пытаясь определить, кто он такой. Она явно считала, что ему следует знать ответ.

— Это доктор Шейла Поллак. Она работает в больнице. Ее родители — доктора Сьюзан и Теодор Поллак. Они организовали сбор средств на строительство нового крыла для родильного отделения.

Она говорила что-то еще, о том, что было написано в его приглашении. Но ее слова утонули в общем гуле, так как Слейд уже пробирался к высокой стройной блондинке в ярко-синем вечернем платье.

Мини-платье сверкало почти так же, как она сама, едва достигая середины бедра и удобно замирая в том месте, которое он нашел бы бесконечно волнующим, если бы сам к нему приникал.

Приближаясь к ней, он чувствовал, как нарастает его возбуждение. Голова кружилась, как в те моменты, когда он обнаруживал материал для сенсации. Он всегда наслаждался неразгаданными тайнами, а у нее был вид сенсации с первой страницы газеты.

— Привет, мне сказали, что вы имеете отношение к этому благотворительному мероприятию.

Шейла отвернулась от мужчины, с которым разговаривала, и взглянула на Слейда. Ее глаза были огромными и синими, как васильки весной. Однако банальное сравнение не преуменьшало производимого впечатления. Оно его усиливало.

— Я поговорю с вами позже, — пробормотал мужчина и растворился в толпе прежде, чем его исчезновение было замечено. Так бродячий кот уступает дорогу льву.

Шейла медленно окинула Слейда взглядом. Он не казался знакомым. Он не мог быть мужем одной из ее пациенток. Она определенно запомнила бы мужчину с такой внешностью.

— Мы встречались? — улыбаясь, спросила она.

— Нет, но это легко исправить.

Очень ловко, с минимумом движений, он обнял ее за плечи одной рукой, отрезая от собеседников и увлекая к дверям на веранду.

— Мы оба знаем ту даму в бежевом, — кивнул он приблизительно в ту сторону, где недавно стоял.

Шейла взглянула в указанном направлении.

— Вы имеете в виду Марту?

Он кивнул, соглашаясь. Ее аромат разжигал его кровь. На секунду он подумал, не увлечена ли она кем-то и имеет ли это для нее значение. Для него не имело. Не в данный момент.

— Да, Марту.

Как будто его глаза касались ее. Шейла чувствовала их тепло. Усилием воли она продолжала в том же шутливом тоне:

— А если я скажу, что ее имя не Марта? Что ее зовут Джейн?

— Тогда я скажу, что у вас, как и у меня, провал в памяти. Это не Марта и не Джейн. — По

глазам Шейлы он понял, что угадал, и обезоруживающе улыбнулся. — Я прав?

Шейла тут же почувствовала, что он ей нравится, и засмеялась, восхищенная его ответом.

— Да, вы правы. Сибил. Ее имя, — подсказала она на случай, если он решит, что она представляет себя. Затем протянула руку: — Шейла Поллак.

Слейд переложил бокал в другую руку.

— Да, я знаю. Я работаю в «Таймс».

В ее глазах мелькнуло быстрое пытливое выражение, как будто она привыкла оценивать людей.

Единственные журналисты из «Таймс», которых она знала, работали в отделе светской хроники.

— Вы не похожи на журналиста из отдела светской хроники, которых обычно посылает газета.

Слейд был польщен. Он не против сплетен. Как и все остальное, сплетни имеют право на место под солнцем и помогают продавать газеты. Но он не ставил светских хроникеров на одну ступень с настоящими репортерами. Темные стороны жизни, раскапываемые ими, не идут ни в какое сравнение с тем, с чем регулярно приходится сталкиваться ему.

Еще он сделал вывод, что она привыкла посещать подобные мероприятия. А значит, и покидать их.

— Очень проникательно. — Он поднял бокал в насмешливом салюте. — Я не из отдела светской хроники. Но Лаура Мур заболела в последний момент, и вот я здесь.

Он согласился импульсивно, оказывая личное одолжение женщине, с которой когда-то был близок. Забавно, куда может завести порыв, подумал он, наслаждаясь видом царственной женщины рядом с ним.

— Напомните мне послать ей цветы.

Заинтригованная, она спросила:

— Почему?

Официант лавировал между гостями, высоко подняв полупустой поднос. Слейд облегчил поднос еще на один бокал белого вина и вручил его Шейле. Она склонила голову в знак благодарности.

— Потому что, — объяснил он, — если бы она не заболела, я бы никогда не провел вечер с вами.

Шейла улыбнулась, ее глаза поддразнивали его. Этот мужчина своей стремительностью уступает только реактивному самолету.

— Вы еще не провели.

Да, но проведет. Он чувствовал это. Его губы дрогнули в улыбке, когда он заглянул в ее

глаза. Она дерзко звала его претворить мечту в реальность.

— О, но у нас много общего. Марта-Джейн-Сибил, например. — Она уже отворачивалась, и он заговорил быстрее: — Это делает нас почти старыми друзьями.

Он почувствовал, что выбрал правильный тон, и снова обнял ее за плечи, на этот раз удерживая.

— Неужели вы не хотите составить компанию старому приятелю в его последний вечер в Штатах?

Интересно, сколько он может выдумать, если подыгрывать ему?

— Уплываете? А, так вы еще и моряк?

Слово «моряк» немедленно разбудило его фантазию. Он представил себя пиратом, а ее — аристократкой, которую он похищает в открытом море. Интересно, кто из них первым запросит пощады к утру?

— Нет, я вообще-то репортер, зарубежный корреспондент, и у меня командировка. Улетаю завтра утром.

Шейла подумала, изобретает ли он на ходу или говорит правду. Вообще-то можно представить его зарубежным корреспондентом. В нем чувствуется какая-то располагающая бесцеремонность, несмотря на безукоризненный смокинг.

— Лондон? — предположила она.

Там, несомненно, безопаснее, но ему наскучило бы до слез. Слейд отрицательно покачал головой.

— Босния.

Ответ удивил ее. Она вспомнила о репортажах в вечерних новостях и постаралась сдержать дрожь.

— Если вы пытались произвести впечатление, вам это удалось.

— Хорошо.

Он поиграл завитком волос на ее шее. Завиток вился в сторону, противоположную остальным, обрамлявшим ее лицо. Мятажник, подумал он. А она? Тоже мятежница? Он увидел, как чуть расширились ее глаза.

— И тем не менее это правда. Пожалуй, мой редактор просчитался, направив меня сюда.

Она засмеялась и отпила глоток вина.

— Да уж, большой сюрприз.

Интересно, подумал он, каковы на ощупь эти губы, какие чувства вызовут их любовные ласки, медленные и страстные.

— Я оказываю любезность, — небрежно продолжал он. — Лауре необходимо, чтобы кто-то

сделал заметки. — Он улыбнулся, вспомнив, как неохотно уступил и что сказала Лаура, когда он вешал трубку. — К тому же она подумала, что после сегодняшнего мероприятия я с восторгом приму зарубежную командировку.

По тому, как платье облегало тело Шейлы, он решил, что под этими сверкающими блестками надето очень мало. Он также решил, что должен обязательно проверить свое предположение.

— Я был готов согласиться с ней...

Шейла вскинула голову, весело улыбнулась.

— До данного момента?

Они оба рассмеялись.

— Да.

Она сделала еще один глоток вина.

— Идете напролом, не так ли?

Он не обиделся. В женщинах ему нравилась прямота — не требовалась лесть.

— Слишком быстро?

— Чуть-чуть.

Ему хотелось узнать ее получше. Хотелось провести с ней вечер. С такой женщиной надо действовать быстро, иначе она ускользнет от него. Вокруг более чем достаточно мужчин, готовых увести ее. Надо быть слепым, чтобы не видеть, как они на нее смотрят. Впрочем, он смотрит на нее точно так же.

Слейд обворожительно улыбнулся.

— Хотите, начнем сначала.

Она улыбнулась в ответ, искренне улыбнулась, и он вспомнил о солнечных восходах своего детства на Миссури.

— Конечно, почему бы нет? — Она протянула руку. — Привет. Я — доктор Шейла Поллак.

Он пожал ей руку и удержал ее на мгновение дольше, чем было необходимо. Им обоим понравился контакт.

— Доктор, а у меня болит, — он театрально прижал другую руку к сердцу, — вот здесь.

Она очень мягко высвободилась.

— Забавно. — Ее глаза весело сияли. — Я бы диагностировала боль несколько ниже.

— Вы мне нравитесь, доктор Шейла Поллак.

Он не врал. Она ему действительно нравилась. С ним всегда это случалось так быстро. Он не

принадлежал к тому типу людей, которые долго все обдумывают, взвешивают и рассматривают под микроскопом. Или случившееся правильно, или нет. А Шейла Поллак — то, что надо. Правильно для него, правильно для данного момента его жизни.

Ее теплая улыбка подтвердила, что это ощущение у них общее.

— Я уже поняла.

Притворяясь, что они еще знакомятся, он продолжил:

— А вы не хотите узнать мое имя?

По выражению ее глаз он понял, что она уже нашла для него имя. Интересно, лестное ли.

— Я бы хотела увидеть вашу корреспондентскую карточку. По крайней мере смогу убедиться, что хотя бы часть вашей истории — правда.

Полна жизни, но осмотрительна. Интересное сочетание. Он решил, что ему такое сочетание нравится.

Когда он вручил Шейле свой бумажник, открытый на корреспондентском удостоверении, она действительно выглядела удивленной.

— Не очень хорошая фотография, но это я, — сказал он.

Она взяла бумажник, прочитала его имя, затем взглянула на него. Он мог поклясться, что в ее глазах мелькнуло восхищение.

— И правда вы. Ну, мистер Гарретт, — она закрыла бумажник и вернула ему, — если только вы не знакомы с очень хорошим изготовителем фальшивых документов, то действительно работаете в «Таймс», как и сказали.

— Я никогда не лгу. — У него хватило совести залихватски причмокнуть языком. Затем, взяв под руку, он повел ее к веранде. В глубине зала как раз начиналась песня Джонни Мэтиса. — Теперь поговорим о вышеупомянутой боли...

Она засмеялась, опираясь на него.

— Для облегчения боли я рекомендую танец.

Он не смог бы придумать лучшего предлога, чтобы обнять ее.

— Танец?

Шейла кивнула. Она ощущала неотвратимость грядущего, и кровь вскипела у нее в жилах.

— Угу. И желательно в лунном свете.

Он поднял глаза. Над ними возвышался черный, как бархат, небесный купол с россыпью серебряных звезд.

— Я согласен. То, что доктор прописал.

Их пальцы переплелись, и он притянул ее ближе к себе. Они начали легко покачиваться под

доносившуюся до них музыку.

— Да, — прошептала Шейла, ее голос звучал нежно. — Да.

Она положила голову ему на плечо, и он вдыхал пьянящий аромат ее волос и удивлялся, как ему удалось попасть на небеса, не заметив собственной смерти.

Этот вечер начался с улыбки и закончился гораздо большим в уединении среди скал, на частном пляже недалеко от больницы, ради которой устраивался благотворительный прием. Шейла была знакома с владельцами, очень удачно оказавшимися в отъезде.

Слейд никогда не подозревал, что можно испытать такие чувства к женщине, получить столько наслаждения за такой маленький отрезок времени.

Окутанная лунным светом, Шейла была в его объятиях всем, что он когда-либо желал в женщине. Он получил от нее все, на что мог надеяться. Больше.

И меньше.

Меньше, потому что она ничего не просила взамен, отдавая ему все: свое тело, свою душу. Он не мог вспомнить ничего подобного, будучи одновременно и властителем и рабом, любящим и любимым. Как будто их околдовали. Колдовство. Он был убежден, что невозможно подобрать другое слово.

Колдовство.

То, что произошло с ними, между ними, питало его сны все последующие месяцы. Не один раз воспоминание о том, как он прижимал ее к сердцу, было единственным утешением в обезумевшем мире.

Они разговаривали и ласкали друг друга всю ночь и расстались на автостоянке отеля на заре следующего дня, понимая, что в эту ночь были друг для друга всем. Зная также, хотя и не облекли это в слова, что для каждого из них этот маленький островок времени был особенным по-своему.

Итак, он здесь и собирается «навестить» ее после всех этих месяцев. Что, если она окажется не такой изумительной, как он ее помнит?

И что, если окажется?

А когда он увидит ее, что тогда? Пригласит ее пообедать? После того как они занимались любовью под звездным одеялом, обед покажется слишком обыкновенным, слишком земным.

Однако интуиция подсказывала Слейду, что с Шейлой ничто не может быть обыкновенным.

Он снова пошарил в кармане и снова смачно выругался, найдя его пустым. Черт побери, он ведет себя как безумно влюбленный юнец, а не тридцатитрехлетний закаленный журналист, обогнувший земной шар не один раз.

Голос Джонни Мэтиса замер на лирической ноте. Говорливый диджей объявил конкурс и рассмеялся собственной бесконечной болтовне. Слейд выключил радиоприемник и потер голый подбородок. Подобная нерешительность совсем не в его духе.

Чего именно он боится? Он же не собирается встретиться с судьбой. Судьба поджидает только на полях сражений.

Самое время выяснить, не растворится ли его мечта, как дешевый порошок для мойки посуды при встрече с фаянсом.

Разогнув свое длинное тело, он вылез из машины и хлопнул дверцей. Замок щелкнул автоматически.

Ожидание, опасение, предвкушение заставили его сердце биться быстрее. Он чувствовал себя так, как шесть месяцев назад, когда ждал встречи с информатором на глухой улочке того, что осталось от центра Бейрута.

Уступив дорогу пожилой паре, Слейд вошел в залитый солнцем вестибюль клиники. В окне аптеки справа были выставлены веселые мягкие игрушки, предназначенные отвлекать внимание малышей от предстоящего визита к врачу. Они явно помогали. Слева, рядом с лифтами, висели две больших черных доски под стеклом.

Слейд просмотрел список и нашел ее имя: «Доктор Шейла Поллак, офис 812».

Вероятно, с хорошим видом на остров Санта-Каталина, размышлял он, нажимая кнопку лифта.

Он обнаружил, что его ладонь взмокла от пота, и нашел этот факт раздражающим и забавным.

К тому времени, как прибыл лифт, Слейд уже был не один. К нему присоединились еще трое, и, когда двери начали закрываться, вбежала женщина, волоча за собой ребенка. Двери, вздрогнув, снова открылись и затем закрылись окончательно. Маленький мальчик, вертась и дергаясь, терся о ногу Слейда. Мать его выглядела раздраженной и измученной. Хорошо, что у него нет собственных детей.

Слейд наблюдал за мелькающими цифрами над дверью лифта, отмечающими этажи, и почти не дышал, сам того не замечая.

Он просыпался в два часа ночи под разрывы бомб, бежал от снайпера по городской улице, превращенной в груды камней, жил с беженцами в горах, разделяя их скудную пищу и еще более скудные надежды на мир, только для того, чтобы получить материал для газеты, и не мог вспомнить, чтобы ему было не по себе в самых критических ситуациях.

Тогда почему он чувствует себя так неловко сейчас, просто поднимаясь в лифте?

Возможно, ответ в том, что ни одна из тех ситуаций в то время не казалась ему реальной. Как будто он читал о своей жизни вместе с остальными читателями «Таймс».

Сейчас он чувствовал себя как в суде перед требовательным судьей.

Можно уехать из провинциального городка, где провел детство, но провинциальная мораль тебя не отпустит.

Он вышел из лифта на восьмом этаже. Последнем. И этажей больше не было. И не было больше возможности тянуть время. Когда двери лифта закрывались, Слейд чуть не решил спуститься вниз и забыть об этом деле. В конце концов, логично рассудил он, сон

продолжается, пока реальность его не опровергнет, не разобьет в пух и прах.

Путь труса, упрекнул он себя. А прошло уже много времени с тех пор, как он запретил себе трусить. В его жизни нет места трусости.

Стрелки на стене указали ему дорогу. В конце длинного узкого коридора он повернул налево.

Вход в ее офис был в центре холла. Офис 812. Доктор Шейла Поллак, акушер-гинеколог, как сообщила табличка.

Изнутри доносилась тихая музыка.

Интересно, удивится ли она ему. Видит Бог, он сам удивлен тем, что стоит здесь.

Чувствуя себя оккупантом, вторгающимся в иностранное государство, Слейд повернул дверную ручку и вошел.

Приемная оказалась просторной. Светлые голубые стены усиливали ощущение безмятежности. Около низкого столика с мраморной столешницей стояли обитые голубой тканью стулья с блестящими светло-серыми подлокотниками в форме изогнутых звериных лап. По пять стульев с каждой стороны. Приемная напоминала уютную старинную гостиную, напоминала Шейлу.

Слейд подошел к регистрационному окну и постучал в матовое стекло. Окошко открылось, и медсестра с любопытством оглядела посетителя. Ее взгляд остановился на его руках. Возможно, она приняла его за коммивояжера фармацевтической фирмы.

— Привет, доктор Поллак здесь?

— Да, — ответила медсестра — Лайза, судя по табличке на крахмаленном белом халате, — и терпеливо ждала продолжения.

— Не могу ли я ее видеть? — спросил Слейд.

Лайза подумала, что он не заметил табличку на двери.

— Может быть, вы ищете доктора Теодора Поллака, — вежливо подсказала она. — Шестой этаж, кабинет номер...

Теодор Поллак? Имя показалось смутно знакомым, но Слейд не вспомнил, где слышал его раньше. Неужели Теодор ее муж и он все это время ласкал замужнюю женщину в снах, а одну волшебную ночь — наяву.

— Нет, я хочу видеть Шейлу Поллак. — Он оглянулся. В приемной сидели три женщины, все беременные. Его губы слегка скривились. — Не по записи.

Странная фраза, подумала Лайза, затем поняла:

— О, вы хотите сказать, по личному делу.

— Да.

Очень личному, подумал он, чувствуя, как его пронизывает желание. Господи, он ведет

себя, как подросток, едва достигший половой зрелости.

Лайза неуверенно посмотрела на него, затем невольно оглянулась. Доктор не упоминала, что ожидает посетителя, да еще такого необычного.

— Она сейчас занята.

Ну, он ждал так долго, подождет еще немного. Вряд ли стоило надеяться, что его примут с распростертыми объятиями.

Слейд кивнул, смиряясь с обстоятельствами.

— Я подожду.

Он выглядит совершенно чужеродным в приемной, подумала Лайза.

— Могу я передать ей, кто ждет?

— Конечно. — Он взял журнал, чтобы чем-то занять руки. — Скажите ей, что кое-кто хотел бы снова потанцевать в лунном свете, когда она освободится.

Одна из женщин за его спиной хихикнула. Усаживаясь, он улыбнулся в ответ, и под его мимолетным взглядом женщина покраснела.

Лайза закрыла окошко и, исчезая в одном из внутренних помещений, запоздало извинилась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шейла аккуратно положила только что взятую пробу из матки пациентки на стерильное стеклышко и запечатала его. И лишь после этого подняла глаза, чтобы выяснить, почему одна из ее медсестер вошла в смотровую во время обследования, едва постучав и не дождавшись разрешения войти.

Лайза чем-то смущена, подумала Шейла. Эта молодая медсестра работала с ней с того дня, как она открыла частную практику напротив Мемориальной больницы Харриса. Мало что могло вывести ее из себя, и в Шейле шевельнулось любопытство.

Оттолкнувшись от стола, она осторожно встала с табурета.

— Что стряслось, Лайза? Кого-то снова стошнило на стул в приемной?

В последний раз, когда это случилось, химчистка не смогла спасти стул. Пришлось обить его заново. Учитывая непрерывный поток беременных женщин, которых Шейла осматривала в последнее время, странно, что это не происходило чаще. Конечно, можно было бы натянуть полиэтиленовые чехлы, но Шейле эта идея не нравилась. Половине ее пациенток и так достаточно неудобно, чтобы еще отлеплять отяжелевшее тело от полиэтилена каждый раз, как приходится вставать.

Лайза отрицательно покачала головой и ответила не сразу. Нерешительно взглянув на пациентку, она понизила голос:

— В приемной мужчина, и он хочет вас видеть.

Не так уж необычно, подумала Шейла. Она положила образец на стол рядом с наклейкой. Лаборатория забирала анализы в три. Не забыть бы отдать этот анализ Рут, чтобы отправить его вместе с остальными.

— С женой? — рассеянно спросила она.

— Нет.

Шейла пожала плечами, засовывая образец в мягкий конверт.

— Может быть, ему нужен мой отец?

Не в первый раз новый пациент забредает по ошибке в ее кабинет. Когда в этом же здании работала мать, ошибки случались регулярно.

— Я уже спросила об этом. Ему нужны вы.

Иногда Шейле приходилось развеивать страхи нервных мужей. Не все встречали беременность супруги с распростертыми объятиями. Некоторых мужей больше, чем жен, пугали месяцы неизвестности до рождения ребенка. Шейла решила, что сможет уделить этому мужчине несколько минут между пациентками, если у него немного вопросов и они не очень сложные. Иначе ему придется ждать конца приема.

А будет ли у нее время после приема? — засомневалась она, непроизвольно поглаживая живот. У нее уже были ложные схватки, и она на всякий случай зарезервировала палату в больнице. Сегодня боли ощущались сильнее, как будто дело шло к неизбежному финалу.

Шейла вымыла и вытерла руки. Розовое бумажное полотенце полетело в корзину.

— Он назвал свое имя?

— Нет, он велел сказать, что хотел бы еще раз потанцевать при лунном свете, когда у вас будет время.

Лайза задержала дыхание, следя за реакцией Шейлы.

Сердце как сумасшедшее ударилось в ребра. Шейла чуть не смахнула монитор со стола. Улыбнувшись пациентке, она еле слышно извинилась и увлекла Лайзу из комнаты.

Не может быть!

Однако все остальное исключается. Такое совпадение невозможно. И кто еще пригласил бы ее на танец в лунном свете?

Шейла взглянула в сторону приемной, но матовое окно было закрыто. Едва различимые туманные контуры могли принадлежать кому угодно.

Но один из этих силуэтов принадлежит ему. Она готова была поклясться в этом.

Слейд.

Только в данный момент она не готова развлекать призраков из своего прошлого. Ей надо справляться с пациентками и болью. Она вцепилась в руку Лайзы.

— Этот мужчина, как он выглядит? — Лайза вздрогнула, и Шейла поняла, что держит ее слишком крепко. Раздосадованная, она опустила руку.

Лайза непроизвольно вздохнула, прежде чем ответить, и Шейла знала ответ еще до того, как медсестра открыла рот.

— Резкие черты лица, но красивый. Очень красивый.

Именно так, подумала Шейла. Грубоватый, но красивый. Такой красивый, что кости тают.

— Около шести футов двух дюймов, карие глаза, темно-каштановые волосы, кривая улыбка?

Шейла сама не знала, почему спрашивает. Ведь это точно он.

Лайза напряглась, вспоминая порядок вопросов.

— Да, да, да, но он не улыбался, — ответила она, подумав, что не прочь бы увидеть его улыбку.

— Тебе повезло, — прошептала Шейла скорее себе, чем медсестре.

Именно его улыбка более, чем все остальное, заставила ее потерять благоразумие и сделать то, что она сделала: стала Кэтрин Хэпберн для своего Спенсера Трейси.

А может, у нее что-то с головой? Надо бы провериться.

И все же, если вернуть прошлое, она поступила бы так же. Ту ночь она будет помнить всегда и будет нежно любить и заботливо растить ребенка, зачатого совершенно случайно, несмотря на меры предосторожности.

Лайза всматривалась в лицо Шейлы, пытаясь понять, не начались ли схватки.

— Доктор, вам нехорошо? Вы побледнели.

— Я всегда бледнею, когда развлекаю рождественских призраков, — рассеянно ответила Шейла.

Она никогда не думала, что увидит его снова, и вот он здесь, в ее приемной. Что делать?

Шейла заставила себя успокоиться. Нет причин для паники. Она приняла обдуманное решение после того, как обнаружила, что беременна и ее привычный мир неожиданно перевернулся.

До того самого момента, как она прочитала результат теста на беременность, она и не помышляла о ребенке. Собственное детство убедило ее в том, что успешная карьера не оставляет места для семьи. По крайней мере не позволяет уделять столько внимания, сколько, по мнению Шейлы, семья заслуживает.

Оказавшись с другой стороны смотрового кресла, Шейла обнаружила в себе такие сильные материнские чувства, что не смогла с ними совладать. Эти чувства росли в ее груди и требовали выхода. Она хотела этого ребенка.

И она его получит. И он будет принадлежать только ей, она будет растить его одна, без помощи супруга или кого бы там ни было.

«Кто бы там ни был» в данном случае был мужчиной, которого она считала любовником, посланным ей с небес. Та встреча была слишком совершенной, чтобы разрушать ее второй, тем более отягощенной новостями о «дивидендах» ночи любви. Все теперь предстанет в новом свете, потускнев с вторжением реальности.

В ту ночь Шейле казалось, что она узнала Слейда так, как только может женщина узнать мужчину. Он был так же неистово независим, так же доволен своим образом жизни, как она — своим. Ни один из них не хотел обязательств друг перед другом, не говоря уж о детях.

Именно поэтому Шейла не пыталась выяснить местонахождение Слейда и сообщить ему о предстоящем отцовстве.

Она не видела в этом смысла. Он не нужен был ей для полноты картины. Она могла положиться на себя или, в случае необходимости, обратиться к родителям. Они удивительно хорошо восприняли новость и вели себя разумно и корректно.

Теодор и Сьюзан Поллак, может, и не обеспечили дочери сказочное или традиционное детство, но они возмещали это тем, что сейчас готовы были подставить плечо. Благодаря им и собственным взглядам на жизнь Шейла быстро приспособилась к новой ситуации. Дорога временами была ухабиста, но Шейла крепко держала руль.

А теперь он там, в ее приемной. Ждет.

А она здесь, почти девять месяцев беременная его ребенком.

Шейла поджала губы. На столе в смотровой ее ждет пациентка, дрожь под клетчатой желто-белой простыней. Не говоря еще о двух пациентках в других смотровых, плюс полностью забитое расписание до конца приема. Не время для личных проблем.

Она положила руку на выпирающий живот. У нее хватает проблем и без Слейда. Все, чего она хочет сейчас, — это осмотреть своих пациенток и перетерпеть новые приступы боли.

Лайза тронула ее за руку.

— Может, сказать, чтобы он пришел позже?

Да, двенадцатого числа месяца. Никогда. Вместе с Джонни Мэтисом.

— Нет, просто скажи, что если он пришел сообщить не о схватках одной из моих пациенток, то ему придется подождать, пока я не закончу прием.

И может, к тому времени он уйдет. И они оба смогут продолжать жить со своими фантастическими воспоминаниями о той волшебной ночи.

Лайза неуверенно кивнула.

— Хорошо, я ему скажу.

Мэллори Фланнигэн повернулась на звук открываемой двери. Простыня, соскальзывая, зашелестела.

— Проблема?

— Ничего такого, с чем бы я не могла справиться, — бодро ответила Шейла.

Вернее, мне бы хотелось так думать.

Она не убедила Мэллори. Что-то в голосе обычно невозмутимой Шейлы заставляло думать, что та взволнованна. Надо сказать, их отношения выходили за рамки доктор — пациент. Кроме всего прочего, Мэллори, агент по продаже недвижимости, продала Шейле дом, в котором та сейчас жила. А Шейла помогла Мэллори пережить трудный период ее жизни. Мэллори хотела бы вернуть долг.

Натянув тонкую простыню, она ждала, пока Шейла длинными прохладными пальцами ошупала ее грудь, затем провела полное обследование и кивнула, удовлетворенная результатами. Похоже, не о чем беспокоиться.

— Все прекрасно, Мэллори. Болезненность, которую ты ощущаешь, обычна. Скоро все пройдет.

Она взяла карточку Мэллори и сделала записи на чистой страничке.

Мэллори так и думала, но никогда не вредно провериться. Она села и завернулась в простыню. Желто-белая клетка — определенно не ее стиль. Закусив губу, она размышляла, стоит ли расспросить Шейлу. Сомнения длились менее секунды. Шейла ей слишком нравилась, чтобы соблюдать условности.

— Видишь ли, когда я сходила с ума оттого, что Джексон то уходит, то вновь возвращается в мою жизнь, ты заставила меня разговориться, практически взяв за горло.

Шейла сделала еще одну запись, затем отложила ручку и улыбнулась. У Мэллори все закончилось хорошо. Сомнительно, что так же хорошо разрешится ее проблема, хотя в своем случае она понятия не имела, что значит «хорошо».

— Да, помню, как ты упиралась. Хотела со всем справиться сама.

Судя по веселому и дружелюбному тону, Шейла запрещает ей вмешиваться. Однако Мэллори редко обращала внимание на запреты, особенно когда дело касалось ее друзей.

— Так вот что я хочу сказать тебе: все утрясается, только если задать событиям правильное направление.

Шейла взяла карточку Мэллори и положила ее себе на живот. Ей будет не хватать этой полочки для записей, когда все закончится.

— Я запомню.

В данном случае совет не пригодится, но я все равно запомню.

Мэллори не успокоилась, но пока решила сменить тему. Она знала по собственному примеру, что невозможно ничего вытянуть из человека против его воли.

Соскользнув со стола, она поджала пальцы ног, коснувшихся холодного пола.

— Ну, если захочешь поговорить или тебе понадобится жилетка, чтобы выплакаться, я всегда под рукой. А не захочешь, я все равно рада пригласить тебя на свадьбу.

Шейла остановилась у двери, удивленная и обрадованная.

— Свадьбу?

— Да, нашу с Джексоном, примерно через три недели, — сказала Мэллори, не скрывая гордости и самодовольства. — Джошуа будет шафером.

— Не впервые шафер не сможет держаться на ногах во время свадьбы, — засмеялась Шейла. Она с удовольствием помогла Джошуа, сыну Мэллори, появиться на свет в прошлом месяце, и в ее практике это были одни из самых быстрых родов.

— В данном случае его будет поддерживать домработница нашей Марлин, — сказала Мэллори, упомянув еще одну из пациенток Шейлы, с которой подружилась во время вынужденного ожидания в приемной. — Я пошлю тебе приглашение, чтобы все было официально. Как только мы назначим точную дату.

— Буду ждать с нетерпением, — уверила ее Шейла и вышла, закрыв за собой дверь.

Свадьба, думала она с легкой завистью. Ну, в ее будущем свадьбы не предвидится, а за Мэллори она действительно рада. Она видела Джексона при родах, и он показался ей способным сделать Мэллори очень счастливой.

Приятно знать, что для некоторых все заканчивается хорошо.

Шейла взглянула на Лайзу. Медсестра склонилась над книгой записей и что-то колдовала в ней, видимо выполняя просьбу Шейлы передать на время часть пациенток доктору Келли. Как Шейла ни сопротивлялась, пришло время сбавить ход.

Матовое окошко все еще было закрыто. Лайза обычно закрывала его, чтобы Шейла могла сосредоточиться на работе, но сейчас ей хотелось, чтобы окно было открыто.

Нет, она этого не хочет.

Гордо расправив плечи, Шейла отправилась в следующую смотровую. Резкая боль пронзила позвоночник. Шейла не обратила на нее внимания. Если бы она начала размышлять над каждым ощущением, то пролежала бы на спине все девять месяцев. Работа — лучшее лекарство.

Три часа спустя Шейла обнаружила, что поток пациенток иссяк. Как сообщила Лайза, приемная опустела, если не считать Слейда.

— Ты уверена?

Лайза утвердительно кивнула.

— Нет вызовов из больницы? — с надеждой в голосе спросила Шейла.

— Никаких вызовов, — разочаровала ее Лайза. Интересно, что связывает доктора и мужчину в приемной? Лайза встретила взглядом с другой медсестрой и поняла, что им обеим пришла в голову одна и та же мысль. Это отец ребенка. Несомненно. Никогда еще доктор Поллак не выглядела такой встревоженной и смущенной.

Немедленно почувствовав потребность защитить Шейлу, Лайза положила ладонь на ее руку.

— Я могу сказать ему, что вас срочно вызвали.

Соблазнительное предложение, но Шейла отрицательно покачала головой. Зачем оттягивать неизбежное? Он все равно когда-нибудь узнает. Правда, она откладывала это неизбежное до того времени, когда ребенок закончит колледж. Перед речью на выпускном вечере — в самый раз.

— Нет, проводи его в кабинет. Я с тем же успехом могу покончить с этим сейчас.

Вздыхая, она повернулась к комнате в конце короткого коридора.

Шейла вошла в кабинет и села за письменный стол, чувствуя себя гораздо более усталой, чем все последние месяцы. Хорошо бы стол был повыше или стул пониже! Или, и об этом она подумала впервые после того, как сама провела тест на беременность, результат был бы каким-нибудь другим.

Она не предвкушала удовольствия от необходимости сказать Слейду Гарретту, что вынашивает его ребенка.

Мужчина, с которым она занималась любовью, приобрел в ее памяти почти сверхъестественные качества и с течением времени становился все лучше. Она не ждала, что реальный Гарретт может соответствовать ее идеалу, и не хотела разрушать колдовское очарование той ночи. При дневном свете чары растают. Шейла снова вздохнула.

Слейд прочитал все журналы полчаса назад и задолго до этого перестал мысленно редактировать статьи. Последние три часа он терпел любопытные взгляды процессии пациенток, в конце концов исчезавших за дверью, которую ему не разрешили открыть. Теперь наконец приемная опустела. Вряд ли на четверть шестого назначен кто-нибудь еще.

Слейд услышал, как открылась внутренняя дверь, и встал, возвышаясь над вошедшей медсестрой. Той, которая передала его просьбу Шейле. Он взглянул на карточку с именем, прикрепленную к халату, и храбро спросил:

— Моя очередь, Лайза?

Что-то в его глазах заставляло забывать о необходимости дышать. Лайза спохватилась и кивнула:

— Да. Доктор вас сейчас примет.

— Смелое решение, — загадочно сказал Слейд.

Он не мог объяснить себе, почему не ушел час назад. Его работа требовала терпения, но он так и не привык проявлять его. Ожидание вызывало у него раздражение. Но любопытство приковало его к стулу.

У него было три часа, чтобы сосредоточиться на образе, который он помнил, и поразмыслить, соответствует ли этот образ реальной Шейле. Он в этом сомневался, но должен был увидеть своими глазами. Он решил, что должен это им обоим.

Несколько месяцев назад был момент, когда снайпер убил его проводника и чуть не убил его самого. И в этот момент из всей своей жизни он увидел Шейлу, какой она была тогда на пляже — окутанная лишь лунным светом и его взглядом. Этот образ горел в его мозгу даже после того, как он достиг убежища.

Ни одна другая женщина не оказала на него такого сильного и длительного влияния. Надо выяснить, почему: только ли из-за романтичности ситуации, или их связывает нечто большее, чем невероятно страстная ночь.

Он прошел за медсестрой в самую последнюю комнату.

— Ага, святая святых.

Медсестра пробормотала что-то неразборчивое и отступила. Его удивил ее странный взгляд и то, как смотрели на него две других медсестры. Он не может быть первым мужчиной, появившимся здесь, подумал Слейд.

Он потер рукой шею, зудевшую, как всегда, когда он попадал в неожиданную ситуацию, повернул дверную ручку и вошел.

Она была в кабинете, сидела за своим столом. Темнеющее синее небо подчеркивало белизну ее халата и блеск белокурых волос. Она сидела, строго сложив перед собой руки, как студентка какого-нибудь частного колледжа, ожидающая прихода учителя.

Чары снова завладели им. Она была так же прекрасна, какой он ее помнил.

Еще прекраснее.

Черт ее поберит.

— Мне нравится ваша приемная, — он кивнул назад, не сводя с нее глаз. Что-то в ней изменилось. Что-то появилось в глазах, понял он. Страх? Вызов? Трудно разобрать. — Вы не любите глубокие кресла?

Она улыбалась, несмотря на то что чувствовала себя сплошным комком нервов. Он выглядел более загорелым, и волосы его были длиннее, чем в ту ночь. Но воспоминания не лгали, разве что со временем слегка сгладились. Он был еще красивее, чем запомнился ей, хотя это казалось невероятным.

Она крепче сцепила руки и ответила в том же тоне: бодро, но с некоторым напряжением:

— Беременным женщинам тяжело выбираться из глубоких кресел, они затягивают, как огромные подтаявшие зефирины. Так как вы поживаете?

Прежде чем он успел ответить, она очень обдуманно разомкнула руки и откинулась на спинку стула.

И увидела, как вытягивается его лицо при виде ее раздувшегося живота.

Ей пришлось ждать ответа, пока он молча смотрел на нее.

Господи, ну и невозмутимая особа! Слейд попытался как можно лучше замаскировать свою реакцию.

— Прекрасно, когда в меня не целятся.

Никакого удивления. Ничего. Шейла испытала легкое разочарование.

— Напомните мне сыграть с вами в покер.

Слейд коротко рассмеялся.

— Прошу прощения, вы захватили меня врасплох. Я отыграюсь.

Внутри у него будто разгорелся пожар. Он автоматически взглянул на ее руку. Кольца не было, но, может быть, бриллиант, подаренный мужем, слишком велик, чтобы носить его в рабочие часы. Несомненно, этот булыжник цеплялся бы за резиновые перчатки.

— Я думаю, поздравления уместны, — его голос прозвучал странно и глухо. Жизнь любит пошутить! Все это время он, оказывается, мечтал о замужней беременной женщине.

— Вы имеете в виду ребенка?

Одно следовало из другого.

— Я имею в виду свадьбу.

Она непонимающе смотрела на него.

— Какую свадьбу?

В какие игры она играет? Она кажется такой огромной, что вот-вот лопнет. Может, это и неразумно, но он чувствовал себя обманутым.

— Вашу.

Шейла прищурилась, сбитая с толку. О чем он говорит? Она приподняла брови, на губах ее заиграла улыбка.

— Я выхожу замуж?

На дворе девяностые, напомнил себе Слейд. Старомодные традиционные взгляды существуют рядом с удобными современными. Но, работая нерядовым врачом в одной из самых уважаемых больниц страны, она должна была бы выйти замуж до или после рождения ребенка.

Он подошел поближе.

— Значит, вы не?..

— Выхожу ли я замуж?

Он кивнул. Шейла встала, внезапно почувствовав себя как на электрическом стуле.

— Нет.

Концы с концами не сходились. Она не казалась ему человеком, способным показать кукиш обществу.

— Тогда как?..

Он что, дразнит ее?

— Я думала, что мужчина с вашей профессией и опытом знает, как.

Не сводя глаз с ее лица, Слейд потянулся к карману, затем мысленно обругал себя и

табачные листья за то, что они вообще существуют.

Вдруг его мозг заработал в совершенно ином направлении.

— Сколько месяцев беременности? — тихо спросил он.

Ах, до него начинает доходить, не так ли? Интересно, он вообще тугодум или просто не спешит признавать свою причастность?

— Все, — резко ответила она, желая прекратить этот разговор. Хоть бы телефон зазвонил. Где эти срочные роды, когда они так нужны? — Девять месяцев.

Девять месяцев. Здорово! Он сел на край стола, так как вдруг потерял уверенность в том, что ноги смогут удержать его.

— Значит, ребенок...

— Ваш, да, — закончила Шейла фразу. В его глазах не паника, но что тогда?

— Блеск. — Он потер шею рукой. Зуд прекратился. — Какой подарок к возвращению домой.

Шейла не смогла сдержать смех. Он выглядел совершенно ошеломленным.

— Вы побледнели.

Ребенок. У нее ребенок. У него ребенок. Вроде того. Слейд выдохнул и мысленно взмолился о сигарете. Только одной.

— Слегка потрясен, вот и все.

Да, этого можно было ожидать.

— У вас нет причин для потрясения.

Он сделал жест, чтобы она замолчала. Он после разберется, что у него есть и чего нет. Сейчас надо решить более важную проблему.

— Почему вы не сообщили мне?

Она пожала плечами, не уверенная, нравится ли ей его тон. Ей определенно не нравилось свое собственное самочувствие в данный момент. Как-то не по себе, голова кружится. Тяжело сосредоточиться.

— Я не могла связаться с вами, и, кроме того, мы уже взрослые...

Его взгляд снова упал на ее огромный живот.

— Это видно.

Нет, ей точно не нравится его тон, решила Шейла. Она не знает, почему пыталась освободить его от ответственности. Может, потому, что не хочет ни от кого и ни от чего зависеть.

— Я вполне способна сама позаботиться о ребенке.

Он и не думал, что она будет распускать нюни. Сцепив руки, он продолжал следить за нею. Она встала и заходила по кабинету.

— Но он и мой.

Шейле показалось, что она понимает, почему он мог бы сомневаться, но ей стало больно. Она не звала эту боль, но та явилась.

— Да.

Он следил за выражением ее глаз.

— Вы уверены?

Боль быстро переросла в гнев. Она попыталась взять себя в руки, и, когда заговорила, в неторопливом ритме слов едва слышался намек на полыхавшую в ней ярость.

— Случай, конечно, странный. Ты сбил меня с ног в прямом и переносном смысле. Но не воображай. Я не сплю с кем попало. — Она говорила еще медленнее. Спина не на шутку разболелась, и она прижала руку к позвоночнику. В горле пересохло. Она с тоской вспомнила о бутылке воды в холодильнике.

Он все еще не пришел в себя.

— Но я пользовался...

Да, даже потеряв голову, они занимались безопасным сексом. Ирония судьбы. Она пожалала плечами.

— Так бывает. Это твой ребенок.

Он поверил ей. Не потому, что очень хотел, а потому, что видел: она говорит правду.

— Хорошо. Тогда выходи за меня замуж.

Потрясенная, она успела обрадоваться, что в этот момент не пила воду. Она бы поперхнулась.

— Что ты сказал?

— Если это мой ребенок... — Слейд увидел, как приподнялись ее брови, и сформулировал иначе: — Поскольку это мой ребенок, я отвечаю за него. Я думаю, что нам следует пожениться.

Не эти слова она ожидала услышать от такой свободолюбивой личности, как Слейд. Произнесенные, они вызвали лишь ее раздражение. Свалился ей на голову и взялся за решение их будущего, даже не посоветовавшись с ней!

— Причина, по которой я даже не пыталась связаться с тобой, Слейд, состоит в том, что мне не нужно твое предложение и твоя «ответственность». Я прекрасно могу сама заботиться об этом ребенке. Мне это по душе и по карману.

— Но он мой. Ты только что призналась. Это значит, что я имею право на собственное мнение.

Шейла скрестила руки на груди.

— И каково же твое мнение?

Я только что его высказал, подумал Слейд. Предложил ей выйти замуж. Может быть, ей требуется разъяснение?

— Я думаю, что ребенку будет лучше в полной семье.

Мамочка, папочка и ребенок лично в ней не вызвали образ семьи. У нее было другое мнение.

— Когда он вырастет, у него будет семья.

— Он?

Она хочет сказать, что это мальчик?

— Или она, — внесла изменение Шейла, прочитав его мысли. — Нет, я не делала обследование. В некоторых вещах я люблю сюрпризы.

Если уж говорить о сюрпризах, то Слейд чувствовал себя так, будто его ударили по голове полицейской дубинкой. Но он хотел поступить правильно.

— Мы должны поговорить.

Шейла чувствовала, что приступы боли становятся все сильнее, и точно знала, что происходит. Она получила срочные роды. Прямо здесь и сейчас. Надо выпроводить его немедленно.

— Сейчас мы должны попрощаться. У меня обход, так что, пожалуйста, извини меня.

Решительно взяв его за руку, она чуть ли не вытолкала его в холл.

— Но...

Шейла закрыла дверь перед его носом и оперлась о нее. Закусив губу и закрыв глаза, она начала считать про себя.

Да, никаких сомнений. У нее начались роды. На этот раз наверняка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Родовые схватки были сильными. Никакого сравнения с тем, что она чувствовала неделю назад. Теперь они точно настоящие.

Теперь уже недолго, подумала Шейла.

— Похоже, ты ранняя пташка, — прошептала Шейла, обращаясь к ребенку в своем животе, — как и твоя мама.

Она взглянула на дверь, испытыв мгновенное желание вернуть Слейда, но заставила себя подавить малодушный порыв. Ее первое решение было правильным. Она сделает все сама.

— Представления не имею, каков твой папа, кроме того, что он сексапильный и напористый. Очень сексапильный, — прошептала она как раз перед тем, как новая волна боли накрыла ее.

У нее перехватило дыхание. Пришлось подождать минуту, прежде чем появились силы добраться до стола и телефона. Несмотря на прохладу в комнате, ее лоб покрылся испариной.

По крайней мере ребенок любезно дождал конца приема, подумала Шейла, набирая прямой номер приемного покоя Мемориальной больницы Харриса.

Трубку подняли после второго гудка.

— Приемное отделение. Роза Мартинес. Чем могу вам помочь?

Шейла скривилась, чувствуя приближение новой схватки.

Можете родить за меня моего ребенка, подумала она, едва дыша.

— Это доктор Шейла Поллак. Думаю, мне пора воспользоваться палатой, которую я зарезервировала.

Прежде чем женщина ответила, Шейла услышала стук клавиш. Очевидно, Роза набирала ее имя, вызывая информацию из банка данных.

— Сейчас, доктор?

— О да, определенно сейчас.

Шейла положила руку на живот, как будто это могло облегчить боль. Так вот что такое настоящие схватки. Нельзя сказать, что очень приятно.

— Здорово. Я выиграла пари, — услышала она радостный возглас на другом конце провода. Шейла смутно догадывалась о существовании этого пари с того самого дня на прошлой неделе, когда у нее были ложные схватки. — Извините, доктор. Я немного возбудилась. Никогда раньше ничего не выигрывала.

Шейла выдавила смешок и подумала, не присесть ли, но отвергла эту идею. Если она сядет, то вряд ли сможет встать без посторонней помощи.

— Ничего. Приятно узнать, что я озарила чей-то день, хотя на вашем месте я бы не стала забирать выигрыш прямо сейчас. — Шейле казалось, что она вот-вот разродится, но она прекрасно понимала, что все не так просто. — Ребенок может оказаться медлительным и решит потянуть до завтра.

Дружелюбие женщины вылилось в болтливость.

— Ничего подобного, доктор. Только не ваш ребенок. Всем известно, что вы все делаете быстро. Вот почему все медсестры вас любят. Вы не тянете резину. Моя сестра работает в родильном отделении; по ее словам...

Шейла стиснула зубы, подавляя крик. Она едва слышала, что ей говорят. Голова кружилась, и она заставила себя сосредоточиться на голосе.

— Роза?

Женщина перестала болтать.

— Да, доктор?

— Я буду в больнице через несколько минут. — Необходимо поймать Лайзу или кого-нибудь из медсестер, пока они еще не ушли. Больница всего лишь в квартале отсюда, но в таком состоянии ей не дойти и вряд ли она сможет вести машину. — Может, чуть позже.

Шейла еле выдавила последние слова и выронила телефонную трубку, вцепившись в край стола и пытаясь преодолеть нахлынувшую слабость. Трубка скользнула в мусорную корзинку.

Самая сильная схватка, подумала Шейла, когда боль охватила ее стальными клещами. Мир вокруг затянулся молочно-белым туманом. Или это ее поглотил туман? Нет, она сейчас точно упадет в обморок.

Струйка пота побежала по позвоночнику, прилепив намокший халат к спине. Господи, не дай мне потерять сознание!

Ничего не замечая вокруг, она с трудом дотянулась до трубки, положила ее на место и вдруг с удивлением обнаружила, что Слейд стоит рядом.

Споря с самим собой, Слейд прошел весь коридор до лифта и только тогда решил вернуться. Он подчинился интуиции, а интуиция никогда прежде не подводила его.

— Послушай, я не приму отказа, — сказал он, обращаясь к ее спине. — Я хочу дать имя этому ребенку.

О Господи, опять он. Мне сейчас только споров не хватает.

— У ребенка будет имя, — проскрежетала она сквозь сжатые зубы. — Мое.

Слейд положил руки ей на плечи, чтобы повернуть лицом к себе. Халат под его пальцами был влажным. Мелькнула мысль, что в комнате не жарко. Почему же она потеет?

— Шейла, я хочу жениться на тебе. Я хочу жениться, пока ребенок не родился.

Она не сопротивлялась, потому что у нее не было сил, и позволила ему повернуть ее.

— Слишком поздно.

Она была мертвенно-бледной и потела. Он автоматически прижал ее к себе, испугавшись, что она упадет.

— У тебя схватки?

— Логичный вывод, Шерлок, — прошептала она. — Теперь я понимаю, почему редакция так ценит твой острый ум.

Новая волна боли накрыла ее, пронзив насквозь остро отточенными лезвиями. Она чуть не захныкала, но в последний момент подавила стон.

— Да, у меня схватки.

Следующее ощущение заставило Шейлу взглянуть на ковер. Прямо у ее ног расплывалось

маленькое, почти незаметное влажное пятно. Лопнул плодный пузырь.

Шейла вздохнула.

— Это я как врач говорю.

Слейд попадал и не в такие переплеты, хотя роды принимать ему никогда не приходилось. И от подобной перспективы ему стало не по себе. Однако он постарался говорить спокойно:

— Тем больше причин сделать из тебя порядочную женщину.

Шейла закатила глаза — и не только от боли — и постаралась дойти до двери, но ноги не слушались.

— Ты не говорил мне, что старомоден, Гарретт. — В ее голосе мелькнуло отчаяние, и она крепко вцепилась в его руку, чтобы не упасть.

— Ты не спрашивала.

Разжав пальцы, Шейла облегченно вздохнула. Боль прошла. Если повезет, следующие несколько схваток будут не такими сильными. Ей необходимо лишь несколько минут, чтобы добраться до больницы, больше ничего. Только чуть-чуть времени. Не такая уж большая просьба, правда?

Тело ответило, что, может, и выполнит ее.

Беря на себя контроль за ситуацией, Слейд обхватил ее за талию.

— Ладно, пошли.

Шейла не любила, когда ею командовали. Кроме того, не Слейда она собиралась взять в провожатые.

— Пошли куда?

Она издевается или пытается что-то доказать?

— В больницу. Ты рожашь.

Она невольно улыбнулась.

— Спасибо, что ты мне об этом сказал. Иначе я бы ни за что не догадалась.

Он оглянулся, пытаясь найти ее сумочку, ничего не увидел и решил не тратить время. В больнице Шейлу наверняка все знают, а ее медсестры позаботятся о мелочах.

Слейд осторожно повел ее к двери, укорачивая шаг, чтобы приноровиться к ней.

— Ты всегда такая раздражительная?

Да, подумала Шейла, должно быть, такой она выглядит со стороны.

— Только когда рожаяю. — Она не собиралась извиняться, но в глазах появилось виноватое выражение. — Послушай, ты не должен возиться со мной. Кто-нибудь из медсестер отвезет

меня. Это всего в квартале отсюда.

Шейла вздрогнула и замолчала. Только гордость удержала ее от того, чтобы не скорчиться от боли.

Эта женщина упряма как мул. В другое время он бы нашел ее упрямство стимулирующим, даже забавным. Но не сейчас.

— Позволь мне побаловать себя, Шейла. Я всегда хотел иметь повод промчаться по Ньюпорту.

— Один квартал? Чудесно. Ты собираешься превратить мои роды в автогонки?

Ей хотелось выйти из кабинета уверенно, как всегда, но не получалось. Она едва передвигала ноги, хотя и не желала в этом признаваться.

Слейд добродушно пожал плечами, выводя ее в коридор.

— Все имеют право мечтать.

Медсестер уже не было. Осталась только встревоженная Лайза, желавшая собственными глазами убедиться, что Шейла уйдет домой.

Лайза вскочила, увидев появившуюся Шейлу. Одного взгляда ей было достаточно. О Господи, началось, подумала она.

— Вам нехорошо, доктор?

Бывало и лучше, гораздо лучше, подумала Шейла, взглянув на Слейда, и тяжело вздохнула.

— Вообще-то я рожая.

Слейд, не останавливаясь, бросил через плечо:

— После того, как мы поженимся.

— Доктор... — Лайза растерянно смотрела им вслед.

— Не волнуйся. Я могу позаботиться о себе. — Шейла имела в виду Слейда, а не свое состояние. — Я уже позвонила в приемный покой. Пожалуйста, сообщи доктору Келли, что он сегодня понадобится.

Лайза кивнула, возвращаясь к своему столу.

— Компетентна даже в родах, — прокомментировал Слейд. — Восхитительно.

— Необходимо, — поправила его Шейла. Лифт был всего в нескольких шагах от ее кабинета. Почему кажется, что так далеко? Шейла подозрительно взглянула на Слейда, когда они добрались до металлических дверей лифта. — Ты случайно не собираешься везти меня в церковь?

Слейд нажал кнопку лифта и не отпускал, пока лифт не прибыл и двери не открылись. Придерживая их, он ввел Шейлу внутрь.

— Нет, но в больнице есть часовня. — Он увидел, как подозрение в ее глазах перерастает в тревогу, и кратко разъяснил: — Я знаю. В прошлом году я брал интервью у больничного священника. Он обычно бывает в больнице во второй половине дня.

Как жаль, что после реконструкции в лифтах убрали металлические поручни. Ей не за что было держаться, кроме Слейда, и в данный момент это не способствовало демонстрации гордости.

— Как удобно.

К счастью, лифт спустился до первого этажа без остановок.

— Ты можешь идти? — спросил Слейд, когда двери снова открылись. Он не хотел оставлять Шейлу одну, пока будет ходить за машиной, которую оставил далеко от входа.

Боль на время отпустила, дав ей передышку. Вернулись кое-какие силы.

— В данный момент я могла бы и пробежаться. — Шейла посерьезнела. Она знала о Слейде только то, что он ей рассказывал. Что, если все это ложь? Не в первый раз ей лгут, подумала она, вспоминая времена своей работы в ординатуре. Что, если она занималась любовью с сумасшедшим? Одним из тех, кто страдает навязчивыми идеями? — Ты не можешь силой заставить меня выйти за тебя замуж.

Они уже шли к его машине. Он взглянул на нее, но она не смогла прочитать выражение его глаз.

— Не думаю, что придется заставлять. Мне кажется, твой здравый смысл победит.

Журналист мог бы поубедительнее отстаивать свое мнение. Она внутренне посмеялась. Над собой. И над ним.

— Гарретт, если бы у меня был здравый смысл, я бы не танцевала на пляже под луной. — Произнося эти слова, она не смогла заставить себя пожалеть о той ночи или о том, что привело к ее теперешнему состоянию. — Кроме всего прочего, столько песка набилось в одежду!

Ее слова, пусть небрежные, живо напомнили Слейду ту ночь. Его улыбка стала нежной, ностальгической.

— У меня пробуждаются воспоминания.

Да, напомнив ему о той ночи, она лишь укрепила его решимость. Однако она не собирается выходить за него замуж. И не потому, что в глубине души не хочет этого, а потому, что это было бы неправильно. С ее точки зрения.

Боль возвращалась. Она едва чувствовала землю под ногами. Где, черт побери, он оставил машину? В Портленде?

— Что бы у тебя ни пробудилось, я не хочу усугублять одну ошибку, совершая другую.

Он заметил, что она снова стиснула зубы, и постарался вести ее как можно быстрее.

— Ты так об этом думаешь? Как об ошибке? — спросил он, глядя на ее живот.

Нет, вот это не ошибка. Но она должна заставить его понять.

— Я морально не готова была заводить семью в том месте и в то время. Я и сейчас не готова, — добавила она, чувствуя, как слабеет ее решимость.

Слейд остановился около своей машины и быстро открыл дверь со стороны пассажира.

— Ну, что-то было готово. Я говорю не о рассудке, а об эмоциях. — Он усадил ее и вытянул ремень безопасности до предела. Спортивная машина не лучшее средство для перевозки рожениц. — Как ты себя чувствуешь эмоционально?

— Готова визжать. — Она вцепилась в его руку, защелкивавшую ремень, и не отпустила, пока боль не прошла. — Господи, какая острая боль.

Он осторожно высвободился.

— Как твои ногти.

На его руке остались отпечатки всех пяти.

— Это ничто по сравнению с моим языком, — ответила Шейла, когда он сел рядом.

Он завел мотор и начал подавать машину назад.

— Предупрежден — значит, вооружен.

Его уверенность и раздражала и очаровывала. Надо отдать ему должное. Ее гормоны разыгрались, как кукуруза в микроволновой печи.

— Не обманывай себя.

Слейду показалось, что это не пустая угроза. Интуиция подсказывала, что у него никогда не будет достаточно оружия против Шейлы. Но и это казалось правильным. Незвестность была частью очарования.

Нажав на акселератор, Слейд промчался мимо единственного на их пути светофора, как раз когда замигал красный свет. Сразу за светофором на территории больницы вела длинная извилистая дорожка.

Слейд чувствовал, как сильно он изменился за время последней командировки. Изменился его взгляд на мир. Перестало быть важным то, что было важным раньше. У него появились новые моральные ценности, новые цели в жизни.

В последние девять месяцев, когда смерть и разрушение оставляли визитные карточки впереди него и за ним, а иногда шли рядом, бок о бок, он понял, что есть в мире то, что он еще не сделал, но хочет сделать. Может, маленькое, но бесконечно ценное. Он не хотел умирать, пока не сделает этого.

Он хотел подержать в руках своего ребенка, любить свою жену. Просыпаться каждое утро рядом с одной и той же женщиной.

Беременность Шейлы как будто подтвердила, что кто-то подслушал его мысли и устроил его жизнь так, как он хотел.

Оглядываясь на свою жизнь, он осознал, что все смерти и опустошения, свидетелем которых он был, толкали его к тому, чтобы отрешиться от роли стороннего наблюдателя и пожить

немного собственной жизнью. Насладиться для разнообразия земными радостями.

Остановиться и вдохнуть запах детской присыпки.

И теперь, когда это действительно случилось — хотя он и представления не имел об этом и ничего заранее не планировал, — Слейд не собирался выпускать из рук то, что ниспослано ему Богом.

Это было бы несправедливо. А он искренне верил в справедливость.

Небольшая парковка, предназначенная для приемного покоя и выписанных больных, была забита битком. Ругаясь про себя, Слейд направился к стоянке для посетителей. Медленно ведя машину, он взглянул на Шейлу.

— Ты должна дать ребенку фамилию. — Она открыла рот, чтобы возразить, но он опередил ее: — Настоящую фамилию.

— Настоящую? — отозвалась она. На что он намекает? — Ты когда-нибудь смотришь на даты в газетах, которые печатают твои статьи? За окном девяностые, Слейд. Люди живут по другим законам.

Люди не сильно изменились за последние десятилетия. Они все еще люди. И старые предрассудки умирают с трудом. Он не хотел, чтобы на его ребенке лежало клеймо позора.

— Неужели? — язвительно спросил он и тихо добавил: — А ты?

Они много разговаривали в ту ночь, и не только из-за вина. Они оба были искренними. Он чувствовал, что узнал ее довольно хорошо. Пусть сейчас она говорит себе, что общественное мнение не имеет для нее значения, но в конце концов поймет его важность.

Они оба говорили, что не хотят связывать себя, не хотят обременять обязательствами. Тогда это все было очень отвлеченно и занимательно.

И пусто, как он теперь понимал.

Он чувствовал ее душу в ту ночь, и его душа стремилась ответить ей.

Сейчас Слейд нутром чуял, что именно Шейла спасла его от пули снайпера в Боснии и от бомбы в Бейруте. Он просто должен был вернуться домой и стать отцом ребенка, который ждал его здесь без его ведома. Не было другого разумного объяснения такому необычному везению.

Но Шейла упрямо стояла на своем.

Слейд продолжал говорить, будто и не ожидал ответа:

— Пациентки будут благосклоннее смотреть на своего доктора, если, родив ребенка, она выйдет замуж.

Теперь он читает ей мораль. Раздражение прорвалось сквозь надвигающуюся боль.

— Все, что им от меня требуется, так это моя компетентность. — Шейла вспомнила о Мэллори, о Николь и Эрин до нее. — И, может, плечо, на которое они могут опереться и поплакать в него.

Косясь одним глазом на Шейлу, Слейд медленно лавировал между машинами в поисках свободного места. Он просто боялся выпустить ее одну, пока он будет парковать машину. Неужели все жители Ньюпорт-Бич явились сегодня в больницу?

— А что от тебя требуется ребенку?

Этот вопрос полегче.

— Любовь. — Она чуть не выплюнула это слово, задыхаясь от боли.

Кажется, в следующем ряду есть свободное место. Остается только надеяться, что никто не займет его, пока он доберется.

— Как насчет ответственности?

Будь у нее силы, она бы рассмеялась. Услышать об ответственности от человека, который клялся, что свободу он ни на что не променяет.

— То есть выйти за тебя замуж?

У нее схватки, сказал он себе. Он не должен обижаться на ее тон.

— А что во мне плохого?

— Ничего. — Как любовник, он само совершенство. Но для брака необходимо больше, чем искусство любви. И потом, она не уверена, что сама подходит на роль жены или матери семейства. Ее мать не подходила. Как сможет дочь создать домашний уют? — Но я также не знаю, что в тебе хорошего.

Природа создала Слейда так, что он всегда искал легкий путь.

— Мы узнаем друг друга после церемонии.

Это простое заявление ошеломило ее.

— Гарретт, никакой церемонии не будет.

Невозможное его также никогда не смущало. В препятствиях он видел только брошенный ему вызов.

— Я могу дернуть за веревочки.

Он серьезен. И, возможно, всемогущ.

— Меня не интересуют никакие веревки, если только они не на твоей шее. — Она пристально смотрела на Слейда, которого, казалось, не интересовало ничего, кроме узкой щели, в которую предстояло втиснуть машину. — Слейд, я не верю в семейную жизнь.

Конечно, верит. Просто боится. Он не мог винить ее. В браке всегда есть элемент риска, но это-то и интригует.

— Зато я верю. Семья идет сразу за «правдой, справедливостью и американским образом жизни» и перед верой в победу моей любимой бейсбольной команды.

Слейд отстегнул свой ремень безопасности и повернулся к Шейле.

— Эй, док. Где твоя любовь к приключениям?

Шейла вцепилась в свой живот. События внутри нарастали.

— Я сейчас занята, Слейд. Кончай болтать и доставь меня в больницу. Я не уверена, что у меня есть время.

Слейд выскочил из машины и подбежал к ее дверце. Не успела она запротестовать, как он схватил ее на руки. Даже беременная, она не тяжелая, подумал он.

Его молнией пронзила мысль, что он держит на руках свою будущую жену и ребенка, и он, улыбаясь, понес ее ко входу в больницу.

— Ты соображаешь, что делаешь?

— Так мы быстрее доберемся, — успокоил он.

Ирония судьбы. Умение вести переговоры всегда было его сильной стороной и спасало из критических ситуаций. Теперь оно втягивало его в такую ситуацию.

— Я не хочу, чтобы мой сын...

В другое время Шейла сочла бы происходящее безнадежно романтичным. Сейчас все было просто безнадежно.

— Или дочь.

Он принял поправку на бегу.

— ...или дочь несла то же клеймо, что и я.

Как серьезно он это сказал!

— Клеймо?

Он утвердительно кивнул.

— Шейла, в слове «ублюдок» до сих пор не меньше боли, чем десятки лет назад. — Он взглянул на нее. Понимает ли она, что он пытается сказать. — Я не хочу, чтобы мой ребенок его слышал. Чтобы оно звенело в его ушах после того, как звук растает в воздухе. Я не хочу, чтобы мой ребенок чувствовал себя не таким, как все, зная, что его отец не побеспокоился даже попытаться создать союз с его матерью.

Он ее поймал, по глазам видел, что поймал. В ее глазах появилось сочувствие.

— Тебя, может, и устраивает самостоятельность, но она не помогает ребенку понять, почему у него нет отца и в чем его вина.

Слейд резко остановился перед тронувшимся автомобилем, но водитель притормозил и помахал, пропуская его. Слейд пошел дальше, продолжая убеждать:

— Шейла, я хочу быть рядом, чтобы отгонять его страхи. Я хочу быть рядом с ним. И с

тобой. — Он улыбнулся ей. — Нам было хорошо вместе.

— Одну ночь.

Несмотря на ее героическое сопротивление, он побеждал. Она чувствовала, как быстро сдается.

Она все еще хорошо пахнет, думал он. Как в ту ночь. Как в его снах.

— Да, и посмотри, что мы успели создать, — он кивнул на ее живот. — Представляешь, чего мы добьемся, если у нас будет больше времени.

Он внес Шейлу в вестибюль. Люди смотрели на них и улыбались. Добровольная помощница в столе справок схватилась за телефон и отстучала внутренний номер.

— Идите прямо в приемный покой, — сказала она Слейду. — Вас уже ждет кресло для перевозки.

— Слейд...

Часовня, небольшое узкое помещение, находилась справа. Лучи заходящего солнца, проникая через маленькое витражное окно, окрашивали ковер золотом и лазурью.

— Шейла, выходи за меня замуж, — прошептал Слейд ей на ухо. — Давай попробуем. Если не сработает, мы всегда можем развестись. Но дадим ребенку незапятнанное начало. Пусть у него будут мама и папа. Законная пара.

Безумие, подумала она. Полное безумие.

— Как солонка и перечница.

Он усмехнулся. Победил.

— Я буду солью, а ты перцем.

Ей показалось, что он должен был бы по-другому распределить роли.

— Почему?

Его ухмылка стала шире, интимнее.

— Потому что мне понравился огонь в твоих глазах в ту ночь.

От его обаяния у нее кружилась голова, точно как тогда. Боль на секунду отпустила, и Шейла почти согласилась.

— Это безумие.

Он со смехом отмахнулся от обвинения.

— Эй, мир немного безумен, но это самое разумное, что я делаю за последние девять месяцев.

Шейла облизала верхнюю губу.

— Если я скажу «да»...

Он порывисто прижался губами к ее губам, следуя за ее языком. Черт побери, она все так же действует на него. Он за нее поборется.

У Шейлы кружилась голова, она едва дышала. Слейд действовал на нее сильнее, чем родовые схватки.

— Если я скажу «да», — повторила она дрожащим голосом, — я хочу, чтобы ты понимал: это только на время. Только чтобы дать ребенку имя. Как ты сказал.

Он нес ее в приемный покой, следуя указаниям стрелок на стенах.

— Хорошо, согласен. Но даже у телевизора есть годовая гарантия.

Может, из-за схваток, но она его не поняла.

— При чем тут телевизор?

— Дай нашему браку год. Если к концу года не сработает, мы разведемся.

Развод. Жестокое, холодное, отрезвляющее слово. Что она делает, соглашаясь даже задуматься над этим безрассудством? Она сошла с ума? Наверное.

Здравый смысл превозмог боль.

— Я не знаю...

Их взгляды встретились.

— Подумай о ребенке.

Он что, издевается?

— В данный момент я не могу думать ни о чем другом.

Слейд чувствовал, как Шейла цепенеет в его руках. Новая схватка, подумал он и беспомощно огляделся. Женщина за конторкой приемного покоя уже махала им. Навстречу им санитар катил кресло на колесиках.

Слейд поцеловал Шейлу в лоб.

— Жди и держись.

Я держусь, сказала себе Шейла. Другие же выдерживают.

— Я не собираюсь рожать в вестибюле.

— Я имел в виду — держись, пока я не приведу отца Куллэма.

— Доктор Поллак, привет, я Роза. — Сияющая молодая женщина сжала руку Шейлы. — Все для вас готово. Доктор Келли в пути.

Ей не нужен доктор Келли в пути, он нужен ей здесь. А больше всего ей нужно, чтобы все это поскорее закончилось.

Санитар подтолкнул кресло к Шейле и посмотрел на Слейда.

— Отец Куллэм на третьем этаже. Но доктор Поллак не умирает, она только рожает.

Слейд рассмеялся и взглянул на Шейлу, отвечая санитару:

— Не для последнего ритуала. Для первого.

Мы оба сошли с ума, подумала Шейла, опускаясь в кресло, и помахала рукой Слейду, отсылая его прочь.

— Иди найди его. Но я ничего не обещаю.

Слейд исчез прежде, чем санитар покатил Шейлу по коридору.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Отец Куллэм?

Слейд стукнул в дверь один раз и заглянул в палату. Медсестра в вестибюле третьего этажа сказала, что священник в Палате 324 или на втором этаже в палате 236. Пока удача ему не изменяла, повезло с первой попытки.

Хрупкий седовласый мужчина в черных брюках и черной рубашке с длинными рукавами посмотрел на Слейда и радушно улыбнулся, узнав его.

— Слейд, как поживаете?

— Это зависит от вас. — Слейд взглянул на юношу в постели. Тот не казался умирающим. — Не возражаете, если я украду его? — Не дожидаясь ответа, он ухватил священника за руку и вывел в коридор.

Отец Джон Куллэм познакомился со Слейдом Гарреттом год назад, когда Слейд собирался писать о волнениях в Северной Ирландии и отношении к ним людей, выросших там, но переехавших в Америку. Слейд хотел узнать религиозную и личную точку зрения отца Куллэма. За время беседы они подружились. Слейд завоевал восхищение и уважение священника.

— Неприятности, Слейд?

Слейд не просто выволок его в коридор, но уже тащил к лифтам.

— Объясню по дороге, — ответил Слейд, добравшись до лифта и нажимая кнопку.

— По дороге куда? — озадаченно спросил отец Куллэм.

Слейд услышал звонок где-то вдали и снова нетерпеливо нажал кнопку.

— На пятый этаж и на мое бракосочетание, — улыбнулся он священнику. — Я надеюсь.

Прибыл лифт, и Слейд быстро втянул священника в кабину.

Отец Куллэм чувствовал, что его втягивают в нечто большее, чем просто в лифт.

— Вы женитесь?

Слейд нажал кнопку пятого этажа.

— Если вы окажете мне услугу.

— Вы не могли бы объяснить помедленнее?

— Я вот-вот стану отцом, отец, — Слейд усмехнулся каламбуру. — Я узнал об этом всего полчаса назад. И хочу поступить честно, то есть жениться на этой женщине. Она здесь. В этой больнице.

Он перевел дух, понимая, как неправдоподобно звучит его объяснение. Неважно. Главное — он собирается совершить правильный поступок. Его вел инстинкт, а не эмоции.

— Она должна родить в любую минуту. — Слейд испытующе смотрел в светло-голубые глаза священника. — Вы сделаете это, отец? Вы пожените нас?

По правилам перед бракосочетанием полагались беседы и оглашение в церкви имен вступающих в брак. Отец Куллэм прекрасно знал, что ответили бы на просьбу Слейда церковники. Но ему нравилось считать себя прогрессивным. Он насмотрелся немало из того, что жизнь обрушивала на людей и здесь, и в его родной Ирландии. Большею частью она их не баловала. Он узнал, что нет правил без исключений.

Однако он знал также, что его работа — советовать, служить голосом разума.

Двери лифта открылись на пятом этаже, и они вышли. Отец Куллэм сразу остановился и повернулся к Слейду.

— Вам отказало благоразумие? — Он не собирался ни оскорблять Слейда, ни разъяснять важность брака и связанных с ним обязательств. Отец Куллэм полагал, что такой человек, как Слейд, все это осознает, но не мог не спросить: — Вы понимаете, что делаете?

Слейд понимал или думал, что понимал. Надеялся, что понимал. Поэтому он утвердительно кивнул.

— Иногда, отец, надо следовать внутреннему голосу.

— Да, но женится не только ваш внутренний голос. — Священник улыбнулся и перешел к формальностям: — Мне необходимы документы, анализы крови. Разрешение на брак.

Детали. Слейд знал по личному опыту, что детали всегда можно утрясти.

— Я могу все достать. — Он взглянул через голову священника туда, где, по его предположению, находилась родильная палата. — Но будет слишком поздно.

Может, уже слишком поздно.

Отец Куллэм удивленно выгнул седые брови.

— Вы должны были подумать об этом заранее...

Слейд нетерпеливо взъерошил волосы. Он должен убедить священника.

— Не о чем было думать. Я не знал.

— Она не сказала вам?

Слейд отрицательно покачал головой.

— Ни слова. Она упряма и независима.

Священник тихо засмеялся. Он вспомнил о своей сестре Дейдре, характер которой был таким же огненным, как ее волосы.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Моя сестра была такая же, упокой Господь ее душу. Ни дня не проходит, чтобы я не вспоминал ее с тех пор, как Всевышний призвал ее.

Слейд облегченно вздохнул. Священник понял.

— Тогда вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Она горда, отец, но и я горд. Горжусь ребенком, который у нас будет. Ребенком, который должен родиться с моим именем, не только с моими генами. — Слейд положил руку на плечо маленького священника, подчеркивая свою просьбу. — Я мог бы достать анализы и документы, отец. Но будет слишком поздно. Роды уже начались. Ребенку необходимо мое имя сейчас.

Ведя священника через вестибюль к медсестринскому посту, Слейд видел, что почти убедил его.

— Ну, — задумчиво сказал отец Куллэм, — это в высшей степени неправильно...

Слейд выстрелил наверняка.

— Мы могли бы, конечно, оформить гражданский брак, но я хочу, чтобы вы совершили обряд бракосочетания.

Слейд готов был держать пари, что отец Куллэм хочет того же.

Отец Куллэм в данный момент явственно слышал грядущие упреки монсеньора. Но он также слышал тихий плач ребенка, о котором шла речь, — новой души с ее нуждами.

— Документы?..

Получилось!

— Я оформлю их задним числом, — пообещал Слейд. — Есть люди, которым я могу позвонить.

Все будет улажено. Сейчас ему необходим человек, который может совершить обряд.

Отец Куллэм улыбнулся. Ангельская улыбка превратила бы его в прообраз святого Николая, если бы он весил фунтов на пятьдесят больше.

— В этом я не сомневаюсь. Уверен, что вы знаете множество людей, кому можно позвонить. — Священник вздохнул, сдаваясь. — Ну, полагаю, мы можем назвать обстоятельства критическими.

— Так оно и есть, — ликующе подтвердил Слейд.

Отец Куллэм внимательно смотрел на него, делая собственные выводы.

— А эта молодая женщина, она согласна?

Слейд решил, что Бог его простит, если он немного покривит душой в свою пользу.

— Она велела мне найти вас.

Отец Куллэм хлопнул Слейда по плечу и сказал не поучающе, а ласково:

— В мое время все было наоборот. Молодые люди сначала женились, а потом рожали детей.

Похоже было, что священник настроился на длинную историю, но драгоценное время истекало. Шейла могла рожать еще несколько часов, а могла родить в любой момент.

— Отец, если вы не поспешите...

Отец Куллэм ускорил шаги, смеясь про себя.

— Я думаю, что именно спешка довела вас до подобной ситуации... — Заметив, как Слейд помрачнел, священник понял, что не время для проповедей, и поднял руку, останавливая себя. — Нет, я не буду поучать. Обещаю.

На посту оказалась только одна медсестра. Остальные были заняты в палатах. Медсестра взглянула на них, явно озадаченная появлением священника.

— Мы торопимся, — сказал Слейд, надеясь, что еще не поздно. — Где доктор Поллак?

— Палата 520. — Все сестры любили доктора Поллак, и женщина поспешила за Слейдом и отцом Куллэмом, направившимися к указанной палате. — Что-то случилось? Никто не сказал мне, что нужен священник...

У Слейда больше не было времени на объяснения.

— Просто предосторожность, — успокоил он, подгоняя священника.

Медсестра остановилась.

— Ммм... друзья должны ждать в вестибюле, — неуверенно сказала она и показала туда, откуда они появились.

— Я не друг, — ответил Слейд через плечо. Все равно скоро все узнают. Можно с тем же успехом бросить мяч сейчас. — Я отец ребенка.

Слейд не стал ждать ее реакции, но услышал за спиной громкий вздох, подтвердивший, что мяч принят.

Отец Куллэм замешкался у закрытой двери. Он никогда раньше не присутствовал при родах.

— Вы думаете, это прилично?

Сейчас не время соблюдать приличия.

— Конечно.

Слейд ввел отца Куллэма в палату.

Шейла лежала на узкой кровати. Рядом с ней, как электронный часовой, стоял монитор. Руки ее судорожно сжимали края изголовья. Тело было напряжено до предела.

Господи, она выглядит ужасно, подумал Слейд. Нежность, сладкая и жгучая, охватила его.

— Шейла?

Она не могла ему ответить. Не могла до тех пор, пока тюремщик не освободит ее.

Когда схватка кончилась, Шейла вся обмякла. Столько раз стояла она по другую сторону, следя за монитором, предсказывающим приближение схваток, сочувствуя своим пациенткам, но никогда реально не представляла, насколько они болезненны... До этого момента.

Дрожа всем телом, Шейла громко выдохнула. Только открыв глаза, она поняла, что они были закрыты.

Она обрадовалась, увидев Слейда, обрадовалась, увидев кого-то, кто мог бы защитить ее. Она и подумать не могла, что будет испытывать страх, но он поселился в ней — маленький воин, атакующий ее сознание.

— Слейд, — тихонько позвала она, пытаясь отдышаться. — Я решила, что ты передумал.

— Не надейся. — Он взял ее руку в свою. — Отец, это доктор Шейла Поллак. Мать моего ребенка.

Слейд изумленно смотрел на нее сверху вниз. Он с трудом верил в происходящее. У него будет ребенок.

Обойдя монитор, отец Куллэм наклонился, вежливо взял Шейлу за другую руку, влажную от пота, и ободряюще улыбнулся.

— Итак, Слейд говорит, что вы хотите выйти замуж.

Боль не настолько ошеломила Шейлу, чтобы она не захотела внести ясность:

— Это Слейд хочет жениться, отец.

Отец Куллэм почувствовал ее смущение и внутренний протест. Хотя не в его правилах было принуждать, он имел слабость проповедовать то, что близко его сердцу. Не отпуская ее руку, он проникновенно заглянул ей в глаза.

— Ребенок заслуживает того, чтобы в жизнь его ввели оба родителя. Разве не так, доктор? Семья дает опору.

Шейла слабо улыбнулась, взглянула на Слейда и только потом ответила священнику:

— Похоже, он говорил с вами.

— Да. У меня до сих пор ухо горит. Как я понимаю, это и ваше желание?

Священник так сформулировал вопрос, что не оставалось сомнений, к какому ответу он ее подталкивает. Теперь, попав в палату, он был убежден, что судьба велит ему соединить этих

двоих.

Шейла устала. Такой усталой она никогда в жизни себя не чувствовала. И кто знает, сколько еще часов родовых схваток ей предстоит. Спорить не было сил, да и, может статься, Слейд понимает, что делает.

Кроме того, не канули в прошлое ночь на пляже и мужчина, остановивший тогда время для нее.

— Да, — прошипела она с началом новой схватки. Боль росла быстро, пока ничего больше не осталось, только боль и она. Все остальное исчезло.

Шейла сжала зубы, отчаянно пытаясь не кричать, но стон тем не менее вырвался, что подсказало отцу Куллэму поспешно открыть молитвенник. Он быстро нашел нужную страницу, больше по привычке, чем по необходимости. За тридцать лет он обвенчал столько пар, что мог бы заполнить ими большой театральный зал.

— Тогда, я думаю, мне следует поскорее обвенчать вас, дорогая, и не мешать больше.

Слейд взял руку Шейлы в свою.

— Короткий вариант, отец, пожалуйста. — Он чувствовал, как Шейла сжала его пальцы. От страха или новой схватки? Он взглянул на монитор. На экране не было признаков приближающейся волны. — Начинайте.

Отец Куллэм понадеялся, что монсеньор проявит здравый смысл, услышав эту историю.

— Согласна ли ты, Шейла Поллак, взять этого мужчину, Слейда Гарретта, в законные супруги, чтобы любить и уважать его в болезни и здравии, горе и радости, пока смерть не разлучит вас?

Шейла скорчилась. Боль лишила ее всякой воли к сопротивлению. Она ответила быстро, пока еще могла дышать:

— Да.

Начинается, подумал Слейд, глядя на экран. Волны схваток все нарастали, накрывая и поглощая Шейлу. Ее пальцы впились в его ладонь. Как бы он хотел взять на себя хоть немного ее боли!

— А ты, Слейд Гарретт, согласен взять эту женщину, Шейлу Поллак, в законные супруги...

О Господи, ребенок выходит. Шейла чувствовала, как он толкается, и в панике посмотрела на Слейда.

— Я думаю, он выходит!

Отец Куллэм заторопился:

— ...чтобы в горе и радости, в болезни и здравии любить и уважать ее, пока смерть не разлучит вас?

Шейла, опираясь на руки Слейда, согнулась и села.

— О Господи, Слейд, позови медсестру. Немедленно.

— Подожди... Держись, Шейла, держись, — взмолился он и ответил отцу Куллэму: — Да.

Слейд замахал рукой, торопя священника. В другую руку вцепилась Шейла, сокрушаемая новой схваткой.

— Властью-данной-мне-штатом-Калифорния-объявляю-вас-мужем-и-женой. — Фраза вылетела почти как одно слово. Отец Куллэм захлопнул молитвенник и перевел дух. — В этом месте я обычно говорю: можете поцеловать новобрачную, но, похоже, вы уже сделали гораздо больше.

Шейла захныкала, не в силах говорить. Ее ребенок рвался на свет.

— Слейд...

Наверное, она не понимала, что все еще держит его руку. Он осторожно высвободился. Адреналин гнал кровь по жилам, и все вокруг казалось каким-то нереальным. Как во время событий в горячих точках, которые он освещал в своих репортажах.

— Сейчас я приведу ее, — пообещал Слейд.

Отец Куллэм уже выскальзывал за дверь. Слейд догнал его.

— Спасибо, отец, — поблагодарил он, вытаскивая из бумажника пачку банкнотов.

Отец Куллэм начал отказываться. В конце концов, ситуация была не из обычных.

— Для прихода, — бросил Слейд и, запихнув деньги в руку священника, раскрыл дверь и выбежал в коридор.

Отец Куллэм положил деньги в молитвенник. Несколько новых молитвенников церкви не помешает.

— Поздравляю, — сказал он в спину Слейду. — И не забудьте принести мне разрешение на брак, чтобы я официально подписал его.

— Обязательно, — откликнулся Слейд. Полный смысл свершившегося еще не дошел до него. Не было времени. — Сестра!

Встревоженная настойчивостью, прозвучавшей в его голосе, подбежала молодая женщина.

— Я думаю, пора.

Женщина резко развернулась.

— Я приведу доктора Келли.

Доктор уже осматривал Шейлу, а затем отправился к другой роженице на этом же этаже.

— Спасибо. — И Слейд поспешил в палату Шейлы, не желая оставлять ее одну.

Поженились, думал он. Мы поженились. Надо надеяться, он поступил правильно.

Один взгляд на Шейлу избавил его от всех запоздалых сомнений. Она выглядит такой беззащитной... Она нуждается в нем. Ребенок нуждается в нем.

Все будет хорошо.

Слейд взял ее руку в свою и крепко сжал.

— Сейчас придет доктор Келли.

Шейле казалось, что она прокусила себе нижнюю губу. В тумане жаркой испепеляющей боли она замотала головой.

— Он не успеет. — О Господи, снова начинается. — Слейд, приведи медсестру.

— Но она ищет...

Времени на разговоры не было. Держась за боковые поручни и тяжело дыша, Шейла подтянулась в сидячее положение.

Слейд уставился на нее.

— Что ты?..

Она перестала задыхаться и начала тужиться. Гортанный стон вырвался неизвестно откуда, ее губы были плотно сжаты.

— Господи, Шейла, ты рожаяешь!..

Получив передышку, она сделала вдох и откинула голову.

— Как ты догадался?

В растерянности он опустил боковой поручень и подался к ней.

— Что я должен делать?

— Держи меня за плечи.

Пока Слейд забирался на кровать за ее спиной, Шейла приготовилась снова тужиться.

Она смутно различила, как открылась и закрылась дверь, вокруг кровати засуетились люди. Она начала размеренно дышать, внушая себе, что это поможет.

— Господи, Шейла, ты всегда торопишься. — Доктор Джеймс Келли, высокий и худой, с притворной укоризной вздохнул и улыбнулся. — Когда я осматривал тебя несколько минут назад, ты была только на полпути.

Шейла знала себя лучше. Она взглянула на акушера дикими глазами.

— В конце пути, Джим. В конце.

Джим похлопал ее по плечу, успокаивая.

— Не волнуйся, Шейла.

Только ли дружба между ними, подумал Слейд и тут же упрекнул себя: дурацкий момент он выбрал для ревности. Но это лишь доказывало, что он поступил правильно, сделав то, что сделал.

— Я не волнуюсь. — Вот только долго ли она сможет выдержать? — Слейд...

Ей необходимо было держаться за что-то, за кого-то. Только сейчас она поняла, какой одинокой чувствовала себя всю беременность. До сих пор она справлялась, но одиночество на последнем этапе казалось невыносимым. Не помогало и то, что она точно представляла себе этот этап. Знание не защищало от одиночества и страха.

Боль то и дело стеной преграждала путь.

Слейд прижал бы ее к себе, если бы смог.

— Я здесь, Шейла. Я здесь. — Он взглянул на врача, поднявшего простыню и оценивающего состояние Шейлы. — Что я должен делать?

Еще есть время, подумал Джим, опуская простыню. Но очень мало. Он дал знак медсестре начинать приготовления в родильной палате.

— Для начала можете сказать, кто вы такой.

Нашел время для знакомства.

— Мой муж, — задыхаясь, ответила Шейла.

Для коллеги это оказалось новостью.

— Господи, Шейла, ты умеешь хранить тайну.

Они подменяли друг друга уже три года, и Джим думал, что знает Шейлу не хуже остального персонала. Все решили, что она выбрала роль одинокой матери. Когда она успела выйти замуж?

Он внимательно оглядел мужчину рядом с Шейлой.

— Значит, так, вы муж Шейлы... Хирургические штаны и рубаху вы найдете в раздевалке. Сразу за родильной палатой. — Доктор Келли повернулся к Шейле: — Пора, Шейла. Ребенок вот-вот появится.

Тоже мне новости, подумала Шейла, будто она этого не знает.

— Поспешите.

— Мы постараемся. Остальное зависит от тебя, — крикнул Джим из коридора.

Шейла взглянула на Слейда.

— Веселенькое возвращение, а?

Слейд смахнул капли пота с ее лба. Его захлестнула нежность. Да, подумал он, я поступил правильно.

— Вряд ли когда-нибудь забудется. Я дома меньше суток, а уже получил жену и ребенка. Не думаю, что когда-либо смогу побить этот рекорд.

Он сжал ее руку и, наклонившись, легко коснулся губами ее губ. В глазах у Шейлы мелькнул вопрос.

— Так полагается, — прошептал он, вспомнив слова священника. — Вот теперь мы поженились.

Она не поняла.

— А если бы ты не поцеловал меня, мы бы не поженились?

Он улыбнулся, лаская ее взглядом.

— Не-а.

Странный, странный мужчина.

— А если бы я не ответила на поцелуй?

— Слишком поздно. Ты ответила. — Он подмигнул ей, снова сжав влажную ладонь. — Увидимся через пару минут, миссис Гарретт.

Он поспешно вышел, оставив ее в полной уверенности, что это случится гораздо раньше.

— Рейчел, — тихо позвала Шейла, не видя рядом медсестры. Ирония судьбы. Сколько раз Рейчел помогала ей принимать новорожденных! Теперь она снова будет помогать, но дело приняло другой оборот.

— Да, доктор Поллак.

Это не был вопрос. Рейчел поняла, о чем ее просят. Она вывезла каталку в коридор и, поняв, что приближается новая схватка, сочувственно подмигнула. Родильная палата была всего через две двери.

Я не буду кричать, поклялась себе Шейла. Что бы ни случилось, как бы ни хотелось, я не буду кричать.

— Если я оторву тебе руку, Рейчел, то не нарочно.

Рейчел втолкнула каталку в родильную палату.

— Я знаю. Все будет прекрасно.

Шейла попыталась улыбнуться, но лицо не хотело подчиняться.

— Забавно, я говорила эти же слова бесчисленному числу рожениц. Интересно, они тоже мне не верили?

Рейчел рассмеялась.

— Держу пари, они все вам верили. Вы слишком хороший врач, чтобы лгать. — Пристроив каталку на место, она отошла. — Я сейчас вернусь.

Оставшись на мгновение одна, Шейла уставилась на огромную лампу прямо над головой. Сколько раз она была в этой самой комнате, но совсем в другой роли! Под новым углом зрения все казалось совсем иным. Не вела ли она себя слишком самоуверенно с пациентками? Не хотелось ли им ударить ее за бодрый вид?

Мысленно она извинилась перед каждой из них.

Слейд, одетый в зеленый хирургический костюм, вдруг оказался рядом и обхватил ладонью ее сжатый кулак.

— Все будет замечательно, — пообещал он.

Умом она это понимала, но трудно было сосредоточиться при такой боли.

— Тебе легко говорить.

— Да, — согласился он. — Но у меня расстройство желудка, если тебя это утешит.

Она не утешилась, но старание его оценила.

— Ты просто сожалеешь, что женился на мне.

В этом она была абсолютно не права.

— Нет, не могу сказать, что сожалею.

Вошли доктор, Рейчел и еще одна медсестра. Вчетвером они перенесли Шейлу с каталки на родильное кресло. Медсестра оттолкнула каталку, а Рейчел быстро натянула на Шейлу белые бумажные бахилы и подняла ее ноги на подставки.

— Ну вот, все в сборе. А вы двое так даже умножились и расплодились. — И Джим рассмеялся над своей шуткой. — Давай посмотрим на твою работу, Шейла. — Он взглянул на Слейда, вставшего за женой. — По моему счету поддерживайте ее плечи. Ты знаешь упражнение, Шейла. Раз, два, три. Тужься.

Шейла, уверенная, что уже стерла зубы до десен, сощурилась и напряглась изо всех сил.

И снова напряглась.

— Отдохни! — приказал Джим.

Но она не стала отдыхать. Просто не могла. Всем сердцем она чувствовала, что ребенок должен появиться сейчас. Сейчас или никогда. У нее кружилась голова, но она продолжала тужиться и выталкивать его.

Пока все не закончилось.

Упав на руки Слейда, она ловила ртом воздух. Шум ее дыхания смешался с громким криком, наполнившим палату.

Слейд наклонился к ее уху.

— Это девочка, — прошептал он, чувствуя, как перехватывает горло. — У нас чудесная розовая девочка.

Обнимая Шейлу за плечи, Слейд не мог припомнить, был ли когда-либо так счастлив.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Слейд вышел из лифта и тут же окунулся в царивший в редакции хаос, но впервые за последние годы не почувствовал себя его частью. Он был поглощен другими заботами и испытывал волнение совсем другой природы.

Никогда раньше не представлял он себя в какой-либо традиционной роли.

Никогда не думал о себе как чьем-то муже, не говоря уж о роли отца. Однако интуиция, на которую он всегда мог положиться, подсказывала, что все правильно. Так и должно быть.

Хотя в самом начале в нем не было подобной уверенности, сейчас он от избытка чувств даже напевал про себя.

Войдя в кабинет редактора, Слейд поднял крышку огромной белой коробки, которую принес с собой, и водрузил ее на стол.

Эндрю Уэнделл оторвал взгляд от клавиатуры компьютера, по которой усердно колотил двумя пальцами. Курсор на голубом экране замер между двумя абзацами, нетерпеливо мигая.

— Ну, ты выглядишь слишком самодовольным для репортера, явившегося на работу с дневным опозданием. Счастье для тебя, что твои статьи пришли вовремя. Хорошая работа, Гарретт. Добро пожаловать домой. А это по какому случаю?

Пончики были слабостью Энди, хотя, глядя на его тощее тело, верилось в это с трудом. Он впился в коробку взглядом человека, не кормленного по меньшей мере неделю. Слейд подтолкнул коробку поближе, под самый локоть редактора.

— Съешь пончик, Энди. У меня только что родилась дочка.

Энди подцепил пончик с вареньем, не сводя алчных глаз со второго.

— Дочка? — недоверчиво переспросил он.

Не переставая жевать, Энди поскреб в остатках выцветшей рыжеватой шевелюры, уставясь на человека, который всегда был для него загадкой. Меньше месяца совместной работы понадобилось ему, чтобы убедиться: Слейд Гарретт — единственный в своем роде. И одного такого более чем достаточно. Но он также убедился, что этот один ему жизненно необходим.

— Что же ты раньше молчал? Я даже не знал, что ты женат. Или такие, как ты, теперь не женятся?

Слейд был известен странным чувством юмора. Это помогало компенсировать серьезность событий, которые он освещал. Может, и сейчас он шутит? Слейд взял со стола Энди семейную фотографию в рамке — Энди, его жена (на голову выше мужа) и дочери. Все пять. Разглядывая фотографию, Слейд размышлял, на что это похоже — быть отцом пяти дочерей. Интересно, что думает Шейла о больших семьях.

Господи, если говорить о мгновенном повороте своей судьбы, так он умудрился совершить его за один день.

Слейд поставил фотографию на место.

— Женился. Без шуток.

Казалось, что волосы на голове у Энди не просто редеют, а каким-то образом перемещаются на другие части лица. Его брови казались гуще с каждым годом. Теперь он изогнул одну из них, изучающе глядя на своего лучшего зарубежного корреспондента и при этом не забывая о пончиках.

— Ты как-то слишком сблизил эти два события, тебе не кажется?

Реплика шефа лишь подогрела распиравшее Слейда возбуждение.

Усмехнувшись, он поудобнее устроился в просторном скрипучем кресле и закинул ногу на ногу. Наверняка эта рухлядь из старой домашней коллекции редактора, выброшенная его женой при перемене обстановки.

— Я всегда отличался оперативностью, верно?

Именно это качество выделяло Слейда из когорты репортеров. Энди кивнул, облизывая измазанные вареньем пальцы. Красное пятно расплылось по рубашке, и Энди тихо выругался.

— Верно. — Управившись с пальцами, Энди потянулся за следующим пончиком. — А почему пончики? Сигары разве вышли из моды?

Слейд с удовольствием наблюдал, как Энди ест. Может, следовало купить пять дюжин, а не четыре. Он совсем забыл о ленточном черве Энди.

Смахивало на то, что в животе редактора обитал нахлебник. Энди мог переесть любого на этаже без видимых дурных последствий и не набирая веса.

— Сигары? Это с новыми-то законами против курильщиков в здании? Кроме того, не хочу оставаться рабом привычек.

И не буду, подумал Слейд. Приняв однажды решение, он всегда следовал ему. А он твердо решил бросить курить.

— С курением я завязал, на этот раз окончательно.

— Да, вспоминаю обещания, которые я себе давал с каждым новым ребенком. — Энди посмотрел на фотографию на своем столе, как будто видел ее впервые, и захихикал, качая головой. — Дочка, говоришь? Не могу сказать, что представляю нечто моложе восемнадцати, подпрыгивающее на твоём колене.

— Придется представить.

И я не представляю, подумал Слейд, погружаясь в новое для себя ощущение. Каждый раз, вспоминая о перемене в своей жизни, он будто снова и снова открывал огромный рождественский подарок. Подарок, о котором он не подозревал, и потому с каждым разом новизна и глубина чувства только усиливались.

— Добро пожаловать домой, чужестранец. Я слышала, что ты вернулся.

Слова смешались с шелестом платья за его спиной и запахом дорогих духов. Слейд

повернулся как раз вовремя, чтобы получить дружеский поцелуй в губы от Лауры Мур. Ответное объятие было быстрым и небрежным. Лауру удивило отсутствие всякого чувства. Быстро придя в себя, она отступила и взглянула на коробку на столе Энди.

— Что-то празднуем?

Энди, не дождавшись от Слейда никакой реакции, подтолкнул к ней коробку.

— Да, Гарретт вознесся до отцовства. — Энди выжидающе воззрился на свою сотрудницу, ведущую отдел светской хроники. По редакции гуляли местные слухи, соединявшие ее с Гарреттом. — У него дочка. И жена тоже.

Взгляд Лауры быстро метнулся к лицу Слейда. Слишком быстро. Она поняла это и тотчас скрыла разочарование за маской веселья.

— Ты шутишь. — Лаура выбрала розовый, залитый глазурью пончик. В такой момент калории не считаются.

Слейд провел несколько приятных ночей с Лаурой, но, насколько это касалось его, между ними была лишь дружба. Слейд числил Лауру среди своих друзей.

— Не шучу. И вообще это твоя вина.

Она искренне удивилась.

— А вот это ты должен объяснить.

Так и есть, подумал Слейд. Действительно, благодаря Лауре он встретил Шейлу. Другими словами, свою судьбу.

— Если бы я не подменил тебя на благотворительном вечере Мемориальной больницы Харриса перед самой моей командировкой, я бы никогда ее не встретил.

Пончик не показался Лауре таким сладким, каким ему следовало быть. Она натянуто улыбнулась.

— Называй меня Купидоном. Как ее зовут?

— Доктор Шейла Поллак.

Я женился на враче, весело подумал он. Мама будет счастлива. Она не ждала, что я вообще на ком-нибудь женюсь. Я тоже.

Из-за какого-то пустячного одолжения все пошло прахом, с болью подумала Лаура. Судьба иногда играет злые шутки. Имя показалось знакомым.

— Это не ее родители собирают деньги на новый родильный корпус?

Слейд наклонился и взял себе пончик. Только сейчас до него дошло, что последние двадцать четыре часа он почти не ел.

— Они самые.

У Лауры вырвался глубокий вздох — и вместе с ним улетучились остатки разочарования.

Она умела отражать удары судьбы.

— Я просила тебя сделать заметки, а не взять на заметку доктора и завести с ней интрижку, — напомнила она Слейду с озорной улыбкой.

Их глаза на мгновение встретились. Мы неплохо проводили время, подумал Слейд. Но все теперь в прошлом. Он собирается честно выполнять свои новые обязанности.

— Все в прошлом, Лаура, — сказал Слейд, вставая, и обратился к Энди: — Я загляну к тебе позже.

— Он теперь недосыгаем, Лаура, — ласково, но убежденно сказал Энди.

Глядя вслед Слейду, Лаура позволила себе еще один вздох.

— Всегда был, Энди. Всегда был.

Когда Шейла открыла глаза, первым ее ощущением оказалась пронизывающая головная боль. Не требовался глубокий анализ, чтобы понять: боль не имеет никакого отношения к ее физическому состоянию, зато самое непосредственное — к ее семейному положению.

Осознание новой ситуации было настолько внезапным, словно перед ней выпрыгнул чертик на пружине из игрушечной коробочки.

Замужем.

Она вышла замуж за Слейда. Где-то между разрывающими тело схватками на вопрос хилого человечка в черном она проскрежетала слово «да» и стала женой Слейда Гарретта.

Она что, с ума сошла?

Прижав ладонь ко лбу, Шейла глубоко вздохнула. Переложить ответственность за свой опрометчивый поступок на отупляющие обезболивающие средства не удастся. Ей ничего не давали. Вина за эту колоссальную ошибку лежит на ней одной.

И на сладкоречивом журналисте, единственном мужчине, который обладает таким влиянием на нее:

Шейла обхватила голову руками. Что же теперь делать?

— Как вы себя чувствуете, доктор Поллак?

Вздвигнув, Шейла открыла глаза. Она не слышала, чтобы кто-то входил в палату. Усилием воли она взяла себя в руки и выдавила улыбку. Ей показалось, что она узнала молодую медсестру, но не была уверена.

— Головокружение. Слабость.

Медсестра удовлетворенно кивнула.

— Вы же знаете, так и должно быть. Я Элис, — представилась она на тот случай, если Шейла захочет ее вызвать позже. Быстро и ловко она измерила давление и температуру и занесла их на карту, прикрепленную в изножье кровати. Все было в норме. Закончив, она

улыбнулась. — Хотите, я принесу ребенка?

Ее ребенка. У нее девочка. Как она и надеялась.

— Пожалуйста. — Шейла подтянулась повыше в кровати и разгладила одеяло. — Поглядим, из-за кого я здесь оказалась.

Элис вышла и через несколько минут вернулась. Тихое хныканье доносилось из свертка в ее руках. Медсестра не сразу положила сверток на кровать, в ее глазах появилось материнское выражение.

— Мы осмотрели всех новорожденных, — сияя, обратилась она к Шейле. — Все думают, что ваша девочка — самый красивый ребенок в детской.

Я в этом уверена, что делает решение единогласным, подумала Шейла. Она потянулась к ребенку и взяла его на руки. Ощувив в руках приятную тяжесть, она испытала такой прилив любви, что даже вздрогнула.

Ее собственный ребенок. Просто не верится. Она держала в руках столько новорожденных, но сейчас все было иначе. Совершенно иначе. Ей хотелось всю себя отдать этому крошечному существу. Подарить ему крылья. Защитить.

Тут Шейла вспомнила о Слейде, и на нее нахлынули диаметрально противоположные чувства. Надо надеяться, она все уладит к тому времени, когда ребенок закончит школу.

— Вы так всем говорите, — понимающе улыбнулась она медсестре.

Элис замотала головой.

— О нет, это правда. Она самая красивая.

Шейла посмотрела на крохотное сморщенное личико своей дочки, и ее снова пронзило острое ощущение влюбленности. У большинства детей головки слегка деформированные, но у ее девочки безукоризненная головка, покрытая темно-каштановыми волосиками. Темно-каштановыми, как у Слейда. А глаза — цвета неба.

— Да, действительно. Она прекрасна, — благоговейно прошептала Шейла.

Элис не спешила уходить. На этаже сейчас на редкость мало рожениц, так что можно побездельничать пару минут.

— Вы выбрали ей имя?

Имя. Шейла привыкла называть жившее в ней крохотное создание просто Малышом. Я была слишком занята, чтобы выбрать имя, печально подумала она и мысленно извинилась перед крошкой.

— Как насчет Ребекки? — От низкого мужского голоса мурашки побежали по ее коже. Приходя в себя, Шейла смерила взглядом Слейда, вошедшего в палату.

Муж... Шесть футов два дюйма сплошных неприятностей, подумала она, поджимая губы. Она точно сошла с ума.

— Ребекка? — медленно повторила она, как бы пробуя имя на вкус и слух. Медсестра тихо

выскользнула из палаты.

Слейд подошел, встал рядом с кроватью и впился взглядом в свою дочь. Вид ребенка подействовал на него как серия ударов, нанесенных хорошим боксером. Он опустился на колени, совершенно побежденный. Он не верил своим глазам, хотя в его кармане лежало официально оформленное разрешение на брак, ожидавшее лишь подписи Шейлы.

— Это имя моей матери. Я всегда был к нему равнодушен.

— Ребекка, — повторила Шейла, глядя на дочку, и добавила имя своей матери: — Ребекка Сьюзан. Такое длинное имя для такой крошки.

Слейд неуверенно протянул руку и коснулся маленького сжатого кулачка.

Коснулся чуда, к сотворению которого был причастен. Как тогда, в родильной палате, что-то сжалось у него в животе. За годы журналистской практики он попадал в самые разные ситуации. Видел и был участником событий, от которых обыватели дрожат в своих гостиных перед телевизорами.

Как же случилось, что такое маленькое создание довело его до состояния разогретой овсяной каши?

— Тогда Бекки Сью? — предложил он, ища в глазах Шейлы одобрения.

— Бекки Сью, — отозвалась Шейла, согласно кивая и улыбаясь. — Бекки.

Ребенок издал звук, очень напоминающий скрип.

Шейла рассмеялась про себя. Такой приятный звук, подумала она.

— По-моему, ей нравится.

Слейд кивнул, как будто не ожидал ничего другого. Малышке меньше суток, а она уже крепко держит его в кулаке.

— Значит, принято единогласно.

Шейла удивленно взглянула на Слейда, и профиль его, такой близкий и такой неотразимый, внезапно напомнил ей, как она вообще попала в теперешнее положение.

— Разве я не имею права голоса?

Можно подтянуть стул, но тогда он будет далеко от них. Слейд остался на коленях рядом с Шейлой и ребенком, наслаждаясь ощущениями, создаваемыми их близостью. Пожатием плеч он отмахнулся от ее вопроса.

— Шейла, это классическая демократия в действии. «Ребекка» побеждает двумя голосами против одного. — Он положил руку на ее плечо. — Но ты еще можешь присоединиться к победителям, если хочешь.

— Большое спасибо, — рассмеялась Шейла, качая головой и не сводя глаз с ребенка. Ребекка Сьюзан. Ей понравилось, как звучит это имя. Но она не могла сразу согласиться. Он и не ждал немедленного согласия. — Ты сокращаешь все препятствия на своем пути, как и в статьях, не так ли?

Слейд посмотрел на Шейлу, удивленный и довольный.

— Ты читала мои статьи?

Шейла пожала плечами, пытаясь под безразличием скрыть неожиданную застенчивость.

— Несколько. Мне просто было любопытно, как ты пишешь.

Не хватает еще признаться, что чтение его статей ободряло ее. Хотя у нее и в мыслях не было сообщать ему о счастливом событии, но, читая его статьи, глядя на жизнь его глазами, она как-то сближалась с ним. И гордилась той убежденностью и силой, которую находила в его текстах. Она даже начала собирать их для ребенка, чтобы рассказать об отце, когда придет время.

Это помогало.

Слейд скрестил руки на груди.

— Так что же ты думаешь о моей работе?

Он прекрасно понимал, что она не будет льстить, и не хотел лести. Он искренне хотел знать, что она думает.

Его статьи были написаны ярко и с состраданием, оживляя события, свидетелями которых он был. Но сказать это значило бы угождать ему. Это не соответствовало их неоперившимся отношениям. Шейла улыбнулась Ребекке, сосавшей кулачок, и перевела взгляд на Слейда.

— Это лучший образец.

Если она ожидает вспышки самомнения, подумал Слейд, то будет разочарована. Он уже сам пришел к такому же выводу.

— Не спорю.

Его ответ немного смягчил ее и сделал их союзниками. Шейла неосознанно считала их противниками, разводила по разные стороны, хотя, если бы ее спросили, не смогла бы сказать, по разные стороны чего. Просто так представлялась ей ситуация.

Она вздохнула и покачала головой.

— Ты понимаешь, все это очень необычно.

Слейд удобно устроился на краешке кровати лицом к ней.

— Шейла, я был в таких местах, которые за одну ночь становились новыми странами, видел людей, которые ложились спать, имея все, а просыпались утром в полной нищете, смотрел, как живописнейшие уголки покрывались трупами и заливались кровью. Не думаю, что до конца теперь понимаю смысл слова «необычно».

Шейла жила в другой системе координат. Кроме той одной ночи, жизнь вела ее по стезе добродетели. Она крепко прижала новорожденную дочку к груди и посмотрела на отца ребенка.

— Это так, уж поверь мне.

Слейд порывисто наклонился и обнял ее за шею. Когда он прижался губами к ее губам, у нее перехватило дыхание.

Поцелуй начался как шепот. Его шепот. И разросся из нежной мелодии в симфонию, которая окутывала ее, сбивала с проторенного пути и увлекала в страну, куда попадают только влюбленные. И то если им повезет, очень повезет.

Палата вокруг нее закружилась и остановилась не сразу. Ошеломленная, она непонимающе смотрела на него.

— Что это было?

— Проверка. Я доверяю только тому, что вижу и осязаю.

И потом, он мечтал об этом все последние девять месяцев. Об этом и большем. Но на большее пока рассчитывать нечего.

Она сглотнула комок в горле, удивляясь, почему стук ее сердца не беспокоит ребенка.

— А осязание ты производишь посредством поцелуя?

Никогда раньше не видела она такой чувственной улыбки.

— У каждого свой способ осязания.

Она не должна терять рассудок, хотя бы то, что от него осталось. Пора сказать ему...

— Вчера я была не в своем уме...

Он не желал выслушивать сожаления. Не сейчас. Сначала надо избавить ее от них.

— Зато я был в своем уме, — тихо прервал Слейд.

В самом деле, они не два подростка, напившиеся и отправившиеся в Мексику, чтобы скоропалительно пожениться. Они взрослые, самостоятельные люди, каким-то образом умудрившиеся заключить брак на больничной койке. Слишком эксцентрично, чтобы выразить словами.

Да, никакие слова ясности тут не внесут. Шейла внимательно посмотрела на Слейда. Выглядел он нормальным, но сомнения у нее оставались.

— Ты пытаешься сказать мне, что все еще хочешь создать семью?

Его улыбка стала шире.

— Как у меня получается?

Почему каждый раз, оказываясь рядом с ним, она совершает безрассудные поступки?

— Слейд, по-моему, ты безнадежно романтичен...

— Я смотрю на это практически, — возразил он. Брови Шейлы поднялись так высоко, что скрылись под челкой. — У нас все получится. Мы сделали ребенка...

Шейла всегда считала, что за прегрешения не обязательно надо расплачиваться пожизненным заключением.

— Из этого не следует, что остаток жизни мы должны провести вместе.

— Только остаток жизни? — Ему удалось сохранить серьезное выражение лица. — Я не легко принимаю на себя обязательства, но когда принимаю — не отказываюсь от них. Я думал о вечности. Мне кажется, тебе очень пойдут крылья.

Его глаза поддразнивали, и Шейла не могла понять, говорит он серьезно или шутит, чтобы успокоить ее.

В свою защиту она смогла привести лишь старую поговорку:

— Быстрая женитьба — долгое раскаяние.

Он отмахнулся от неблагоприятного прогноза.

— В моей жизни остается мало места и времени для раскаяния.

Он что, работает над своим обаянием или оно у него врожденное?

— Ты дал мне год.

Прозвучало почти как приговор к тюремному заключению, если бы только она не таяла от присутствия тюремщика.

Слейд согласно кивнул. Он убедит ее в том, что они все сделали правильно, гораздо быстрее.

— Да, воспользуйся им.

Его взгляд задержался на ней. Голубая ночная сорочка, явно не больничная, соскользнула с плеча, и он с трудом подавил желание снова коснуться ее кожи. Но скоро, очень скоро... пообещал он себе.

— Или ты боишься, что тебе понравится эта идея?

Она вспомнила, как всегда думала о браке: тюрьма, в которую запирают людей, и они становятся несчастными. Нет другого объяснения тому, почему ее родители так мало времени проводят вместе.

— Это не идея, это институт...

Институт брака они в ту ночь не обсуждали. Он почувствовал себя обязанным исправить ее, видимо, очень печальные представления о браке:

— Из институтов людей выпускают. А у меня нет ни малейшего намерения отпускать тебя, Шейла. — Он играл ее волосами, но в голосе не было и следа игривости. — Ты можешь жить так, как захочешь. Я не собираюсь ничего менять в тебе, — честно сказал он и вдруг улыбнулся. — Только никаких свиданий.

Он чуть не поймал ее, но она сорвалась с крючка:

— Слейд, будь серьезным...

Взяв ее лицо в ладони, он снова поцеловал ее, обещая страсть, ждавшую их впереди. Страсть, с которой она уже познакомилась. Затем, оторвавшись от ее губ, он встал.

— У меня медовый месяц, док. Имею право быть несерьезным, пока не вернусь на работу. О, чуть не забыл...

С нарастающим удивлением Шейла проводила его взглядом до двери. Через секунду он вернулся с огромной корзиной разноцветных роз, которую намеренно оставил в коридоре. Под мышкой он держал громадного розового кролика с гигантскими болтающимися ушами.

Шейла смотрела на подарок и чувствовала, как улыбается, несмотря на все усилия сдержать улыбку. Черт побери, он, оказывается, еще и мил. Это нечестно.

— Кто ты?

Поставив корзину на столик и посадив кролика на стул, Слейд расправил плечи и браво доложил:

— Слейд Гарретт, номер социального обеспечения 170...

Шейла махнула рукой. Остроумно, но не это она имела в виду.

— Я хотела сказать, что ничего не знаю о тебе, кроме того, что ты пишешь для «Таймс» и что ты ублюдок.

Его глаза искрились весельем.

— Ты намекаешь на мое происхождение или на что-то еще?

— На что-то еще, — ответила она с той же дозой юмора.

Ему представилось, как они рассказывают друг другу истории о своем детстве. Похоже, ее детство не было таким безоблачным, как она, вероятно, полагает.

— У нас впереди вся жизнь, чтобы узнать друг друга... или год. Зависит от того, как ты используешь свое право выбора.

Шейла не совсем поняла его.

— Ты серьезно? Насчет года?

Слейд наклонился и взял у нее ребенка. Господи, он никогда не испытывал ничего подобного!

— Я серьезно настроен заставить тебя забыть о годичном сроке, но, если в конце его ты сочтешь, что наш брак не удался, я соглашусь на развод.

Какой тогда смысл? Зачем вообще было устраивать всю эту суматоху?

— Чего ты добиваешься?

— Я уже говорил тебе: не хочу, чтобы ребенок чувствовал себя...

Это они уже проходили. Именно эти рассуждения заставили ее уступить, но здесь что-то большее.

— Это единственная причина?

— Нет, — тихо сказал он, глядя на нее поверх пушистой головки ребенка. — Я хранил твой портрет все время, что был за границей. И это единственное, что позволяло мне жить дальше.

Она не сразу нашлась что ответить. Он действительно не шутит.

— Я не давала тебе фотографию.

— Здесь... — держа ребенка в одной руке, другой он постучал по своему виску, — я хранил твой портрет здесь. Когда мятежники ворвались в наш лагерь и палатка, в которой я спал всего пять минут назад, вспыхнула факелом, перед моими глазами прошла не вся жизнь, а только одна ночь. Наша ночь.

Он перевел дух. Тот образ до сих пор ошеломлял его.

— Я решил увидеть тебя снова. — Он улыбнулся, вспоминая свое удивление, когда нашел ее беременной. — А потом я понял, что хочу видеть тебя постоянно. Так что оставалось два способа: или забеременеть самому и воспользоваться твоими услугами, или жениться на тебе. Я выбрал более легкий путь.

Шейла подумала о своих родителях: оба такие замечательные люди, просто им нехорошо вместе.

— Через некоторое время ты можешь передумать.

— Почему? — Он осторожно переложил ребенка в ее руки. — Чего ты боишься?

Если он честен, она тоже может ответить честно:

— Я не люблю поражений, Слейд.

Это совсем не проблема.

— Тогда побеждай.

— Не так это просто. — Она сухо рассмеялась.

— Но и не так сложно, — возразил он. — Я давно понял, что все прекрасно получается, если очень захотеть. Судя по твоим успехам, ты — тоже.

Его ответ удивил Шейлу. Он наводил справки о ней?

— Что ты знаешь обо мне?

Ему нравилось, какими огромными становились ее глаза, когда она удивлялась или попадала в неожиданную ситуацию.

— О, ты, может, не поверишь, но у меня есть связи.

Шейла нахмурилась. Значит, она права.

— Ты навел обо мне справки?

Он бы не так это сформулировал, но к чему спорить о словах?

— Это помогало проводить время.

— Но ведь ты был за границей все эти месяцы?

— Да, но связей не потерял.

И он хотел знать о ней много. Как можно больше.

А она-то думала, что осталась для него лишь приятным воспоминанием.

Одна встреча. Одна ночь.

— Мне кажется, ты создал себе множество трудностей.

— Я смотрю на это иначе. — Он перевел взгляд на закопошившуюся Ребекку. — Она, кажется, голодна. Или съела лимон.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и задернул занавес, отгораживающий ее кровать от двери.

— Что ты делаешь?

— Обеспечиваю тебе уединение. Вдруг кто-то зайдет, пока ты кормишь Бекки. Ты ведь будешь кормить?

Шейла с удивлением почувствовала, как румянец ползет вверх по шее. Она считала, что не умеет краснеть.

— Процедура довольно интимная, так ведь?

— Поэтому я и задернул занавес... — Запнувшись, он спросил менее уверенно: — С какой стороны занавеса мне остаться, Шейла?

Она бы сказала «с другой», но Слейд предоставил ей выбор и этим сделал ситуацию выигрышной для себя. Чего, собственно, и добивался. Ума у него не отнять, подумала она с невольным восхищением.

— Можешь остаться здесь.

Он довольно улыбнулся и снова сел на край кровати.

— Спасибо, с удовольствием.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Слейд привык быстро оценивать окружающую обстановку и приспосабливаться к ней. Двухэтажный дом Шейлы был обустроен со вкусом, без показного блеска. Элегантность и класс. Как и сама хозяйка.

— Приятное местечко, — пробормотал Слейд.

Поставив на пол гостиной чемодан Шейлы, который одна из медсестер принесла в больницу, Слейд закрыл входную дверь. Кролика он устроил в первом попавшемся удобном месте, на диване. Кролик качнулся вперед и уперся в журнальный столик.

— Дай мне ребенка, — попросил Слейд, протянув к Шейле руки.

Не успела она возразить, как он уже взял у нее дочку. Ребенок издал звук, который Слейд принял за выражение радости. Для начала ему хватит этого приветствия.

— Вот ты и дома, Бекки. Как тебе понравилась первая поездка на машине?

С ребенком в руках Слейд двигался по гостиной так, словно знакомил с ней Ребекку. По обе стороны камина из белого камня возвышались встроенные книжные полки. Подбор книг говорил о разнообразии вкуса.

Это у нас с Шейлой общее, подумал Слейд.

— Веди себя хорошо, детка, и я куплю тебе красный «корвет» к шестнадцатилетию.

Он действительно серьезно относится к происходящему, думала Шейла, наблюдая за ним. Сама она никак не могла привыкнуть к перспективе жизни со Слейдом, но умела различать равнодушие, когда сталкивалась с ним. Здесь же на равнодушие не было и намека. А ведь, глядя на него, не подумаешь, что он может быть мягким и нежным. Она улыбнулась, качая головой.

— К счастью для тебя, она не запомнит.

Слейд повернулся к Шейле.

— Я серьезно. Каждый должен мечтать о чем-то. — И он обратился к дочке за подтверждением: — Правда, Бекки?

Шейла подавила желание забрать у него девочку. В конце концов, он тоже имеет право на Бекки. И умеет держать ребенка, удивилась она.

— В данный момент, я думаю, она хочет лишь быть накормленной и сухой... В чем дело? — спросила Шейла, поскольку Слейд усмехнулся.

— Именно об этом я мечтал в Сомали. — Он задумался. — И в Боснии. И...

Он перечислял страны так небрежно, словно это отделы универмага или парки развлечений, усыпавшие Южную Калифорнию, а не средоточия смерти и уничтожения. Как ему удалось остаться таким безучастным? Или это просто защитный механизм, выработанный для того, чтобы не сойти с ума?

— Тебя посылали во все эти опасные места? — недоверчиво спросила Шейла.

Он пожал плечами, растворяясь в улыбке Ребекки. Кто-то может подумать, что это реакция на газы в желудке, но он точно знает: это улыбка его дочери, предназначенная только ему.

Я не подведу тебя, малышка. Клянусь, не подведу.

— Туда, где есть новости, — ответил он Шейле.

Шейла молча кивнула. Если бы она любила его, мысль о том, что он рискует жизнью ради каких-то репортажей, расстроила бы ее. Но ведь она его не любит.

Правда, беда в том, что она ни в чем не уверена. Оказавшись в такой щекотливой ситуации, лучше не строить никаких планов... и не позволять чувствам строить планы за нее. Она поддалась чувствам только дважды. В последний раз это закончилось премией в восемь фунтов три унции. В следующий раз удача может изменить ей.

Она выглядит озабоченной, думал Слейд. Может, боится, что я уроню ребенка? Он уже собирался предложить ей забрать Ребекку, когда услышал, что кто-то входит в комнату за его спиной. А он-то считал, что они одни.

— О, доктор, вы здесь... Извините. Я еще не все приготовила.

Слейд обернулся и увидел стройную девушку с длинными прямыми белокурыми волосами. Няня? Домработница? Интересно, живет ли она в этом доме? В любом случае он приспособится. Черт, он жил с пятью мужчинами в канаве столько времени, что, казалось, прошла вечность, и делил крохотную пещеру с семьей беженцев в течение недели. Нельзя назвать лишениями жизнь в доме с двумя с половиной женщинами.

Повернувшись к Шейле, он удивленно приподнял брови.

— А это?..

Шейла подошла к девушке и положила руку ей на плечо.

Понимала это Шейла или нет, но жест выглядел покровительственным, заметил Слейд. Неужели она думает, что девушку необходимо защищать от него? Эта мысль его позабавила. И чуть-чуть встревожила.

— Ингрид Свенсон, дочь моей приходящей домработницы, — сказала Шейла, улыбаясь явно сбивой с толку девушке. — Ингрид будет помогать мне ухаживать за ребенком. Она студентка университета.

Студенты учатся. То есть учатся, когда не веселятся, подумал Слейд. А Ингрид могла бы стать великолепным украшением любой студенческой вечеринки.

— Тогда как?..

— На вечернем отделении, — ответила Шейла, предвосхищая вопрос Слейда. — Это временная договоренность, пока я не найду постоянную няню.

Шейла не жаждала проводить интервью с кандидатками в няни. Часть ее души требовала бросить работу и воспитывать ребенка самой.

Однако она прекрасно понимала, что сойдет с ума уже через две недели. Она не из тех, кто может с удовольствием сидеть дома, занимаясь детской едой, обедами из четырех блюд и изготовлением забавных игрушек из папье-маше.

— О, доктор Поллак, она прелестна! — воскликнула Ингрид, глядя на ребенка в руках Слейда. — Можно мне поддержать ее?

— Об этом мы с тобой и договаривались, — засмеялась Шейла. — Можешь начинать прямо сейчас.

У нее призвание, думала Шейла, наблюдая за Ингрид. Девушка точно знала, как держать Ребекку, и в ее глазах светилось удовольствие. Очень жаль, что поиски няни не могут закончиться на ней. Ингрид была бы прекрасной няней.

— Я помогла вырастить четырех братьев и сестер, — сказала Ингрид. Для нее эта работа имела очень важное значение, поскольку позволяла платить за образование, и она была очень благодарна Шейле. — Но ни один из них не был таким ангелочком. Как ее зовут?

— Ребекка, — ответила Шейла. — Ребекка Сьюзан.

Когда Шейла договаривалась, что Ингрид будет жить в доме и помогать нянчить ребенка, она была матерью-одиночкой. Все изменилось со времени их последнего разговора. Ингрид еще ничего не знает об изменении моего статуса, подумала Шейла, вздыхая. Нечего было знать. Вести об эксцентричной свадебной церемонии в родильном отделении распространились по больнице, как пожар в иссушенной солнцем прерии, но для Ингрид и особенно для ее матери новости прозвучат как разрыв бомбы. Они обе старомодны и придерживаются традиционных взглядов. Вряд ли кто-то из их предков женился за две минуты до рождения ребенка.

— Ингрид, это мой муж Слейд Гарретт.

Смущение вспыхнуло в светло-голубых глазах. Недоумение.

— Мама не говорила мне, что вы вышли замуж.

— Мама не знала, — объяснила Шейла и улыбнулась, взглянув на Слейда. Вот так в историю она влипла на этот раз. Однако сожаление почему-то быстро исчезло. — Мистер Гарретт старомоден. Он верит в то, что у каждого ребенка при рождении должны быть стандартные мамочка и папочка.

— В тебе нет ничего стандартного, — заметил Слейд, быстро целуя Шейлу, и после паузы добавил: — Ну?

— Что — ну? — отозвалась озадаченная Шейла.

— Ты должна ответить на комплимент тем же.

Ему нравится поддразнивать ее, подумал Слейд. Конечно, еще больше ему бы понравилось поцеловать ее нижнюю губу, которую она только что бессознательно и так маняще облизнула. Но мужчина должен довольствоваться тем, что может получить. Когда представится возможность, он наверстает.

— В тебе тоже, — сказала Шейла, натянуто улыбнувшись. Он ничего из нее не вытянет, пока она сама не захочет.

Шейла вздохнула, удивляясь нахлынувшей усталости. Она всегда могла работать больше суток и после этого еще оперировать. Наследие студенческих и ординаторских времен. Однако в данный момент ее сбilo бы с ног и перышко.

— Я думаю, мне надо переодеться и полежать, — сказала она Слейду.

Слейд кивнул, уже чувствуя себя как дома.

— Прекрасно. Тебе что-нибудь нужно?

Немного реальности не помешало бы.

Что она делает, играя в семью с человеком, которого едва знает?

Едва знает, но находит потрясающе привлекательным, прошептал своенравный внутренний голосок.

Все происходящее определенно идет вразрез с тем, что она наметила себе в жизни. Она сделала выбор много лет назад. Карьера — вот ее цель. Ее единственная цель после разрушительного первого романа. Она решила сделать самую лучшую врачебную карьеру, какая в ее силах. Обнаружив, что беременна, несмотря на предосторожности, она смогла перестроить свою жизнь и освободить в ней место для ребенка.

Но муж? Это уже слишком. С чего она взяла, что у нее есть хоть один шанс? Ее мать и отец не смогли создать удачный брак, плывя по жизни как два вежливых интеллигентных незнакомца, попавших в одну лодку.

Тут у нее ни одного шанса на удачу!

Шейла затрясла головой слишком решительно.

— Нет, я в полном порядке.

Далеко не в порядке, подумал Слейд, но будет.

— Хорошо, тогда я уйду. Надо забрать вещи со склада и привезти их сюда.

Он въезжает! Он действительно собирается здесь поселиться! Шейлу охватила паника, горло сжалось.

— Твои вещи? Какие вещи?

— Не мебель, — успокоил ее он. Мебель никогда не имела для него значения. Он привык к тому, что друзья спихивали ему ненужное. Вот телерадиоцентр он считал жизненно важным для работы, когда попадал домой. И его аппаратура была высшего класса. — Я сдаю свою квартиру в поднаем. Кроме того, моя мебель здесь будет неуместна. Я привезу только одежду, книги, фотооборудование.

Остальное можно привезти позже, решил он.

Ее рот как будто заполнился ватой. Слейд въезжает. Он действительно въезжает. Это не сон.

Паника стремительно разрасталась. Шейла чувствовала себя жителем городка у подножия неожиданно проснувшегося вулкана, извергшего лаву через секунду после первой вспышки.

— Купить что-нибудь на обратном пути? — спросил Слейд от двери. — Чтобы отпраздновать наше бракосочетание?

Его губы изогнулись в улыбке, но глаза оставались серьезными.

Шейла вспомнила, что от волнения ничего не ела утром. Желудок как будто сжался, но от голода или реакции на происходящее, трудно было сказать.

Это ошибка, очень большая ошибка, думала она. И все же продолжала надеяться, что не ошибка.

— Самый сладкий кекс, какой сможешь найти. С орехами и изюмом.

Ответ ему понравился.

— Я думал, что пристрастия проявляются до родов, а не после.

Шейла пожала плечами, избегая его взгляда.

— У меня не было времени.

— Вернусь через пару часов с самым сладким кексом.

Слейд наклонился поцеловать ее на прощание, и Шейла в последний момент подставила ему щеку. Он коснулся ее губами и ушел.

Возможно, ему потребуется больше времени, чтобы убедить ее, чем он предполагал.

Слейд обещал вернуться через пару часов, но задерживался, и Шейла обнаружила, что нервничает и следит за часами. Это было внове для нее. Терпение было ее даром.

Ждать возвращения Слейда было все равно что ждать у моря погоды.

Звонок в дверь — звук, которого она ждала последние восемьдесят три минуты, — заставил ее вздрогнуть. Ингрид выглянула из кухни.

— Я сама открою, — сказала ей Шейла.

— Но вы должны быть в постели, — напомнила Ингрид.

Та же мысль, несомненно, пришла в голову Слейду. И ей самой.

— Я лягу. Попозже.

Шейла открыла дверь, когда Слейд зазвонил снова.

Она выглядит счастливой, подумал Слейд. Или успокоенной.

— Скучала по мне?

— Скучала по кексу, — это все, в чем Шейла пока могла признаться. Его руки были заняты вещами. Пакет с кексом болтался на кончиках пальцев, и Шейла взяла его.

Она не показала ему, где спальня.

— Так куда мне все это сгрузить?

«Все это» состояло из охапки рубашек и брюк и двух коробок, наполненных разными мелочами, которые он считал жизненно необходимыми. За исключением маленькой черной

книжки, которую он завещал человеку, снимавшему его квартиру.

Шейла тревожно оглядела коробки. Несмотря на все усилия, она не могла представить Слейда здесь, среди изящных фарфоровых статуэток другой эпохи. Он казался слишком грубым по сравнению с ними.

Именно этим он и привлек ее с самого начала, напомнила она себе. Он не принадлежал ее миру.

Но теперь он был здесь, все шесть футов два дюйма.

— Это еще не все?

Он любил жить налегке, с самым необходимым, и подчеркнул это, приподняв коробки.

— Все, кроме фотооборудования. Когда путешествуешь, привыкаешь обходиться самым малым, а когда приходишь в гавань, старые привычки умирают с трудом.

Вот чего она и боялась. Боялась, что в этот поспешный брак вступили два человека, отличающиеся друг от друга, как солнце от фонаря. Себе она отводила роль солнца.

Шейла показала на журнальный столик как временное пристанище его скарба. Пока у нее были более важные дела. Кекс.

— Звучит как лозунг на посудном полотенце, принадлежащем беглецу.

Не пытается ли она вовлечь его в спор? И если да, то почему?

— Иногда я чувствую себя именно так.

Поставив коробки на столик, он обнял ее, предотвращая побег.

— Тогда я действительно бежал. Если бы я знал о ребенке...

Он умолк. Их глаза встретились.

— Что? Если бы ты знал о ребенке, то что?

Слейд пожал плечами. Нет смысла приукрашивать человека, каким он был раньше.

— Вероятно, я продолжал бы убегать, — признался он.

Он использовал прошедшее время. Кекс может подождать.

— Что заставило тебя передумать?

— Ты.

Взяв у нее кекс, он водрузил его на коробки и, приложив кончик пальца к ее губам, заглушил назревавший протест. Заинтригованная, она смотрела на него, а он обнял ее за талию и притянул к себе.

— Когда я увидел тебя, то вдруг понял, чего именно не хватает в моей жизни. Шейла, связь, возникшая между нами в ту ночь, не оборвалась, это совершенно ясно. Я не очень ловок со

словами на личном уровне...

Неужели он верит в то, что говорит?

— Пока у тебя хорошо получается.

Он пропустил ее реплику мимо ушей.

— Мы занимались любовью, и это не просто возбуждало. В этом был покой. — Сейчас он говорил ей то, чего никогда не говорил ни одной женщине. Потому что она всколыхнула его чувства больше, чем любая другая женщина. — Покой, которого я прежде не знал. Покой, какого я не испытывал с тех пор, как покинул тебя.

Для человека, открыто заявлявшего, что ему трудно выражать свои мысли, он был очень хорош. Слишком хорош. Она не могла полностью избавиться от недоверия.

— Может, виноваты пушки и бомбы?

Он серьезно смотрел на нее.

— Нет, они здесь ни при чем. — Он погладил ее руку, и вроде не было причин находить этот жест успокаивающим, но ей стало легче. — Я не говорю, что все у нас будет просто...

Ну, слава Богу, он не пытается ее уговаривать.

— Если бы сказал, я бы предложила тебе психиатрический курс лечения, который финансирует наша больница. — Сжав губы, она замотала головой. — Но еще могу предложить.

Им обоим он пригодится.

— Но мы можем создать удачную семью, — заверил ее Слейд. — Я хочу, чтобы все получилось.

Он ничего так не хотел в своей жизни.

Слейд опустил голову, надеясь на поцелуй, в котором ему было отказано раньше.

Его губы скользили по ее губам, прося их раскрыться. От его прикосновения Шейлу опалило пламенем. Она не успела подумать, не успела спастись.

Поцелуй расплавил ее так, что не было сил стоять. Шейла вцепилась в рубашку Слейда, пожираемая разгоревшимся в теле огнем.

Слейд пытался убедить ее, но еще больше убедил себя. Все получится, если захотеть, если твердо верить, что получится.

Не в силах удержаться, он просунул руки под блузку, чтобы коснуться ее кожи, погрузиться в грезы. И воспоминания.

Нежное прикосновение его ладоней к ее груди возбудило их обоих.

У нее был вкус греха, как в ту ночь. И так будет всегда. Сладкий грех. И его вечное падение.

Кровь мчалась по его венам, чувства требовали выхода. Он неохотно оторвался от ее губ и

не сразу смог перевести дыхание.

— А ты?

Все мысли в ее мозгу сплывались. Она смотрела на него — ошеломленная, не понимающая.

— Что?

— Я хочу, чтобы наш брак был удачным, а ты?

Сейчас он мог перевести ее в какую угодно веру, например заставить поклоняться культу, в котором верующие бреют головы, носят козьи шкуры и живут в горах Тибета.

— Да, я тоже.

Положив ладонь на его твердую крепкую грудь, она отстранилась.

Крошечное пространство между ними позволило ей собраться с мыслями, посмотреть ему в глаза.

Может быть...

— Но ты должен дать мне немного времени. Ничего такого я для себя не планировала.

Она никогда не думала о собственной семье, никогда не думала, что ее можно вот так вдруг сбить с толку. Она считала брак надувательством и надеялась, что разгадала его давным-давно и научилась трезво смотреть реальности в глаза. Слова «и потом они жили долго и счастливо» не для тех, кто посвятил себя карьере. А она посвятила.

Когда ей казалось, что она ошибается, достаточно было вспомнить Эдварда. Но сейчас она не хотела думать о нем. Может, на этот раз все будет иначе. Может быть...

Слейд задержал руки на ее бедрах и чмокнул в висок.

— Самые лучшие сюрпризы — совершенно неожиданные. Как наша дочка.

Наша дочка. Странно звучит, подумала Шейла.

— Раз уж вспомнили о дочке, я, кажется, слышу ее плач.

Слейд прислушался и тоже услышал тихий плач, доносившийся через открытую дверь детской.

— Она, вероятно, хочет знать, куда девался ее папа.

Шейла тоскливо взглянула на кекс. Не сейчас.

— Скорее она хочет знать, куда девался ее обед.

Он посмотрел на ее грудь, и ей снова стало тепло.

— Что касается ее папы... — Слейд подхватил коробку. — Так где твоя спальня? Я хочу разобрать вещи.

Шейла остановилась у лестницы и посмотрела на его багаж.

— Моя спальня?

— Ну, ты ведь не хочешь, чтобы я спал с Ингрид?

Шейла закусил губу. Она не подумала о том, что придется проститься с уединением. Кажется, она не подумала о многом, когда проскрежетала «да».

— Нет, мне просто в голову не пришло...

Слейда заинтриговало ее сопротивление.

— Разве твои родители не спали вместе?

В ее улыбке было очень мало веселья.

— Я не замечала, чтобы они были дома в одно и то же время.

Со вздохом она стала подниматься на второй этаж. Слейд последовал за ней.

— Поверь мне, женатые люди спят вместе. Я точно знаю.

Шейла остановилась перед детской и показала на последнюю комнату по коридору.

— Направо.

Она следила, как Слейд идет в спальню. Ее спальню. Их спальню. К этому еще надо привыкнуть, подумала она, входя в детскую.

Слейд не лег спать, смотрел теленовости по ее телевизору. Был двенадцатый час, когда она вошла в спальню. Голубая атласная ночная сорочка подчеркивала цвет ее глаз и разжигала желание. Слейд подавил его усилием воли.

Шейла выглядела совершенно изможденной. Он подумал, что Ингрид должна была бы облегчить ей жизнь, особенно в первый вечер, но, зная Шейлу, понял, что она, наверное, не позволила.

Зная Шейлу... Ему понравилось, как это звучит. Он планировал посвятить этому знакомству часть своей жизни.

Слейд выключил телевизор и положил пульт на ночной столик.

— Ты выглядишь усталой.

Она ответила не сразу. Слова требовали усилий, а у нее осталось очень мало энергии.

— Я и правда устала.

Он похлопал по кровати.

— Тогда почему не ложишься?

Чертовски странный момент для застенчивости. Стесняться надо было девять месяцев назад на пляже, а не здесь, в своей собственной спальне.

Их спальне, поправила себя Шейла.

Слейд встал и подошел к ней. Взяв за руку, подвел к кровати.

— Ложись, — повторил он тихо, но твердо. — Я не собираюсь познать тебя в библейском смысле, пока врач не даст тебе разрешение... А ты мне.

Их взгляды встретились, он улыбнулся.

— Я хороший парень, помнишь?

Не подумав, она погладила его по щеке.

— Ты знаешь, мне особенно нечего помнить.

Тяжело вздохнув, Шейла упала на кровать.

— О, я не знаю. — Слейд сел и стал разминать ей плечи, напряженные до предела. — Я многое помню. Прокручивал в мозгу в замедленном темпе много раз. Все, что случилось после того, как мы плавали в бухте.

Если как следует подумать, то это была невероятная глупость. Но тогда все казалось таким естественным...

— Если бы кто-нибудь увидел нас...

— Но не увидели, — напомнил он. — Скажи мне, кроме той ночи, ты всегда была осторожна?

Шейла начала поворачиваться, чтобы посмотреть на него, но он заставил ее лечь обратно. Господи, у него чудесные руки.

— Если ты имеешь в виду, не плаваю ли я нагишом при луне с кем попало, то да, не плаваю.

— Только со мной?

Она почувствовала, что он улыбается.

— Только с тобой.

— Мне это нравится. — Продолжая массаж, он чмокнул ее в шею и, ощутив ответную дрожь, понадеялся, что так будет всегда. — Мне это очень нравится.

У Шейлы бешено забилось сердце. Несмотря на беспредельную усталость, она почувствовала желание. Но пока ничем не могла его утолить.

— Мужское самолюбие?

— Супружеская гордость, — поправил Слейд. — И может, чуть-чуть мужского самолюбия.

Он начал сильнее разминать ей плечи.

— Господи, женщина, ты напряжена, как гладильная доска. Расслабься. Ты дома.

Все не так просто. Да, она дома, но в совершенно новой системе координат.

— Я отвечаю за младенца.

— Мы отвечаем за младенца, — поправил ее Слейд. — Я здесь надолго, Шейла. Я тебе уже это говорил.

Сколько еще ему придется убеждать ее в этом?

Шейла видела отражение Слейда в темном телеэкране. Он казался больше, чем сама жизнь. Да, так оно и есть. Больше, чем сама жизнь. И это ее пугало.

— Видишь ли, — осторожно сказала она, — меня всегда учили, что, если что-то кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, то это, скорее всего, неправда.

Да, его тоже этому учили. Но у каждого правила бывают исключения. И Шейла была его исключением.

— Чему еще тебя учили?

Шейла внутренне рассмеялась над иронией судьбы.

— Еще меня учили не поддаваться порывам.

— Рад, что ты не приняла это близко к сердцу, — усмехнулся он.

Она вывернулась из-под его руки, чтобы увидеть его глаза.

— Но я приняла, приняла.

Она считала себя пуританкой, но он знал ее лучше.

— И ты занималась со мной любовью в ту ночь, потому что не поддаешься порывам?

Шейла сделала глубокий вдох и попыталась прояснить ситуацию:

— Я занималась с тобой любовью...

Слейд откинулся и сел на пятки. На его лице появилось самое невинное выражение.

— Да?

Она раньше не задумывалась над этим, но теперь поняла и отбарабанила причины, казавшиеся верными:

— Потому что ты был самым волнующим мужчиной, какого я когда-либо встречала. — Получилось именно то, что ему надо, чтобы подкормить мужское самолюбие. — Потому что это казалось правильным для нас. И потому, что ты уезжал из страны.

Слейд подумал, что именно так объяснил бы и сам.

— Отъезд — главный критерий, по которому ты отбираешь своих любовников?

Если честность может помочь им — а если не поможет, то не ее вина, — она должна быть честной.

— У меня нет никакого критерия.

— Да, насчет любовников, а они у тебя были? — Он увидел, как в ее глазах появляется

раздражение. — Просто хочу кое-что узнать о тебе, вот и все. Можешь в ответ задать мне любой вопрос в любое время.

— И ты дашь мне ответ? — недоверчиво спросила она.

— Да, — уверенно ответил он.

Что возбудило новые сомнения.

— Честный?

— Где ты научилась такой подозрительности? — усмехнулся он, качая головой.

О нет, на этот раз она не позволит ему обезоружить себя обаянием.

— Подозрительность в моих генах. У меня очень много подозрительных предков.

Не в состоянии больше сопротивляться, Слейд обхватил ладонями ее лицо. Она распустила волосы. Он помнил, как они так же распустились в ту ночь. Ему так больше нравилось.

— И все они были столь же великолепны?

Шейла попыталась освободиться, но ей это не совсем удалось. Или она не очень хотела?

— Ты меняешь тему.

— Нет, я стараюсь быть обаятельным. — Он погрузил руки в ее волосы и приподнял ей голову. — Мне говорили, что я очень обаятельный.

Его дыхание ласкало ей лицо, но он не целовал ее. Пока не целовал.

— Я догадываюсь, — прошептала она.

— Поцелуй меня, Шейла, — попросил он. — Поцелуй меня, как в ту ночь на пляже. Поцелуй меня, как будто я снова уезжаю.

Она судорожно сглотнула. Если бы она стояла, колени бы уже подогнулись.

— А ты уезжаешь?

Он медленно помотал головой из стороны в сторону.

— Не в ближайшем будущем.

— Но уедешь?

И в этот раз ей будет не все равно, далеко не все равно, с болью подумала она. А ей не хотелось любить, не хотелось мучиться.

— В командировку. — Он уже разговаривал с Энди о работе в Штатах. — На время... Тебя уже кто-то оставлял навсегда, Шейла?

Нет, это она ушла в тот единственный раз. Но у нее не было выбора.

— Нет, я никогда не подпускала никого достаточно близко.

И это было почти правдой.

Слейд поднес ее ладонь тыльной стороной к губам и медленно поцеловал каждую косточку.

— А почему?

Она не сразу обрела голос. Он хорош, чертовски хорош.

— Моя природная подозрительность, помнишь?

— Все, — он постучал пальцем по виску, — я все помню. Это часть моего ремесла.

Его губы парили над ее губами, и она почти осязала каждое слово.

А потом он поцеловал ее, поцеловал так, как будто у него очень долго не будет такой возможности. Он целовал ее как новобрачный, как любовник, нашедший свою давно потерянную возлюбленную.

Он целовал ее как мужчина, который вдруг понял, что нашел вторую половину своей души.

У нее так кружилась голова, что она вцепилась в него, боясь упасть с постели, упасть с края мира. Но она была готова падать куда угодно, лишь бы вместе с ним.

Когда Слейд оторвался от нее, она вцепилась в него, не желая, чтобы поцелуй закончился. Но не вечно же ему продолжаться. В лучшем случае ее тело позволит погасить этот огонь внутри лишь через несколько недель.

Шейла заморгала, пытаясь сфокусировать зрение.

— О-о!

Он засмеялся, но смех был ласковым, успокаивающим.

— Я принимаю это за комплимент. Теперь засыпай, пока я не начал бегать по округе в поисках доктора, который письменно поклянется, что ты можешь выполнять супружеские обязанности.

Она могла бы сама сфальсифицировать такое разрешение.

— А как насчет моего согласия?

— Я только что его испробовал. — Он коснулся пальцем ее губ, не доверяя себе, боясь поцеловать ее снова. — Вот здесь. Спокойной ночи, док.

Откинув одеяло, он скользнул под него.

Шейла не знала, что и думать.

— Спокойной ночи, Гарретт.

Повернувшись к ней спиной, Слейд пытался устроиться поудобнее.

— Приятных снов.

Если они вообще будут, подумала она, глядя на его спину, и со вздохом отвернулась.

Она искренне не верила, что сможет заснуть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ночь прошла на удивление хорошо. Шейла была убеждена, что не сможет заснуть рядом со Слейдом. Но инстинкт самосохранения взял свое. Она заснула в считанные минуты. Три раза ее будила Ребекка, настойчиво требовавшая еды.

После кормления в семь утра Шейла решила больше не ложиться. Взяв ребенка, она вернулась в спальню переодеться. Постель была пуста.

— Не удивлюсь, если он сбежал, — прошептала она Ребекке. Положив дочку в детское креслице на полу, Шейла быстро переоделась.

До сих пор было странно думать о себе как о замужней женщине. К мысли о ребенке она привыкла, но у нее было на это девять месяцев.

Со Слейдом она чувствовала себя как в эпицентре неожиданно налетевшего урагана.

Расчесав волосы, Шейла взглянула в зеркало. На данный момент сойдет. Косметика подождет, пока она сможет сосредоточиться.

Сев на корточки рядом с детским креслом, она расстегнула ремни, удерживавшие Ребекку. Ей хотелось взять девочку на руки.

— Ну, пойдем приготовим маме чай, чтобы поддержать силы.

Ребекка отреагировала на заявление, широко раскрыв глазки.

— Прекрасно, мне нравится благодарная публика.

Просто невероятно, как естественно Ребекка лежит на ее согнутой руке, думала Шейла, спускаясь по лестнице. Она чмокнула дочку в шейку, вдыхая сладкий детский запах. Что бы ни случилось, она будет вечно благодарна Слейду за чувства этого момента.

Поворачивая в кухню, Шейла чуть не столкнулась со Слейдом. Он был одет в облегающие бежевые летние брюки и темно-коричневую рубашку, подчеркивавшую цвет глаз. Как будто недостаточно длинных темных ресниц!

Слейд обхватил ее за плечи. Под его взглядом мурашки побежали по ее коже.

— Привет.

Слейд взглянул на Ребекку. Личико ребенка было недовольным, будто она пропустила любимую телевизионную программу.

— Доброе утро, Коротышка.

Шейла заметила, что он побрился. Вечерняя щетина исчезла, кожа слабо пахла туалетной водой. Шейла попыталась определить какой, но не смогла.

— Ты уходишь?

Он кивнул, проверяя, положил ли бумажник в задний карман брюк.

— Примерно на час. Надо кое-что уладить в редакции.

Шейла машинально стряхнула крошку с его рубахи. Тост. Это все, чем он позавтракал? Господи, она так мало знает о нем. И обо всей этой ситуации. Как ведут себя жены, например?

Слейд удивленно поднял брови, и Шейла опустила руку, пытаясь скрыть застенчивость.

— Я думала, у тебя отпуск.

— Да. Если бы не отпуск, я уже летел бы куда-нибудь.

Именно об этом он хотел поговорить сегодня с Энди. Отказаться от работы за рубежом. Джек Сиверс несколько раз сопровождал его. Джек еще немного сыроват, но у него большой потенциал, и он полон желания работать самостоятельно. Молодой, ничем не связанный и готовый рисковать, Джек вполне может работать зарубежным корреспондентом. Слейд был согласен передать знамя.

Ребенок забеспокоился. Слейд засмеялся и поцеловал темный пушок на головке.

— Эй, Коротышка, ты достаточно повоевала ночью. Сильные легкие. — Он посмотрел на Шейлу. — Пошла в мою мать. До встречи с отцом она собиралась стать оперной певицей.

Все, что Шейла знала о его матери, — это только ее имя. И что она вырастила Слейда одна.

— Твой отец бросил вас?..

Сочувствие в голосе Шейлы согрело Слейда. И вызвало неловкость. Он сунул руки в задние карманы брюк.

— Да.

Шейла посмотрела в кухню через плечо Слейда и увидела на кухонном столе пустую тарелку.

— Ты, кажется, уже позавтракал?

Он усмехнулся, переведя взгляд на свою рубашку. Она это поняла раньше, подумал он.

— Просто перекусил. Я редко завтракаю.

Держа ребенка на одной руке, Шейла перенесла тарелку на крышку посудомоечной машины.

— Видишь, я и это о тебе не знаю.

Слейд открыл дверцу машины и, подумав, взял тарелку и поставил ее на решетку.

— Я не знаю, что и сколько ты ешь на завтрак, какой кофе любишь...

Она забавная, подумал Слейд. И ей не все равно. Господи, я сделал что-то очень хорошее. Похоже, удача, преданно сопровождавшая его всю жизнь, не изменила ему. Без удачи он бы не встретил такую женщину, как Шейла.

— Я ем на завтрак мало, а кофе пью черный и крепкий. — Он заправил ей выбившийся локон за ухо, которое ему хотелось пощипать губами. — Но все это мелочи...

— Нет, не мелочи. Именно мелочи делают брак удачным или неудачным. Крошечные винтики и гаечки.

— Винтики и гаечки, — повторил он, притворно хмурясь. — Мы же говорим не о машине. Любовь делает брак удачным. Любовь и взаимопонимание.

Она еще не говорила ему о любви, но скажет, обязательно скажет.

Он взял ее за плечи, вглядываясь в лицо. Она не в настроении, подумал он. Правда, нельзя ее в этом винить. Она мало спала. По его подсчетам, ребенок будил ее трижды. По интервалам он понял, что каждый раз — для кормления. Когда по ночам девочку станут кормить из бутылочки, он сможет подменить Шейлу и дать ей выспаться.

— Это нормальный послеродовой спад настроения или я должен волноваться?

Шейла устало вздохнула. Именно это. У нее послеродовые колебания настроения. Она должна была их предвидеть.

— Да, это нормально. А вообще-то я обычно не так эмоциональна.

Ей бы следовало извиниться за свою неласковость, но она понадеялась, что сказанного достаточно.

Слейд прижал ее к себе, затем отпустил.

— Не страшно. Скоро увидимся. И с тобой тоже, умница. — Он коснулся пальцем детского носика. — Не мучай маму. Она у нас новичок.

В кухню вошла Ингрид, и Слейд поздоровался с ней.

Ингрид, закрепив волосы резинкой, похоже, была готова помочь всему миру.

— Доброе утро, мистер Поллак.

— Гарретт, — бросил Слейд через плечо с легкостью человека, не сомневающегося в своем месте под солнцем и не волнующегося за него.

Такой безмятежности я никогда не чувствовал, думал он, выходя из дома. Супружеская жизнь мне нравится. Если бы знал раньше, то не уваливал бы так долго.

Но нет. Только жизнь с Шейлой мне подходит, подумал он, садясь в машину. Даже усталая и невыспавшаяся, она сексапильнее красоток с цветных вклеек журналов для мужчин.

Кстати, надо найти пристанище для собственной коллекции.

Нажав кнопку гаража, Слейд ждал, пока дверь поднимется.

Коллекция, которую он унаследовал без ведома матери, пылилась на складе. Выбросить не позволила ностальгия. Старший кузен передал журналы и преподавал несколько уроков анатомии с помощью этих наглядных пособий, когда Слейду исполнилось тринадцать лет.

Может, Сиверс оценит их. Или Сиверс, или коллекция пойдет в макулатуру, думал Слейд, заводя мотор.

В макулатуру сдавать жалко. Журналы были старыми уже тогда. Некоторым выпускам больше двадцати лет. Значит, Сиверс. Хотя картинки скромны по современным меркам, Сиверс сможет оценить коллекцию. Он любит ретро.

Насвистывая, Слейд выехал на улицу.

Ингрид принялась за уборку кухни. Слейд оставил около тостера буханку хлеба и брусок масла. Она все вернула на положенные места и улыбнулась Шейле.

— Он милый, ваш мистер Гарретт.

Шейла чуть не поправила Ингрид, что Слейд не «ее» мистер Гарретт, но вовремя осеклась. Он действительно «ее» мистер Гарретт. Она вчера подписала лицензию, которую ему удалось достать так быстро. Их брак стал официальным.

Ее охватила та же неловкость, какую она почувствовала, когда осознала, что натворила. Усилием воли Шейла подавила ее.

— Да. Очень милый. Когда хочет, — согласилась она и переключила внимание на ребенка: — Итак, принцесса, что маме съесть на завтрак, чтобы справиться со своими новыми обязанностями, а?

Шейла открыла холодильник.

— О, у вас и так полно забот. Позвольте мне приготовить вам завтрак! — воскликнула Ингрид, ласково отодвигая Шейлу.

— Я плачу тебе как няне, а не как домработнице, — напомнила Шейла.

Ингрид не уступила. Для такой кроткой на вид девушки она очень решительна, заметила Шейла.

— Я могу быть и тем, и другим. Итак, что вы?..

Ее прервал дверной звонок.

Слейд, подумала Шейла. Наверное, что-то забыл. Но почему не пользуется ключом? Вчера после ужина она дала ему ключ.

— Подождите, я открою, — вызвалась Ингрид и поспешила к парадной двери.

Шейла снова открыла холодильник.

— Слишком много народу бегают по этому дому, Ребекка, — доверительно сообщила она дочке. — Я к этому не привыкла.

— Доктор Поллак?

Шейла обернулась и увидела вернувшуюся Ингрид. На лице девушки расплывалась широкая загадочная улыбка.

Что еще?

— Да?

Ингрид отступила в сторону и без особой необходимости объявила:

— Ваши родители.

За девушкой стояли Сьюзан и Теодор Поллак. Вместе. У Шейлы отвисла челюсть. Вместе они посещали только официальные приемы. Или дочь теперь перешла в ту же категорию?

Шейла также никогда не видела их одетыми настолько небрежно. Она не могла вспомнить в своем детстве ни семейных пикников, ни поездок на пляж или в горы. В местах, знаменитых модными курортами, ее родители только работали.

Но даже в неофициальной одежде в них чувствовался высший класс. Класс и что-то еще. Что-то изменилось, поняла Шейла. Она видела перемену в глазах матери.

Они стали почти похожи на любых других родителей. Почти, но не совсем.

Сьюзан Поллак прикрыла рот длинными изящными пальцами, и Шейле показалось, что в синих, как сапфиры, глазах матери блестят слезы.

— О мой Боже, Тед, это правда. — Сьюзан посмотрела на мужа, чтобы убедиться, потрясен ли он так же, как она. — У нее ребенок.

Не дожидаясь комментариев от мужчины, с которым прожила в браке почти тридцать пять лет, Сьюзан обняла одновременно Шейлу и ребенка.

Это действительно слезы, поняла Шейла. Ее мать действительно плачет. Шейла не помнила, чтобы ее мать когда-либо плакала.

Сьюзан сжала губы, подавляя рыдания.

— Славно узнать, что я стала бабушкой, от автоответчика.

Шейла позвонила родителям, как только вернулась из родильного отделения в палату. Откликнулся автоответчик. Она и не ожидала ничего другого.

— Привет, мама.

Шейла подставило лицо быстрому поцелую отца и удивилась, когда он еще и сжал ее плечо. Его глаза тоже, кажется, блестят? Разве уже начался сезон аллергии? Наверное. Ее родители никогда не реагировали на обстоятельства эмоционально. Они ко всему подходили логически.

— Вы были в круизе, — напомнила Шейла матери.

Что необычно само по себе. Ее родители никогда не отрывались от своих частных практик, если только не посещали какой-нибудь медицинский симпозиум, где оба или один из них были главными докладчиками.

Что происходит?

— Ты могла позвонить на корабль, Селеста знала номер круиза, — упрекнула Сьюзан,

упомянув свою домработницу. Но все упреки были забыты, когда она взглянула на внучку.

— О, малышка прекрасна! — Сьюзан перевела взгляд на мужа: — Разве она не красавица, Тед?

Доктор Теодор Поллак, возмещавший проведенную в постоянных трудах молодость тем, что наслаждался преимуществами зрелости, широко улыбнулся.

— Да, она прекрасна. Не так, как Шейла, конечно. — Он посмотрел на жену, как будто увидел ее в первый раз после многолетнего перерыва. — И у Шейлы твои глаза и губы. Правда, у этой малышки твое имя.

Сьюзан улыбнулась и покраснела. Шейла могла бы поклясться, что покраснела.

— Ребекка Сьюзан — чудесный выбор, дорогая.

Шейла все таращила глаза на своих родителей. Как будто она попала в сумеречную зону между сном и бодрствованием. Или одна из ее фантазий вдруг обрела собственную жизнь. Ее детская фантазия, в которой родители вели себя не как деловитые профессионалы, а как нормальная любящая пара.

— Мама, папа, что-то случилось? Вы ведете себя так... странно. — Шейла не смогла сформулировать это более мягко.

Тед засмеялся, но ответила Сьюзан:

— Ты хочешь сказать: «не надутые»?

Шейла ни за что не стала бы оскорблять их, хотя именно это слово первым приходило в голову. Надутые. Чопорные. Замкнутые.

— Я хочу сказать, что вы изменились. Я ожидала открытку и сберегательную облигацию, а не визит.

— Сберегательную облигацию... — Эти два слова явно освежили память Сьюзан, и она взглянула на мужа: — Ты не забыл купить ее?

Шейла протянула руку прежде, чем отец успел ответить.

— Это не намек, а наблюдение. — Она сделала шаг назад, чтобы лучше рассмотреть родителей. — Так что же с вами обоими произошло?

Они переглянулись, и отец, к безмерному удивлению и удовольствию Шейлы, обнял мать за плечи.

— Мне кажется, что через тридцать пять лет брака мы наконец нашли друг друга.

— Дом был большой, но не настолько, — заметила Шейла. Здесь что-то еще.

Сьюзан удобно устроилась в объятиях мужа.

— Дом — нет, но наша работа... Ты это знаешь лучше других.

Да, работа всегда стояла у них на первом месте. Отец находился в странах «третьего мира»

по полгода, оперируя детей, которые иначе остались бы искалеченными или парализованными. Мать каждую неделю принимала больных в бесплатной клинике в старой части города. Долгие часы они отдавали своим частным практикам. Все это, безусловно, проело большую дыру в ткани их совместной жизни. Но Шейла приспособилась, смирилась. Изменить что-то было невозможно. Тигры полосатые, солнце встает на востоке, а ее родители одержимы своей работой.

Что же изменилось теперь?

— Итак? Что же случилось?

Сьюзан взглянула на мужа, предоставляя объяснения ему. Для нее это было слишком болезненно.

Тед заговорил не сразу. Это был самый плохой период в его жизни. К счастью, благополучно завершившийся. Но могло кончиться иначе. Уж он-то понимал это лучше других.

— Мы думали, что у твоей матери рак груди.

Шейла впервые услышала об этом и широко раскрыла глаза.

— Мама!

Сьюзан подняла руку, останавливая поток надвигавшихся слов и вопросов.

— Мы тебе не сказали, Шейла, потому что не хотели тревожить. Опухоль оказалась доброкачественной. Чего нельзя было сказать о нашем браке, как мы поняли.

Сьюзан посмотрела на мужа явно с любовью.

— Мы оба вдруг столкнулись с совершенно непривычной гранью жизни, — продолжал отец.
— Пришел момент критически все оценить, выделить самое важное.

— И самым важным оказалась семья, — подхватила Сьюзан и поцеловала Шейлу в висок с большим чувством, чем за всю ее жизнь. — Бедняжка. Ты была обделена вниманием потому, что я лечила больных, а отец улетал на полгода делать свои операции.

Шейла всегда старалась держаться за положительные стороны своего детства.

— Я очень гордилась вами, — честно сказала она.

Сьюзан нежно взъерошила волосы Шейлы.

— И была очень одинока. Теперь я понимаю. Милосердие начинается дома, а тебе его не досталось. — Она ласково посмотрела на внучку и, просяив, взяла ее на руки. — Теперь все будет по-другому. Совсем по-другому. Мы избалуем ее.

Шейла никогда не видела, чтобы мать так широко улыбалась. Только рассеянная улыбка.

— О Господи! — притворно простонала Шейла и обратилась к отцу за помощью: — Папа!..

Он засмеялся, явно наслаждаясь происходящим. Наслаждаясь жизнью с пылкостью человека, чуть не потерявшего все, что ему было дорого.

— Я буду держать ее в рамках.

— Ха! — фыркнула Сьюзан. — Ты не знаешь своего отца. Ему стоит только начать. Придется купить Ребекке Сьюзан кооперативную квартиру для коллекции мягких игрушек.

Шейлу охватило ликование. Ее родители борются за честь баловать ее ребенка! Невероятно!

— Думаю, зарываться я вам не позволю.

Сьюзан оглядела кухню, как будто ожидая, что кто-нибудь выпрыгнет из кладовки.

— Так где он, этот твой муж? Или автоответчик записал посторонний сигнал?

Шейла отрицательно покачала головой. Интересно, как бы отреагировал Слейд, если бы услышал, что его назвали посторонним сигналом? — Никакой ошибки. Слейд на работе.

Тед удовлетворенно кивнул и поправил очки.

— Ну, по крайней мере он не нахлебник.

Шейла весело улыбалась. Прежде, когда она жила дома, отец не обращал внимания на ее друзей и не интересовался их планами в отношении дочери.

— Слейд журналист, папа. Работает в «Таймс».

— Не обращай внимания, дорогая, — вмешалась Сьюзан. — Просто у твоего отца такой юмор. Немного заржавел. Папа не использовал его годами. Дай ему время.

Сьюзан улыбнулась дочери. Столько надо исправить, столько возместить... С чего начать — теперь, когда ей снова подарена жизнь?

Сьюзан прижала внучку к груди, впитывая успокаивающее тепло.

— Он достаточно хорош для тебя, дорогая?

Мать так и не узнала об Эдварде. Не было причин рассказывать ей. Сначала потому, что они никогда не вели доверительных разговоров, а после потому, что никогда не делились горем.

— Конечно, нет, но папа римский был занят, и мне пришлось довольствоваться тем, что осталось.

— Юмор она унаследовала от меня, — твердо сказала Сьюзан мужу. Она уже убедилась, что дочь счастлива, и испытала безмерное облегчение. А ведь вполне могло случиться иначе. У многих ее сотрудниц, имеющих детей, запутанная личная жизнь. Сьюзан снова взглянула на внучку и коснулась ямочки на ее подбородке.

— А эта крошечная ямочка? Это от него?

Шейла кивнула.

— Очень мило, — одобрила Сьюзан и свободной рукой взяла дочь под локоть. — Пойдем в гостиную, Шейла. Мы приехали надолго и собираемся приятно провести время. Уолтер взял моих пациентов, а папу подменил его партнер. Поскольку ты в послеродовом отпуске, никого из нас не будут тревожить эти вечные звонки. Мы сможем поговорить без помех.

Даже во времена запойного увлечения любимой работой бывали моменты, когда Сьюзан Поллак с удовольствием бы выбросила свой телефон в океан.

— О, между прочим, я хочу, чтобы ребенок называл меня Буля. Звучит забавно, и я не буду чувствовать себя такой старой.

Тед, смеясь и качая головой, шел за женщинами в гостиную.

— Ты никогда не будешь выглядеть старой, Сьюзан.

Довольная Сьюзан доверительно наклонилась к дочери.

— У него есть качества, которые он даже не начинал испытывать на мне. — Она обернулась к Теду: — Я с удовольствием предвкушаю вторую половину своей жизни.

Шейла едва верила своим ушам.

— Где ты раскопала имя Буля?

— Одна из лаборанток в больнице мимоходом упомянула, что ее внучка так сократила слово «бабуля».

Перед домом стоял темно-синий «мерседес». Модель десятилетней давности по меньшей мере, но машина была в отличном состоянии. Интересно, чей он, думал Слейд, открывая дверь гаража и въезжая внутрь. На номерном знаке было написано «МЕМ-Х-2». Очевидно, сослуживцы Шейлы заскочили посмотреть ребенка.

Слейд довольно усмехнулся. Ему понравилось его предположение. После той жизни, какую он вынужден был вести в последние несколько месяцев, все нормальное и обыденное казалось ему чертовски приятным.

Решив перед встречей с гостями умыться, Слейд прошел в дом через гараж. Ванная была совсем рядом, но, поворачивая к ней, Слейд краем глаза заметил Шейлу. Она была в кухне, что-то доставала с нижней полки шкафа. На ней были слаксы, соблазнительно обрисовывавшие попку.

Ошибиться невозможно, это точно попка Шейлы. Он узнал бы ее где угодно. Ингрид ниже ростом и почти болезненно худа.

Поддавшись капризу, Слейд подкрался к Шейле и обхватил за талию. В ответ раздался испуганный визг.

— Ты забыла? Подразумевается, что ты сейчас отдыхаешь?

Смеясь, он повернул ее лицом к себе. Его губы уже были в дюйме от ее губ, когда он замер, ошеломленный.

— Вы не Шейла...

Обретя дыхание, Сьюзан громко рассмеялась. Должно быть, это Слейд.

— Да, я не Шейла. — Она тепло улыбнулась зятю. У Шейлы хороший вкус. — И не в первый раз сожалею об этом.

Осознав, что все еще держит женщину, Слейд отпустил ее. До чего же похожа... Он сделал шаг назад.

— Кто вы?.. — Он всматривался в знакомое лицо, пытаясь сориентироваться. Невероятное сходство. — Шейла не говорила, что у нее есть сестра.

О да, этот мужчина ей точно понравится.

— И не могла сказать. У нее нет сестры. — Сюзан пригладила волосы рукой и, хотя никогда не была тщеславной, пожалела, что нет расчески. — Я ее мать.

— Сюзан... — Теодор вошел в кухню, переводя взгляд с незнакомца на жену и обратно. — Что здесь происходит?

Сюзан взяла мужа под руку. Не ревность ли мелькнула в его глазах? Как чудесно после стольких лет равнодушия...

— Еще чуть-чуть, и я бы выяснила, что заставило Шейлу так внезапно выскочить замуж.

Шейла поспешила в кухню вслед за отцом. Не так она надеялась познакомить Слейда с родителями — во всяком случае, не так скоропалительно. Вообще в эти дни все идет не по плану.

Туда развеселило замешательство в глазах Шейлы и ее нового мужа.

— Шейла, кажется, твой муж приударил за моей женой.

— Все, — и Слейд поднял руки в форме буквы «Т», как тренер спортивной команды, берущий минутный перерыв. — Тайм-аут.

Слейд взгляделся в лица родителей. Да, он уже видел их, правда издали, в тот вечер, когда встретил Шейлу на благотворительном приеме. Однако это были не совсем те же люди. Они выглядели гораздо дружелюбнее и доступнее. Пара, царившая на приеме, была красивой, но чопорной. Он не рискнул бы держать пари на то, что увидит хотя бы одного из них в джинсах.

— Вы доктора Поллак? — Слейд осекся, поняв, что несет несусветную чушь. — Как обращаются к мужу и жене, если они оба врачи?

— В данном случае «мама и папа». — Тед сердечно пожал Слейду руку. — Видите ли, я всегда мечтал о сыне.

Сюзан с удивлением посмотрела на мужа. После рождения Шейлы они оба решили, что этот ребенок будет единственным.

— Ты мне никогда не говорил об этом.

Они очень о многом не говорили. Но у них еще есть время.

— Я думал, было бы несправедливо говорить тебе о своих желаниях. У тебя едва ли было время для Шейлы, что уж говорить о двоих.

Тед взглянул на дочь. Он так много упустил. Столько ему никогда не возместить.

— Я тоже обделил тебя, дорогая, — сказал он дочери.

Было время, когда Шейла с восторгом приняла бы их сожаления. Теперь, сама став матерью, она понимала, как это случилось. Она подняла руку, останавливая извинения.

— Стоп. Больше никаких «я виноват». Начнем с чистой страницы.

Сьюзан, улыбаясь, взяла своего нового зятя и дочь под руки.

— Итак, почему бы нам всем не вернуться в гостиную и не познакомиться? Я как раз доставала печенье, когда вы набросились на меня.

Тед удивленно посмотрел на Слейда.

— Он набросился на тебя?

— Не в библейском смысле, Тед. Ты это сможешь сделать позже, — со смехом ответила Сьюзан.

— И это твои родители? — тихо спросил Слейд Шейлу.

Неужели она действительно не видела, что эти люди спали в одной постели? Ему они казались очень игривыми.

— Я не уверена, — прошептала она в ответ. — Надо позвонить Селесте и спросить, не валяются ли где-то в доме пустые оболочки. А пока я собираюсь наслаждаться обществом этих людей, кто бы они ни были.

Шейла подмигнула родителям, собираясь делать именно то, что сказала.

Внезапно спохватившись, она посмотрела на Слейда.

— Ты все уладил в редакции?

Там все еще шли переговоры о его новом назначении. Он скажет ей, когда все закончится.

— На данный момент, — прошептал он.

Шейла не поняла, что он имел в виду, но сейчас ей хватало загадок от общения с родителями. Она уточнит неопределенный ответ Слейда позже.

Она задаст ему этот вопрос и множество других, которые у нее к нему накопились.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Шейла включила монитор видеоконтрольного устройства, стоящий у ее кровати. Ребекка, храни ее Бог, мирно спала. Когда Ингрид вернулась из университета после вечерних занятий, «мерседес» еще стоял у дома. Родители Шейлы провели у дочери целый день. За всю свою жизнь Шейла не могла припомнить, чтобы проводила весь день в компании хотя бы одного из них, тем более обоих. Если бы у нее была привычка щипать себя, проверяя, не спит ли, она бы обязательно ущипнула. Весь день был похож на сон.

Шейла следила за Слейдом, опускающим шторы. Мускулы перекатывались на его спине, когда он дергал упрямый шнур. По роду своей работы он привык спать в одежде, у него не

было пижамы, и теперь он стоял в одних обрезанных выше колен джинсах. Очень потрепанных джинсах, облепивших его как вторая кожа.

Шейла подошла к окну и открыла его. В спальне становилось очень жарко.

Встретившись взглядом со Слейдом, Шейла улыбнулась. Он изо всех сил старался развлечь сегодня ее родителей, очаровав обоих историями из своей репортерской жизни. Отец не уступал, рассказывая свои истории, не такие страшные, но очень трогательные. Все прекрасно поладили.

В общем, вечер прошел великолепно.

— Ты понравился моим родителям.

Тед и Сюзан сказали это ей перед отъездом.

Слейд повернулся к Шейле. Лунный свет проникал сквозь ночную сорочку, маняще очерчивая ее тело. Ему было невыносимо смотреть на нее. Он сделал глубокий вдох. Столько времени терпел, подождет еще пару недель, успокоил он себя.

Может быть.

— Почему нет? Я милый парень.

Абсолютное отсутствие комплекса неполноценности, усмехнулась Шейла.

— Разве мы уже это решили?

Слейд подошел к ее стороне кровати, сложил стеганое одеяло.

— Да. Мы проголосовали.

Мы? Он что, включил в голосование Ингрид?

— Мы?

— Бекки и я. Видишь ли, она от меня без ума. Так что единогласно, — самодовольно объявил он и великодушно предложил: — Если не хочешь стать отщепенкой, голосуй как мы.

Почему в его присутствии ей всегда хочется смеяться, забыть об обязанностях и бегать босиком по пляжу? Он только на нее так действует или на всех женщин?

Возможно, на всех. Но он принадлежит ей.

Или говорит, что принадлежит, прошептал противный внутренний голос, но она от него отмахнулась. Ничто не испортит ей настроение.

— Ты во второй раз так делаешь. Мне начинает казаться, что меня переехал паровоз.

С самым невинным выражением лица Слейд дернул воображаемый гудок, прогудел «туут-ту-ут» и схватил ее в объятия.

Шейла давно чувствовала приближение поцелуя. И хотела его. Может, даже мчалась ему навстречу. Кто знает. Только что она смеялась. В следующее мгновение, встав на цыпочки и

вскинув голову, жадно искала его губы.

Мгновенно кровь ее вспыхнула, все мысли вылетели из головы, перед глазами поплыло.

Вкус его губ был таким же пьянящим, как в ту ночь, когда они познакомились.

Может, еще сильнее, потому что он больше не был загадочной опасной неизвестностью, в которую она прыгнула очертя голову. Теперь она знала, что ее ждет впереди.

Или думала, что знала.

Так или иначе, с каждым разом эффект от поцелуя все усиливался. У нее все больше кружилась голова и подкашивались ноги. Господи, она действительно хочет заниматься с ним любовью. И это несмотря на упорные старания приспособить свою жизнь к новым обстоятельствам, несмотря на безоговорочную, с детства усвоенную веру в то, что браки не бывают удачными и никогда не оправдывают возложенных на них надежд.

Правда, ее родители только что разбили это убеждение в пух и прах. Так чему же верить теперь?

Сердцу, растроганно подумала Шейла. Только сердцу.

Когда поцелуй кончился, она огорченно вздохнула. Хотя и понимала, что пока нельзя желать большего. Зачем играть со спичками, когда не позволяют развести огонь?

— Да, точно переехал паровоз.

Как удобно в его руках... И безопасно, подумалось ей. Забавное ощущение. Никогда раньше она не думала о безопасности.

Шейла неохотно кивнула на постель, в которой они могли пока только спать.

— Пора спать. — Она легла и подоткнула вокруг себя простыню. — У меня есть часа три, прежде чем вызовет ее высочество.

Если повезет, добавила она про себя.

Слейд скользнул в постель рядом с ней, пытаясь устроиться удобно. Положив руки за голову, он посмотрел на нее.

— Здесь замешана святость. — Увидев, что Шейла вопросительно подняла брови, он добавил: — Нелегко лежать рядом с тобой и вести себя как бойскаут. Моя стойкость заслуживает божественного признания.

Шейла приподнялась и легко поцеловала его в губы.

— Сэр Галлахад, а не бойскаут, — поправила она. — Некоторые из бойскаутов, которых я знала, никогда не получили бы медаль за стойкость. Разве за то, что щупали девочек.

Шейла сказала ему, что не спит с кем попало, и он поверил. Но сколько мужчин было в ее жизни? Был ли среди ее любовников такой, к которому она испытывала серьезное чувство? Он нарушил основное правило и спросил:

— Тебя многие бойскауты щупали?

Шейла бессознательно прижалась к нему.

— Пытались.

Да, нетрудно представить себе бойкого пацана, пристающего к ней. В гостиной среди семейных фотографий висел ее подростковый портрет. Слейд мог бы поклясться, что в ее жизни не было ни одного неприятного дня.

— Но?..

Она вспомнила Билли Рафферти и то, куда завела его настырность. Он визжал, что кровь из разбитой губы будет течь несколько дней.

— Я себя в обиду не давала. — Шейла сжала кулак. — У меня не было брата, так что приходилось защищаться самой.

Слейд подумал, что ему нравится ее независимость. Очень сексуальное качество. Он взял ее ладонь и внимательно осмотрел. Изящная рука. Такая может принадлежать хирургу или одаренному музыканту. Эта рука крепко держит его.

— Выглядит смертельно, — поддразнил он, поднося ее руку к своим губам. — Напоминай, чтобы я никогда не противоречил тебе. — Их взгляды встретились. — Впрочем, я пацифист.

Шейла сомневалась, что когда-нибудь станет доверчивой настолько, что проглотит и это.

— Пацифист? Черта с два.

Она не собиралась верить во все, что он рассказал сегодня. Нет, он не хвастался. Чувствовалось, что многое даже умалчивает. Во время работы в горячих точках он не только стоял в стороне и фиксировал события. Нередко он в них участвовал. Как в тот раз, когда помог ночью переправить за границу семью, приговоренную к казни. Шейла понимала, что Слейд станет пацифистом, если только в мире больше не будет несправедливости.

И она гордилась им.

— Нет, правда, — защищался он, пытаясь не улыбаться.

Он не убедил ее, но она снова устроилась рядом с ним.

— Держу пари, ты мальчишкой вытворял черт знает что.

Ее умиротворенный вздох ласкал его кожу, вызывая дрожь, которую он с трудом сдерживал.

— Как и полагается мальчишке, — признал он, но, подумав и вспомнив, сколько огорчений принес матери, добавил: — Ну, может, чуть больше.

Шейла чувствовала, как ее глаза закрываются.

— Я думаю, тебе было трудно... — она попыталась подавить зевок, — расти без отца.

Они кое-что должны прояснить, подумал Слейд.

— По правде говоря...

Несмотря на все усилия, Шейла сладко зевнула.

— Мне было трудно. — Она увидела его реакцию и поняла, что надо объяснить. — Временами мне казалось, что я расту и без отца, и без матери. Они всегда были в отъезде, помогали другим.

Ее голос становился все тише, сон брал свое.

— Я гордилась ими, но и ревновала тоже. Я думала, что мне надо сломать ногу или заболеть какой-нибудь редкой болезнью, чтобы привлечь их внимание. — Она с веселым удивлением вспомнила, какими были ее родители сегодня. — Просто не могу поверить в их превращение.

У него было меньше материала для сравнения. Он крепче обнял Шейлу, чувствуя, как ее голова клонится к его плечу.

— Что привело к этому?

— Понимание, что человек смертен, полагаю. Вдруг обнаружили, что у них впереди не вечность, как они думали. Как и все думают, пока жизнь не убедит их в обратном.

— Забавно. Я тоже всегда думал, что у меня впереди вечность. — Он не мог думать иначе, пройдя через то, через что прошел. — Теперь я просто надеюсь на это.

— У тебя это получается естественно, или ты практикуешься?

Он засмеялся, и Шейла чувствовала, как звук перекачивается в его груди.

— Каждое утро, добросовестно, перед зеркалом. А что? Разве не видно, что я исполнен надежд? — спросил он с притворным удивлением.

Прекрасно видно и прекрасно ощущается.

— Временами ты немного спешишь с ними.

— Потому что хочу очаровать тебя прежде, чем испытаю на себе твой острый язык.

Именно это ему нравилось в ней больше всего, ее ум. И конечно, тело.

Моментами ему еще с трудом верилось, что он связал себя обязательствами с другим человеком. Но, очевидно, к этому не сразу привыкаешь. Он бы дал себе фору лет пятьдесят, прежде чем признавать поражение.

— Держу пари, ты в детстве была красоткой.

Странно, что он не заметил. Все ее фотографии были сделаны после того, как ей исполнилось двенадцать.

— Ты бы проиграл пари. Я была страшно безобразным ребенком. Разбивала зеркала, куда бы ни приходила.

Ему трудно было в это поверить при таких красивых родителях. Да и при такой ее внешности.

— И твои папочка с мамочкой не пытались утопить тебя?

Шейла шутливо шлепнула его по руке и тут же поняла, что уже много лет не делала ничего подобного. Много, много лет.

— Нет, они сбежали, как я сказала. Вероятно, из-за меня они и занимались так много времени благотворительностью. Во искупление того, что произвели на свет гадкого утенка.

Слейд крепче обнял ее.

— Ну, ты теперь все наверстала.

Шейла не собиралась оспаривать комплименты. Вдохнув, она повернула к нему голову, не отрываясь от подушки.

— Слейд?

— Хмм?

Все так хорошо, слишком хорошо. Разочарование непременно ждет за углом. И все же она отчаянно надеялась на лучшее.

— Ты думаешь, у нас получится?

В его голосе не было ни намека на сомнения.

— Конечно.

Ей бы его уверенность.

Вид родителей, влюбившихся друг в друга после стольких лет отчуждения, потряс основы мира, который Шейла построила вокруг себя. Их пример убедил ее, что карьера и брак не могут успешно сочетаться. Теперь они же доказали обратное.

Почему только их пример не заставлял ее чувствовать больше уверенности в собственном браке?

* * *

Вопрос этот потихоньку терял свою важность по мере того, как Шейла с каждым днем постепенно вживалась в новую роль и, к своему изумлению и бесконечному удовольствию, обнаруживала, что супружеская жизнь ей нравится. Одержимая работой, привыкшая к долгим, изматывающим дежурствам, Шейла думала, что сойдет с ума во время вынужденного отпуска. Она также полагала, что с трудом приспособит свою жизнь к ребенку и тем более к Слейду.

За годы самостоятельности она все привыкла делать по-своему. Как и Слейд.

Ее удивило, как легко, оказывается, идти на компромисс. Она быстро поняла, что способность к компромиссам у Слейда в характере.

— Значит, ты не возражаешь? — спросила она, когда Слейд немедленно откликнулся на ее просьбу приблизить свою работу к дому. Откуда ей было знать, что он уже сам пришел к этому решению и что Энди оказался сговорчив.

Слейд считал совершенно естественным быть рядом с женой и дочерью, но почему бы не порисоваться, раз уж подвернулась возможность? Если, согласившись на просьбу Шейлы, он

предстал в ее глазах самоотверженным героем, тем лучше. Результат от этого не изменится. Он изо всех сил старался устроить так, чтобы бывать дома как можно больше.

— Не волнуйся за меня. Конечно, я буду скучать по прежней работе, — честно признался он. В опасности для него было что-то соблазнительное. Однако и Шейла была не менее соблазнительной. — Но я теперь женатый человек. Мы оба должны несколько изменить свою жизнь. Иначе зачем все эти хлопоты с женитьбой?

Шейла смотрела на него с недоверием. Неужели он говорит это искренне?

— Когда все время не знаешь, на каком ты свете, и в каждый день вступаешь с новой визой, совершенно неважно, на какой стороне кровати спать.

Она тупо смотрела на него. Он чмокнул ее в кончик носа.

— Перевожу: не ломай себе голову по мелочам.

— Очень убедительно, — засмеялась Шейла.

Слейд обнял ее, сожалея, что пока придется этим ограничиться. Пока.

— Я храню лучшее в себе для тебя.

Этот его взгляд всегда согревал ее. Не желая признаваться самой себе, она считала дни до того момента, когда сможет заниматься с ним любовью. Заживление шло не очень быстро. Время в таких делах течет слишком медленно.

Шейла подняла голову и поцеловала его.

— Я на это надеюсь.

У нее был вкус клубники и страсти. Первое — благодаря тосту с джемом, который она только что съела. Второе... второе он предвкушал с нетерпением.

— Получи одобрение своего доктора, и я тебе докажу, — пообещал он.

Соблазн провести репетицию был огромным, но это превратилось бы в пытку для них обоих. Со вздохом он освободил ее.

— Мне надо отлучиться на несколько часов, чтобы поговорить с Энди. Я уверен, что уговорю его поменять мое ампула, но может потребоваться сделка.

— Сделка? Какая сделка?

Он уже заключил соглашение с Энди, так что представлял перспективу.

— Не совсем то, о чем можно было бы мечтать. Мне, вероятно, придется уезжать на несколько дней, но по крайней мере не за границу. — Он ухмыльнулся. — Если кто-то и захочет в меня стрелять, ругаться он будет по-английски.

— Стрелять? — с тревогой повторила она. Весь смысл перемены работы состоял в том, чтобы избежать опасности.

Ему понравилась ее тревога.

— Просто шучу. Но мне действительно придется отсутствовать по нескольку дней.

А она только начинала привыкать к тому, что он рядом. Между ними троими появилась связь, близость. Оказалось, ей даже нравится спать не одной... когда она могла спать.

— Шутишь?

— Не сожаление ли я слышу?

Шейла притворно нахмурилась.

— Нет, не совсем сожаление.

Да, подумал он довольно.

— А что означает «не совсем»?

Если она хочет, чтобы ее брак был удачным, надо быть честной, напомнила себе Шейла.

— Ладно, я буду скучать. Это тебя удовлетворит?

— Пока. Мы сойдемся на «мне будет тебя не хватать» для следующего задания. — Слейд удобно устроил ладони на ее бедрах и щипнул губами ее губы, пробуя на вкус. — Я люблю клубничный джем. Проводи меня до дверей, жена.

— Слушаюсь, мой господин.

— Хорошо, очень хорошо.

Проводив его и закрывая за ним дверь, Шейла качала головой и улыбалась. Все действительно получалось. Конечно, их браку всего неделя, но пока она ни о чем не сожалеет.

И не только потому, что родители развеяли ее предубеждения. Нет, надежды на лучшее ей давал Слейд.

Теперь она и впрямь хотела, чтобы все получилось. Ей нравилось просыпаться по утрам рядом с ним. Нравилось чувствовать на себе его взгляд. Этот высокий задумчивый мужчина ко всему относился с юмором, иногда язвительным, иногда тонким, иногда неожиданным. Он заставлял ее видеть в светлых сторонах жизни темные. И наоборот.

Мало того — он учил ее сосредотачиваться на светлой стороне и не грустить о прошлом. Ее удивляло и радовало его положительное отношение к жизни даже после того, что он видел.

А больше всего ей нравилось, как он держит их дочку: как будто Ребекка — хрупкое чудо.

Все это признаки хорошего общего будущего.

Может быть, как предсказала Ингрид, глядя на чайники на дне ее чашки, они созданы друг для друга.

Ингрид, с ее небесно-синими глазами и почти пятилетним университетским образованием, свято верила в гадание по чайным листьям.

— Чайные листья не лгут, доктор. Зачем им лгать? Вы и мистер Гарретт созданы друг для

друга.

Созданы друг для друга.

Эта фраза звучала в ушах Шейлы, когда она вошла в гостиную. Если попытаться, может, удастся заставить себя поверить.

Опустившись в кресло, Шейла закрыла глаза, вспоминая, как в ту ночь они разговаривали и занимались любовью до самого восхода солнца.

Ну конечно же, именно тогда она влюбилась в него. Только была слишком занята, чтобы заметить. Она улыбалась своим воспоминаниям.

Телефонный звонок разогнал ее грезы.

— Ингрид, я возьму трубку, — крикнула Шейла, надеясь, что Ребекку не разбудили. По ее подсчетам, ребенок должен был спать еще два часа до следующего кормления. Она зажала трубку между плечом и ухом. — Алло, дом Поллак-Гарретта.

На другом конце провода ответили не сразу. После паузы женский голос спросил:

— Слейд дома?

— Нет, он только что уехал в редакцию. Что ему передать? Это жена Слейда.

Она впервые это сказала. Жена Слейда. Как такие маленькие слова могут оказывать на нее такое сильное действие? Ей пока странно было произносить их.

Еще более непривычно слышать.

— Жена Слейда? — В незнакомом голосе прозвучал восторг.

Ну, по крайней мере, это не прежняя пассивность Слейда, подумала Шейла, пытаюсь оценить чувство, которое она сама испытывает. Ревность?

— Да. Чем могу?..

Договорить ей не дали.

— Как чудесно! Это его мать, Ребекка... — Женщина говорила быстро и отрывисто. — Я не могу выразить словами, до чего счастлива услышать, что кто-то наконец умудрился приручить Слейда и заставить его сказать «да».

Шейла хотела возразить, что все было совсем наоборот, но ей не удалось.

— Он сказал, что вы красавица.

Его мать, никаких сомнений. Она даже говорит как Слейд, подумала Шейла. У нее появилось чувство, что Ребекка ей понравится.

— Он склонен преувеличивать.

На другом конце провода раздался громкий грудной смех.

— У меня такое ощущение, что он не преувеличил. И то же самое он сказал о ребенке. Не могу дождаться, когда увижу вас обеих.

Свекровь. У нее теперь есть свекровь. Жизнь не стоит на месте.

— Так почему бы вам не приехать сегодня вечером?

Сейчас начало десятого утра. У нее будет девять часов, чтобы подготовиться к встрече со свекровью.

Ребекка снова рассмеялась, явно польщенная приглашением.

— Это не так просто, дорогая. Мы живем в Фениксе.

— Мы?

Может, мать Слейда из тех людей, кто говорит о себе во множественном числе? Или она приедет с собакой или кошкой?

— Да, мой муж и я.

— Муж? — Шейла растерялась, но быстро пришла в себя. — О, вы имеете в виду отчима Слейда?

Правда, Слейд не говорил, что его мать замужем.

— Отчима? — эхом отозвалась Ребекка. — О Боже, нет. Его отца. Если у Слейда есть отчим, я о нем ничего не знаю. — Эта мысль развеселила Ребекку. — Господь свидетель, Лоуренса мне вполне достаточно. Он точно такой, как Слейд, — доверительно сообщила она, — только на висках уже седина пробивается. Растопил мое сердце в первый момент, как я его увидела. — Ребекка ностальгически вздохнула и после паузы продолжила: — Я звоню, чтобы спросить, удобно ли вам будет, если мы приедем в следующем месяце. У Лоуренса найдется немного свободного времени. Я забыла условиться со Слейдом, когда говорила с ним сразу после рождения малышки.

Шейла оцепенела.

— Прекрасно. Значит, в следующем месяце, — услышала она свой голос, словно включился автопилот.

Далеко не прекрасно, думала она. Совсем не прекрасно.

Каким-то образом ей удалось добраться до конца разговора, хотя она могла думать только о том, что сказала Ребекка Гарретт в первые несколько минут.

Она приезжает с отцом Слейда.

Его отцом.

— Будь ты проклят, Слейд, ты лгал мне, — вслух сказала Шейла, кипя от гнева. Ей казалось, будто она упала с вершины египетской пирамиды. — Вероятно, ты лжешь во всем.

Услышав ее голос, в гостиную заглянула Ингрид.

— Вы что-то сказали, доктор?

Шейла отсутствующим взглядом смотрела на телефонный аппарат. Вот награда за доверчивость. Она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Затем встала.

— Да. Мы больше не пьем чай, Ингрид. Твои чайники лгут.

Шейла не стала ничего объяснять и вышла из комнаты мимо озадаченной девушки. Надо собрать кое-какие вещи.

Несколько часов, на которые рассчитывал Слейд, растянулись до бесконечности. Двадцатиминутный разговор в кабинете Энди перерос в разговор в гостиной и занял лучшую часть дня. Слейд позвонил домой предупредить Шейлу, что задерживается, но Ингрид сказала, что Шейла к телефону не подходит. Может, заболела?

Он занервничал.

Ливень, сопровождавший его по дороге домой, еще больше все испортил. Обратный путь превратился в тяжкое испытание. Из-за трех автокатастроф возникли серьезные пробки.

Слейд добрался до цели усталым и раздраженным, но, переступив порог, почувствовал облегчение.

— Милая, я дома, — крикнул он, закрывая за собой дверь, и чуть не перекувырнулся через чемоданы, стоявшие у двери в ряд, как утки. Его собственные чемоданы, понял он, присмотревшись.

Шейла вышла из общей комнаты с Ребеккой на руках. Она ждала его весь день, ждала, чтобы разобраться с ним. И вот он явился, а она так зла, что понятия не имеет, с чего начать.

Слейд показал на чемоданы и язвительно спросил:

— Я куда-то уезжаю?

Ему не нравилось выражение ее глаз, но он переживал бури и раньше.

— Да.

Ее голос был суровым, лицо непрístupным. Что, черт побери, произошло, пока его не было?

— Как ты узнала? — небрежно спросил он, словно вид собственных упакованных вещей его совершенно не тронул. Ему и впрямь придется утром уехать, но всего на семь дней. Здесь слишком много багажа. — Хотя мне кажется, что ты немного перестаралась. Мне не нужны все мои вещи на недельную поездку.

О нет, он больше не затянет ее в свои сети этим проклятым обаянием. Оно у него всего лишь дымовая завеса.

— Да, ты уезжаешь. И не на неделю, а навсегда.

Может, у нее просто перепады настроения. Если так, то это — самое сильное.

— Я что-то пропустил? Это параллельный мир? Где-то какой-то потрясающий красавчик

попал в распростертые объятия вместо меня?

Она сощурилась.

— Прекрати, Гарретт. Ты исчерпал свой запас обаяния.

— Нет. Я еще не дотрагивался до полугодового резерва.

Она не улыбнулась. Значит, это серьезно. Что бы ни стряслось, он не допустит, чтобы размовка зашла дальше нескольких колкостей.

— В чем дело, Шейла? Что-то случилось?

Да, случилось. У меня раскрылись глаза.

— Мне сегодня позвонили.

Он понятия не имел, куда это заведет и чего ждать.

— И?..

— Это была твоя мать. Она хотела узнать, можно ли приехать в гости в следующем месяце.
— Шейла не отводила взгляд от глаз Слейда, ожидая, когда же он сконфузится. Его лицо оставалось невозмутимым. — С твоим отцом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О Господи, подумал Слейд. На этот раз ему просто так не отговориться. Шейла рассержена, и ее нельзя в этом винить, хотя фактически она сама виновата.

Прежде чем сказать что-либо в свою защиту, Слейд прошел к двери и позвал няню.

— Ингрид, не могли бы вы взять ребенка наверх? Мне и доктору Поллак надо кое-что обсудить.

Глядя на Шейлу, он понял, что дискуссия не будет тихой, во всяком случае, вначале.

Ингрид быстро появилась с учебником под мышкой. Вместо закладки торчал карандаш. Готовясь к экзаменам, Ингрид не испытывала радости от просьбы Слейда, но один взгляд на молодоженов заставил ее проглотить возможные возражения.

— Конечно.

— Малышке пора спать, — проинструктировала Шейла, старательно сдерживая гнев, но в обществе Слейда это давалось ей с трудом.

Как он мог? Как он мог?

Снова Эдвард. Не было слов, чтобы выразить ее чувства.

Шейла передала Ребекку няне и подождала, пока Ингрид выйдет из гостиной и окажется вне пределов слышимости.

Затем она открыла огонь по Слейду из всех орудий.

— Нам нечего обсуждать, — объявила она голосом, хриплым от возмущения. — Мы поженились под фальшивым предлогом. Ты солгал мне. Дело закрыто.

Она повернулась к нему спиной и собралась выйти из комнаты. Уйти подальше от Слейда, пока еще удастся держать себя в руках.

Вот так просто? Не дав ему возможности объясниться? Не дав шанса убедить ее? Нет, она не способна на это. Однако, возможно, он не настолько изучил ее.

Слейд схватил Шейлу за руку и повернул к себе лицом.

— Я солгал, потому что иначе ты не вышла бы за меня замуж.

Он солгал, солгал о существенно важном. Он злоупотребил ее чувствами. И сделает это снова. Точно как Эдвард. Эдвард — красивый, молодой, многообещающий ординатор, забывший рассказать ей, что в другом штате его ждут жена и дочь. Даже по прошествии восьми лет воспоминания нестерпимо жгли ее. Она поклялась, что никогда больше не позволит причинить себе такую боль. И вот все повторилось.

— Так что это значит? Что я вышла замуж за лжеца? За человека, в котором я должна сомневаться, как только он открывает рот?

Слейд озадаченно смотрел на нее. Он понимал, что она может быть огорчена, но такая реакция казалась совершенно несоразмерной.

— Тебе не кажется, что ты несколько преувеличиваешь?

Он считает все шуткой, подумала она. Неужели не понимает, как оскорбил ее? Если она не может доверять ему, то что же остается?

Будь ты проклят, Слейд. Я полюбила тебя. А теперь ты все разрушил.

Шейла вскинула голову, сдерживая слезы.

— О, я не преувеличиваю. Ты солгал об очень важном рожаящей женщине...

— Я солгал как раз потому, что ты рожала. — Надо заставить ее понять. Его терпение тоже не вечно. — Не было времени убеждать тебя, помнишь?

Она затрясла головой, не принимая его объяснения. Как ее угораздило так сглупить и уговорами довести себя до этой ситуации? Неужели недостаточно одного урока? Но в тот раз она хотя бы не вышла замуж. Тогда у нее была возможность уйти.

— Все, что я помню, — это то, что ты солгал мне. Я ненавижу, когда мне лгут, — отрезала она. — Это подрывает всю основу наших отношений. Теперь, если ты скажешь, что восходит солнце, мне придется выглянуть из окна.

Черт побери, что с ней происходит? Конечно, он солгал, но ведь не о жене и полдюжине детей, где-то запрятанных. Только об отце. Чертовски милым отце, кстати.

— Ну, взойти-то оно все равно взойдет, — язвительно заметил он.

И подкинул дров в огонь. Шейла еще сильнее почувствовала себя преданной.

— Это не смешно.

— Да, не смешно, — согласился он, стараясь не вспылить. Потеряв ее, он ничего не решит. — И не логично.

Ей пришлось напомнить себе, что он умеет убедительно говорить. Слова — его ремесло. Не то что Эдвард, ставший косноязычным, когда его обман обнаружился. Также по телефону. Шейла сняла трубку, когда Эдвард был в душе. Звонила его жена. Интересовалась, сможет ли он выкроить время и приехать домой в конце месяца. Прекрасная заключительная часть любовного свидания.

— Может, для тебя не логично, — холодно сказала Шейла. — Может быть, потому, что ты все время лжешь.

Он не поймет. Шейла вздохнула и провела рукой по волосам. Сама виновата. Нечего было верить, что в этот раз все будет по-другому.

— Послушай, у меня были большие сомнения насчет этого брака. Они у меня до сих пор оставались.

Она посмотрела ему в глаза. Черт побери, она его еще любит. Идиотка.

— И ты только что бросил целую кучу камней на чашу весов «против». Мне нужно время, чтобы разобраться во всем.

Время, чтобы ожесточить свое сердце против тебя и жить дальше.

Он не мог поверить своим ушам.

— Так ты выбрасываешь меня?

Шейла сжала губы. Она хотела бы выгнать его. Ей бы стало лучше. Но в данный момент она физически ничего не могла сделать. Все ее тело будто свинцом налилось.

— Нет, я тебя выпроваживаю.

Пытаясь выиграть время, Слейд кивнул на окно.

— В дождь?

Она заморгала от удивления. Разве?

— Идет дождь?

Он коротко рассмеялся.

— Ты так расшумелась, что не слышала раскатов грома. — Слейд махнул рукой в сторону окна. Небо было совершенно черным, дерево перед домом, размахивая ветвями, сражалось с ветром и дождем. — В данный момент льет как из ведра.

Да, гроза снаружи. Гроза внутри.

— Почему же ты не промок? — машинально спросила Шейла.

Какое это имеет значение?

— Я прошел под карнизами, прижимаясь к стене. — Слейд вздохнул. Не хватало еще, чтобы его брак распался из-за какой-то мелочи. Надо попробовать ее переубедить. — Послушай, может, я и солгал.

Она вскинула голову. Ярость помогла стряхнуть оцепенение.

— Может?

Так он действительно считает, что ложь — ерунда? И когда появятся другие женщины, это тоже будет ерунда?

— Твоя мать удивилась, услышав, что ты внебрачный ребенок. — Шейла улыбнулась, но ее улыбка была невеселой. — Кажется, она и отец, которого ты никогда не знал, хотят приехать посмотреть Ребекку.

Проклятье. Он позвонил родителям вечером после рождения Ребекки и сообщил новости. Он не был образцовым сыном, но всегда старался держать их в курсе основных событий. А это событие было с заглавной буквы. Он не думал, что тот звонок рикошетом ударит по нему до того, как представится возможность рассказать Шейле правду. Признаться, что он пустил в ход, так сказать, ложь во спасение.

Он поскреб щеку.

— Ты ей что-нибудь сказала?

Шейла смотрела на него, все больше разъяряясь. Он что, считает ее такой же бессердечной, как он сам?

— Что сказала? Что она воспитала патологического лжеца? Нет. Я не хотела огорчать ее, — ее глаза обвиняли. — Я думала о ней больше, чем ты обо мне.

Слейд представления не имел, как исправить ситуацию. Ни с одной женщиной прежде у него не было отношений, которыми он так бы дорожил. И ни одна из них никогда не поднималась до уровня, где чувства были бы так искренни и так обнажены.

— Шейла, я пытался сказать тебе.

О нет, она не позволит ему заменить одну ложь другой.

— Когда? Когда ты пытался сказать мне?

Слейд с отчаянием думал, что надо было сказать ей раньше. Господи, как жаль, что он этого не сделал.

— В тот вечер, когда уехали твои родители...

Шейла затрясла головой. Он видел по ее лицу, что упустил единственную возможность оправдаться.

— Нет, я бы запомнила, как ты бормочешь объяснение.

— У меня не было возможности, — продолжал он настаивать, снова раздражаясь. Черт побери, что с ней происходит? Он солгал из лучших побуждений, потому что не хотел терять ее и ребенка. Неужели она не понимает? — Я начал говорить, но момент был выбран неудачно.

Ее взгляд заставил его замолчать.

— Да, неудачно.

— Я боялся, что ты плохо воспримешь, — он нахмурился. — Но, очевидно, даже не подозревал, насколько плохо. Я не сказал, чтобы дать шанс нашему браку.

Она раздраженно прервала его.

— Как? Построив его на лжи?

Слейд подошел к ней и попытался обнять за плечи, удержать ее, но она вывернулась и отстраняюще вытянула руку. Она не хотела, чтобы он касался ее, не хотела, чтобы он снова сбил ее с толку.

— Нет, я собирался выиграть время.

Слейд вздохнул. Может быть, им обоим нужна передышка. Он взглянул на свои чемоданы.

— Ты хочешь, чтобы я уехал сегодня?

— Нет. — Как же она устала... — Раз идет дождь, не буду же я выгонять тебя в такую погоду. Ты можешь уехать и завтра.

Ему удалось на мгновение, прежде чем она отпрянула, коснуться ее щеки.

— Ты делаешь слишком серьезные выводы, док.

Вопреки всему она почувствовала, как ее тело откликается на его мимолетное прикосновение. Сколько еще ошибок надо сделать, чтобы усвоить урок?

— Неужели? Ты забыл, что у меня мало информации для выводов. Ты сексапильный, обаятельный и в критических ситуациях лжешь. Откуда мне знать, что ты не лжешь постоянно?

Она уже считала, что он лжет всегда. Единожды солгав...

Это серьезно, подумал он. Очень серьезно. И черт его знает, как это уладить.

— Шейла, у меня нет ответа. Я только могу дать честное слово, что не лгу.

— Слово? Твое слово? — повторила она. Неужели он считает ее полной идиоткой? Ее недоверие только усилилось. Она почувствовала, как глаза наполняются слезами, и с трудом удержала их. Нет, только не сейчас. — Гарретт, я понятия не имею, чего стоит твоё слово. Но я сама виновата. Мне не следовало говорить «да».

— Но ты сказала... — Его голос прозвучал со смертельным спокойствием.

Шейла подавила смутную тревогу. Эдвард заорал и попытался ударить ее, когда она уличила его во лжи. Ее взгляд стал суровым.

— Я могу так же легко сказать «нет».

— Но ты не скажешь.

Ну и нахальство!

— Неужели? И почему же?

Слейду казалось, что он борется за свою жизнь. И борьба эта не менее опасна, чем бегство от вражеских пуль. Он вложил в ответ всю свою силу убеждения.

— Потому что на самом деле ты так же зачарована нашим влечением друг к другу, как и я.
— Он проникновенно смотрел ей в глаза, ища подтверждения, пытаясь достучаться до ее чувств. — В глубине души ты знаешь, что я прав.

Черт его подери, он смотрит прямо в ее сердце. Но она не поддастся.

— Твоя душа, должно быть, гораздо прозорливей моей, потому что я ничего этого не знаю. Я будто продираюсь на ощупь в темноте.

— Зачем? — Ему хотелось встряхнуть ее, но пришлось разрядиться на одном из своих чемоданов. Он лягнул его, и Шейла едва не подскочила, когда чемодан звонко ударился о плитки пола. — Раскрой глаза, Шейла. Раскрой глаза.

Нельзя отступать, нельзя поддаваться страху... или желанию.

— Они раскрыты. И я не уверена, что мне нравится то, что я вижу! — взвилась она.

Слейд вздохнул и беспомощно сунул руки в карманы. Сегодня это не кончится. И вряд ли кончится в ближайшем будущем.

— Ладно, где мне спать сегодня?

Шейла взбодрилась. Она победила. Только победа показалась невероятно бессмысленной.

— Где угодно, кроме моей постели. — И она отвернулась, бросив через плечо: — Если ты голоден, Ингрид потушила мясо. Оно в холодильнике.

Он не был голоден, но, наверное, надо перекусить. За весь день он съел один гамбургер.

— И приговоренный к смерти поел с аппетитом, — пробормотал он, направляясь к кухне.

Шейла услышала, но продолжала не останавливаясь подниматься по лестнице, гордо расправив плечи. Она заплакала, только когда вошла в спальню и закрыла за собой дверь.

Когда она утром спустилась в гостиную, Слейд уже уехал. Ночь он провел на диване. Постельного белья на нем не было — вряд ли он пользовался им, — но от подушек исходил слабый аромат его туалетной воды.

Бессознательно она сделала глубокий вдох, и тут же мурашки пробежали по всему телу. Вряд ли ей удастся когда-нибудь вдыхать этот запах, не вспоминая о нем.

Не желая его.

— Как собака Павлова, — пробормотала она. С этим необходимо что-то делать.

Приглаживая рукой волосы, Шейла зашлепала босиком в кухню. Главное — ни от чего и ни от кого не зависеть. И прежде всего от него. Да, она совершила ошибку. Серьезную ошибку, но ничего такого, что нельзя было бы исправить, вычеркнуть.

Кроме самого замечательного. Ребекки. Так лучше, сказала она себе. Лучше выяснить, что он лжец, сейчас, чем потом, когда ставки будут гораздо выше.

Как будто сейчас они незначительные!

Шейла опустилась на стул в кухне, чувствуя себя так, словно из нее вынули все кости.

Действительно ли она хочет все разрушить? Действительно ли хочет развода?

Все указывало на то, что хочет. Кроме ее сердца. Полная неразбериха. Впервые в своей жизни она не могла думать трезво. В случае с Эдвардом жгучее осознание того, что ее использовали, исключало всякие колебания в необходимости немедленного разрыва. Она ни разу не оглянулась назад, ни разу не ответила на его телефонные звонки.

Сейчас Шейла разрывалась в сомнениях. Она искренне не могла понять, чего хочет.

— Доброе утро, доктор. — В кухню впорхнула встрепанная Ингрид в шортах и выцветшей голубой футболке, юная, как сама весна. И быстро поставила диагноз. — Похоже, вам необходима чашка кофе.

Ингрид налила кофе и поставила чашку перед Шейлой.

— Мистер Гарретт только что уехал. Что мне делать с чемоданами?

Чашка замерла у самых губ, и Шейла всполошенно взглянула на Ингрид.

— Чемоданы? Ты же сказала, что он уехал.

— Да. — Ингрид поставила грязные тарелки в посудомоечную машину. — Но он взял только один маленький чемодан. Остальные так и стоят у двери с прошлого вечера.

Он думает, что вернется. Черт побери этого ублюдка. Он думает, что обвел ее вокруг пальца.

Не важно, что она сама сомневается в будущем. Ему не полагается чувствовать себя таким самоуверенным после всего, что он натворил. Ему не полагается думать, что он может вернуться, как будто ничего не случилось.

Шейла отодвинула чашку.

— Оставь их там, пока он не вернется оттуда, куда уехал.

Это отучит его от бесцеремонности.

Шейла с болью сообразила, что даже не знает, куда Слейд уехал. Он ей не сказал. Она не дала ему возможности сказать.

Как испортить себе жизнь за одну бездумную неделю? Желающие научиться этому могут

брать у нее уроки.

По выражению лица Ингрид было видно, что девушка считает ситуацию несколько странной, если не сказать больше. К счастью, она была слишком хорошо воспитана, чтобы высказать свое мнение. А Шейла не собиралась объясняться.

Ингрид только кивнула.

— Конечно, доктор. Я скажу маме, когда она придет сегодня.

Да, ведь сегодня день уборки, подумала Шейла. Она совершенно забыла об этом. Ее обычно не было дома, когда приходила миссис Свенсон. И незачем менять это правило сегодня. Эва Свенсон любила поговорить, а еще больше — послушать. И уж конечно, засыплет вопросами о ребенке и Слейде, как только войдет.

Шейла выглянула из окна. Дождь давно кончился. Солнце весело сияло, заливая все вокруг теплом и светом.

Тогда почему ей так холодно?

Надо избавиться от этого чувства потери, приказала себе Шейла.

— Прекрасный день, не правда ли? — щебетала Ингрид, наливая себе кофе.

— Да, прекрасный, — охотно согласилась Шейла и встала. День прекрасный, и она его отпразднует. Оденет Ребекку и поедет на работу показать ее всем.

Как и все другие матери, приносившие показать ей новорожденных, с улыбкой подумала она.

— Ингрид, мы с Ребеккой уезжаем. Если я вовремя не вернусь, передай привет от меня маме.

— Я одену Ребекку, — предложила Ингрид. — Мне так нравится одевать ее! Как будто я играю с живой куклой.

Шейла тихо засмеялась. Ингрид сама почти ребенок, подумала она, чувствуя себя на вечность старше.

— Нет, на этот раз я сама.

Это подбодрит меня, подумала Шейла, выходя из кухни.

Поездка и демонстрация дочки медсестрам и партнеру намного улучшили ее настроение. Шейла почувствовала себя человеком, у которого все обстоит благополучно. Но боль в сердце не смягчилась, и не заполнилась пустота внутри.

— Это не потому, что я скучаю по нему, — объяснила она Ребекке, ведя машину домой. — Он уехал не так давно, чтобы скучать.

Нет, давно, подумала она. Ей ужасно его не хватает, а прошло меньше суток с тех пор, как она видела его в последний раз. Что совершенно очевидно делает ее первоклассной идиоткой.

— Привет, в чем дело? — прошептала она, поворачивая за угол на улицу, ведущую к ее дому, последнему в квартале.

Перед дорожкой и напротив нее на обочине были припаркованы три автомобиля. Шейла знала, что люди, живущие в соседнем доме, в отпуске. Остальные ее соседи в это время дня на работе, во всяком случае, она так думала.

— Похоже, кто-то устроил вечеринку в разгар дня, — сказала она Ребекке, останавливаясь у дома и ставя машину на ручной тормоз.

Шейла вышла из автомобиля, открыла заднюю дверцу с пассажирской стороны и вынула ребенка.

Вот моя реальность, подумала она, прижимая к себе Ребекку.

— Пошли домой, Бекки. У нас было длинное утро.

А ночь будет еще длиннее.

Вставляя ключ в замок, она услышала голоса, доносившиеся изнутри дома. Возможно, у Ингрид собралась компания. Хотя вряд ли. Ингрид спросила бы, прежде чем позволить себе пригласить сюда гостей. Однако, печально подумала Шейла, в последнее время все мои предположения оказываются неправильными.

— Привет, Ингрид, — крикнула она, поворачиваясь, чтобы закрыть дверь. — Мы вернулись.

— Ну, давно пора.

Это не Ингрид. Голос показался смутно знакомым. Бросив сумку на пол рядом с чемоданами — болезненным напоминанием о вчерашнем дне, — Шейла повернулась, чтобы выяснить, кому принадлежит голос.

В гостиной сидели четыре женщины. Четыре женщины с пятью детьми. Они сидели вокруг антикварного журнального столика, утонувшего под ворохом красочно упакованных подарков. Разноцветные ленточки струились на пол кокетливыми упругими спиральями. Все четыре гости были ее пациентками, недавно родившими. Самый взрослый ребенок был всего на пять месяцев старше Ребекки.

Мгновение Шейла не могла вымолвить ни слова. Она подошла к столику, глядя на сияющие лица.

— Что вы все здесь делаете?

Марлин Бейли Трэвис, глава собственной рекламной фирмы, привыкла брать ответственность на себя и ответила первой:

— Мы хотели посмотреть на новейшее добавление к нашему клубу «Ребенок месяца».

Марлин кивнула на свою сестру Николь и двух других женщин, с которыми сдружилась в приемной Шейлы за долгие месяцы беременности. Все это время Шейла была для них не только врачом. Она стала другом, к которому они могли обратиться с любыми вопросами в любое время дня и ночи. Пришло время выразить свою признательность.

— Ты заметила, что мы вчетвером последовательно загружали тебя работой последние пять

месяцев?

Шейла, ошеломленная и тронутая до глубины души, рассмеялась.

— Эта мысль как раз пришла мне в голову. — Она переводила взгляд с одной гостьи на другую. — Так как вы все поживаете?

— Прекрасно, — объявила Эрин Локвуд. Самая маленькая в компании, она возмещала рост живостью.

— Потрясающе, — просияла Николь Линкольн, глядя на своих близнецов. Все в эти дни было потрясающим, потому что ее жизнь заполнилась детьми и Деннисом.

— Лучше и быть не может, — подтвердила Марлин.

— А как насчет тебя? — спросила Мэллори. — Ты сможешь прийти на мою свадьбу? Я послала приглашение вчера.

Мэллори подошла поближе к Шейле, всматриваясь в ее лицо.

— Знаешь, ты выглядишь немного усталой. — Она оглянулась на подруг. — Ну, опытные мамочки, кто-нибудь из нас может чем-нибудь помочь?

— О да, опытные, — засмеялась Эрин. — Ты родила всего месяц назад. Много ли сама-то знаешь?

Мэллори притворилась оскорбленной и высокомерно подняла голову.

— Я учусь каждый день. — Она взглянула на Марлин, самую уравновешенную и старшую в компании. — А Марлин мне в этом помогает.

— Эй, а как же я? — запротестовала Николь. Одного ребенка, сына Этана, она держала на руках, а дочка Эрика лежала в детском автомобильном сиденье у ее ног. — У меня двое, что удваивает мой опыт.

— Или, если подойти с другой стороны, удваивает возможность совершить ошибку, — поддразнила Мэллори, весело улыбаясь.

Марлин, казалось, обладала врожденным даром вести трудные переговоры. Миротворчество было ее второй натурой. Устроив сына в детском креслице, она подошла к Шейле.

Шейла выглядит не только усталой, но и беспокойной, заметила Марлин и подумала, не сможет ли чем-нибудь помочь. Она больше других чувствовала родство с Шейлой, которая так же не любила выставлять напоказ свои чувства, как она сама.

— В общем, мы вчетвером собрались и решили, что было бы замечательно отметить рождение твоей дочки.

Чтобы не отставать от сестры, вмешалась Николь:

— Твоя няня сказала, что есть еще один повод для поздравлений... — И тут она заметила боль в глазах подруги, которую та не успела спрятать. Чувствуя, что вступает на зыбкую почву, Николь осторожно продолжила: — Она сказала, что в последний момент ты вышла замуж за Слейда Гарретта. Хорошая работа.

И она натянуто улыbnулась.

— Слейд Гарретт? — подхватила Эрин. Для нее это было новостью, а она терпеть не могла узнавать последней информации о знакомых. — Это тот, кто пишет статьи в «Таймс»? Тот, что всегда оказывается в центре каждой войны и каждого конфликта на земном шаре?

Николь вглядывалась в лицо Шейлы. В чем тут дело? В карьере ее нового мужа?

— Он самый, — подтвердила Николь, не дождавшись ответа Шейлы.

Марлин стало невтерпеж.

— Что-то случилось?

Шейла отрицательно покачала головой. Она не хотела плакаться и портить им настроение. Тем более после всех их хлопот.

— Что могло случиться? — бодро сказала она. — У меня прекрасный ребенок и чудесные пациентки, которые приносят подарки и вовремя оплачивают счета. Все хорошо, лучше не бывает.

Марлин и Николь переглянулись. Обе заметили, что Шейла ничего не сказала о своем муже, не включила его в список того, за что благодарна судьбе. Может быть, просто по рассеянности? Они все нелегко привыкали к новому распорядку и новым мужчинам в своей жизни. И все знали, как трудно достичь даже хрупкого равновесия.

Марлин обняла Шейлу за плечи, молча предлагая поддержку. Один взгляд сказал Шейле, что подруга поняла больше, чем было выражено словами.

— Господи! — вспомнила Марлин. — Мы же привезли огромный торт. Его испекла утром моя домработница и сказала, что его нужно съесть сегодня же. Так что придется уничтожить его, даже принеся в жертву свои фигуры.

Мэллори уже направлялась к кухне.

— Учитывая срочность и все такое, мы справимся.

Подхватив на руки детей, остальные окружили Шейлу.

— Господи, мы словно сговорились производить очаровательных малышей, — весело заметила Эрин, переводя взгляд с Ребекки на собственного сына. — Должно быть, что-то такое в здешней воде.

Шейла подумала о пляже, где они со Слейдом провели ночь, и попыталась отогнать боль, внезапно нахлынувшую и угрожающую поглотить ее.

— Должно быть, — согласилась она.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Впервые, сколько он себя помнил, Слейд не мог сосредоточиться на работе.

Задание в Вашингтоне нельзя было считать самым сложным. По сравнению с теми, к которым он привык, оно было довольно простым. Но ему все время приходилось бороться с собой, чтобы сосредоточиться на деле.

Домашние события вторгались в его мысли с такой регулярностью, что Слейд мог бы проверять по ним часы. Перед ним всплывало выражение лица Шейлы: смесь гнева, разочарования и боли. Он видел его, засыпая и просыпаясь.

Чем больше он думал о вечере перед своим отъездом, тем больше понимал, что истинной причиной ее вспышки было что-то иное. Что-то большее. Его ложь привела в действие что-то другое, глубоко запрятанное. Ну что ж, придется докопаться до истины.

Мысль о том, что он может потерять Шейлу, преследовала его всю неделю, пока он работал в Вашингтоне. Надо как-то убедить ее рассказать, что же в самом деле мучает ее.

Ему отчаянно хотелось построить счастливый брак.

Может, эта его неуемность все испортила, думал он. Но он уладит. Он все уладит, как только представится возможность.

На последнем отрезке пути ему с трудом удалось держать глаза открытыми, веки постоянно опускались.

Остатки кофе в бумажном стаканчике плескались на пассажирском сиденье рядом с ним. Слейд прилетел из Вашингтона ночным рейсом. Последние тридцать шесть часов его поддерживали на ногах, вернее, в сознании, адреналин, остывший кофе и тонизирующая кола.

Всю неделю Слейд писал репортажи о террористах, выпустивших какой-то ядовитый газ неподалеку от Капитолия, освещая события под всеми возможными углами. Его красноречие всколыхнуло нацию, со страхом осознавшую, что находится во власти одержимых своими идеями и вооруженных новейшим оружием безумцев.

Ничего нового, но все молчали до тех пор, пока это не случилось у собственного порога. Теперь каждый понял свою уязвимость. Понял, что жизнь бесценна и нельзя терять ни секунды.

Освещая события, видя, как жертвы борются за жизнь, Слейд смог по-новому взглянуть на свою проблему, увидеть ее в перспективе. И это помогло ему поверить, что у него все получится.

Громкий вздох Слейда заглушил бесконечную болтовню диджея. Он будет выпрашивать у Шейлы прощение, даже если для этого придется ползать перед ней на коленях. Не до самолюбия. Это будет началом исправления всего, что было неправильно.

Он точно знал одно: ему нужна эта женщина. Постоянно. Она и ребенок, которого они вместе создали. Ребенок, который за считанные дни навсегда овладел его сердцем.

Он будет следить, как растет его дочь.

А если хоть один мужчина подойдет к ней ближе чем на пять футов до того, как ей исполнится тридцать лет, он его убьет. Голыми руками.

Слейд криво улыбнулся. Особенно если этот мужчина окажется нахальным зарубежным

корреспондентом.

Он дернул головой. Черт побери, глаза почти закрылись. Он замигал, с трудом отгоняя сон. Фары встречной машины ударили по ветровому стеклу, как лучи прожектора, и помогли очнуться.

Он нащупал стаканчик и выпил остатки противной жидкости.

Сосредоточься, парень, если не хочешь закончить путешествие в морге с биркой на ноге, упрекнул он себя.

Самым разумным, и он знал это, было бы съехать на обочину и несколько часов отдохнуть. Но предчувствия тревожили его. Он хотел увидеть Шейлу сегодня. Хотел сказать, что сожалеет о том, что обидел ее или невольно вызвал неприятные воспоминания. Он хотел сказать, что любит ее.

Любовь не развивалась постепенно, не в его случае. Она ударила его под дых и предъявила свои права.

И он должен подчиниться ей. Должен убедить Шейлу простить его.

Он подъехал к ее дому, и на него нахлынуло ощущение уже виденного.

Снова шел дождь — правда, морозящий, — как в вечер перед его отъездом. Слейд тихо вошел в дом. Его чемоданы не убрали. Только отодвинули в сторону, и они стояли, как терпеливые хищники, ожидающие своей очереди насытиться останками жертвы.

Мой брак еще не умер, поклялся он себе. С новым вдохом у него открылось второе дыхание.

Ладно, чемоданы он распакует утром. Сейчас у него более важные дела.

Поднимаясь по лестнице, Слейд увидел свет, просачивавшийся из-под двери детской. Он улынулся, довольный, что не стал ждать утра для возвращения домой.

Шейла не спит. Это хорошо. Не придется спорить с самим собой, будить ее или нет.

Одну проблему долой, сто впереди.

Очень тихо Слейд открыл дверь.

Свет маленькой лампы не разгонял мрачный полумрак. Встревоженная Шейла с Ребеккой на руках ходила взад-вперед по комнате. Его дочка жалобно хныкала.

Плач других детей, детей, измученных болезнью и голодом, зазвенел в его ушах.

Что-то случилось. Он чувствовал напряжение в воздухе.

— Шейла?

Она вздрогнула и обернулась.

Тревога окутала ее таким плотным коконом, что она не слышала, как вошел Слейд. Ничего не слышала, кроме плача своего ребенка.

Секунду у нее возникло ощущение, что он ей привиделся. Последнюю неделю она много думала о его возвращении, не уверенная, что сделает и скажет, мысленно разыгрывала дюжину разнообразных сценариев. Но теперь главным в ее жизни стало другое.

Запах его туалетной воды, смешанной с запахом дождя, чуть не заставил ее разрыдаться. Впервые в своей жизни ей отчаянно хотелось опереться на кого-то. И вот он здесь.

— О, Слейд, она больна.

Если бы Слейд еще не догадался, одного взгляда на лицо Шейлы было бы достаточно. Он быстро подошел и взглянул на Ребекку. Даже в скудном свете лампы он увидел отражение болезни в детских глазах.

Слабый плач разрывал его сердце.

— Что с ней?

Шейла — врач. Почему она ничего не предпринимает?

Леденящая мысль, что ничего уже нельзя сделать, попыталась проникнуть в его мозг, но он ее отогнал.

Сжав зубы, Шейла качала ребенка, пытаясь убаюкать. Она казалась совершенно безумной.

— Она не может удержать еду. Ее рвет, и она плачет весь вечер, — сдавленно прошептала Шейла. — Не подумай, что я обезумевшая неопытная мать...

Ей тяжело, подумал Слейд. Тяжело объединить профессиональные чувства с личными. Он сам сталкивался с подобной проблемой во время первой зарубежной командировки. Боль и страдания детей забыть невозможно.

— Но ты и есть неопытная мать, а больные дети — подходящая причина для паники.

Он их видел слишком много. Слишком много детей с такими же тусклыми, как у Ребекки, глазами. Детей, которые умирали, потому что рядом не было врача.

Шейла понимала, что ведет себя отвратительно. Она же врач, черт побери. Нет причин чувствовать себя такой беспомощной. И все же, чем дольше она металась по комнате с ребенком на руках, тем беспомощней себя чувствовала.

— Я отвезу ее в больницу, — вдруг решила Шейла. Понадеясь вначале, что все уладится к утру, теперь она не хотела терять ни минуты.

Именно это Слейд собирался предложить.

— Поехали, я отвезу.

Выходя в коридор, он удивился, как Ингрид умудряется спать в таком шуме.

— Ингрид здесь?

— Нет, у матери. Заболела. У нее грипп.

Во вторник, вернувшись из колледжа, Ингрид пожаловалась на головную боль, а утром в

среду началась рвота. Приехала мать и забрала ее.

— Я что-то слышала о начинающейся эпидемии гриппа.

Шейла умолкла, только сейчас осознав, как хотела, чтобы Слейд вернулся домой, как страшно ей было столкнуться с этим первым кризисом в одиночестве.

Схватив одеяльце, она завернула в него Ребекку. Сама она была одета, хоть уже шел двенадцатый час ночи. Весь вечер она провела с Ребеккой, пытаясь успокоить и убаюкать ее.

Слейд открыл парадную дверь.

— Удивляюсь, что ты раньше не подумала о больнице.

Шейла прошла за ним к его машине, стоявшей перед гаражом. Она сторбилась, прижимая ребенка к груди, защищая от морозящего дождя. Слейд открыл заднюю дверь, и Шейла скользнула внутрь. Его чемодан стоял на сиденье. Господи, спасибо, что он вернулся.

Слейд вытянул ремень безопасности и пристегнул ее.

— Я все надеялась, что пройдет. Началось лишь несколько часов назад, — призналась она, когда Слейд сел за руль. — Но малышка ничего не ела. И плачет, когда я пытаюсь накормить ее. А ведь у нее такой хороший аппетит...

— Вся в папочку, — пошутил Слейд, заводя мотор и быстро вырвав на улицу. Если полицейский попытается задержать его за превышение скорости, что ж, он не против эскорта. Свет фар осветил салон машины. Слейд взглянул на Шейлу в зеркало заднего вида.

— Не волнуйся, все будет в порядке.

Он пытается утешать, подумала Шейла с печальной улыбкой.

— Это мне следовало бы так сказать.

— Скажи, — попросил он, улыбаясь, но оставаясь серьезным. — Я сам не прочь это услышать.

Слейд не хотел поддаваться метавшемуся в нем страху. Страху, вызванному памятью о лицах детей, потерявших надежду. Детей, чье детство оборвали мужчины, одержимые войной.

Детей, которые умирали прежде, чем получали шанс на жизнь.

Шейла облизала пересохшие губы.

— Я носила Ребекку в клинику в тот день, когда ты уехал, и Лайза упомянула о начинающейся эпидемии гриппа.

Шейла уверила себя, что она виновата в том, что подвергла девочку опасности. Слейд видел страдание в ее глазах.

— Это моя вина. Я не должна была возить ее туда.

— Почему? Там были больные?

— Нет, но...

— Тогда не казни себя, — посоветовал он спокойным голосом, как будто уговаривая человека, готового броситься с карниза девятого этажа. — Возможно, она заразилась от Ингрид или еще в больнице. Ты не сумеешь держать ее под стеклянным колпаком.

Она знала, но не могла избавиться от чувства вины и не могла перестать ощущать себя такой беспомощной.

— Я знаю, — голос Шейлы был тихим, в нем слышались слезы. — Она такая крохотная.

Да, крохотная. Но Слейд не хотел думать о плохом. В жизни слишком много плохого. Единственный способ продолжать жить, как он понял на собственном опыте, — это сосредоточиться на хорошем.

— Не успеешь оглянуться, как она попросит ключи от твоей машины.

Шейла хмыкнула. Если Слейд может быть оптимистом, она тоже постарается. Просто раньше с ней лично не случилось ничего такого страшного.

Их глаза встретились в зеркале заднего вида.

— Я думала, что ты купишь ей «корвет».

— Куплю. — Нажав на акселератор, он пролетел светофор на красный свет, зажегшийся, когда шины коснулись белой полосы. — Но она наверняка захочет водить прежде, чем я успею это сделать. Ты же знаешь женщин.

Когда Слейд резко затормозил перед входом в отделение «Скорой помощи», шины протестующе завизжали, напоминая, что их необходимо подкачать.

Сонливость, крепко державшая его в своей хватке, совершенно испарилась. Адреналин, бурливший в крови, гнал его вперед, как во время работы.

Только в этот раз ставки были гораздо более личными.

Слейд оказался рядом с Шейлой раньше, чем она успела открыть дверцу. Он взял у нее Ребекку. Ребенок плакал, не переставая.

Черт побери, это не должно было случиться. Она слишком маленькая, чтобы бороться в одиночку. Шейла в страхе взглянула на Слейда.

— Она слабеет.

— Четыре часа плача доконают кого угодно. — Он все пытался шутить, чтобы взбодрить Шейлу.

Они поспешили внутрь через автоматически открывшиеся двери.

Шейла не сводила глаз с лица дочки.

— И голод.

Сразу за дверями был большой холл для ожидания со стеклянными стенами. Шейла никогда

раньше не входила сюда с улицы. Ее окутало тепло человеческих тел. Она почувствовала слабость от одной мысли о множестве людей, вошедших сюда до нее.

Хуже того, она знала, что происходит. И каким может оказаться результат. Организм Ребекки обезвоживается. При ее незначительном весе кризис может начаться очень быстро.

Женщина за регистрационной стойкой, почувствовав их присутствие, едва взглянула на них.

— Садитесь, пожалуйста. Придется подождать, мы несколько перегружены.

Первый раз в жизни Шейла воспользовалась своим рангом. Может, это неправильно, но сейчас ей некогда думать об этике. Она должна думать о жизни своей дочери.

— Я доктор Шейла Поллак. — Женщина немедленно оторвалась от своих дел. Шейла не узнала ее. — Я работаю в этой больнице. Пожалуйста, посмотрите, здесь ли доктор Вильямс или доктор Мэттокс. У меня очень больной новорожденный. Моя дочь.

Конечно, лучше было бы позвонить одному из педиатров из дома, но тогда она ничего не соображала. Как будто все в ее голове перемешалось.

Как только Шейла назвала имена, регистраторша быстро просмотрела список дежурных врачей, висевший перед ней. Ни одного из названных в списке не было.

— Я не знаю, но постараюсь выяснить. — Она потянулась к телефону и начала набирать номер, но тут заметила вошедшего интерна. — Саймон, проводи доктора Поллак с ребенком, пожалуйста.

Слейд и Шейла последовали за интерном.

— Все дети болеют, — утешающе пробормотал Слейд.

Шейле оставалось только удивляться, утешает он ее или самого себя. В любом случае успех был минимальным.

— Это естественно, — продолжал Слейд, когда интерн подвел их к одной из свободных кроватей.

У Ребекки поднималась температура. Слейд чувствовал жар крошечного тельца. Он не мог припомнить, когда еще чувствовал себя таким растерянным.

Интерн уныло перевел взгляд с большой кровати на ребенка в руках Слейда. Даже если поднять боковые поручни, ребенок все равно может вывалиться.

— Я думаю, вам лучше подержать ее, пока мы не принесем колыбель. Посмотрю, что можно сделать. Вернусь через несколько минут.

Он исчез за занавеской прежде, чем они успели хоть что-то ответить.

Слейд нежно положил ладонь на головку Ребекки, едва касаясь волосиков. Он не хотел тревожить ее. Истощенная девочка задремала.

— Ее, вероятно, придется оставить здесь на ночь, — прошептал он Шейле.

Ему не нравилось думать о том, что Ребекка, его маленькая девочка, останется среди других

больных. Несмотря на все, что он говорил Шейле, он считал происходящее несправедливым. Однако Ребекке необходимо питание, и, поскольку она не может удержать еду, ее придется кормить внутривенно.

— Я знаю, — Шейла подняла глаза на Слейда. В ее глазах светилась благодарность за поддержку. Она положила ладонь на его руку. — Я тоже останусь.

Слейд накрыл ее ладонь своей. Им еще предстоит так много уладить, так много обсудить. Но сейчас не время. Сейчас важна лишь Ребекка.

— Мы останемся, — поправил он. Шейла сглотнула комок в горле и кивнула:

— Спасибо.

— Не за что меня благодарить. Она и моя дочь.

Интерн вернулся через несколько минут без колыбели, но явно обнадеженный.

— Хорошие новости, доктор Поллак. Мы пока не нашли колыбель, и боюсь, что доктора Мэттокса нет в городе...

— А хорошие новости? — нетерпеливо подсказал Слейд.

— Нашли доктора Вильямса, и он уже едет.

Бен Вильямс. Хороший врач, подумала Шейла. Он работает педиатром больше двадцати лет. И он врач Ребекки. Рассудком Шейла поняла, что ее ребенок будет в надежных руках.

Однако ужасное чувство страха не покидало ее. Шейла кивком поблагодарила интерна, и он снова исчез.

Они остались одни в тесном пространстве за занавеской. Шейла посмотрела на Слейда. На своего мужа. Все остальное было забыто.

— О Господи, Слейд, — прошептала она, боясь говорить громче, боясь, что голос ее прервется, — если с ней что-нибудь случится...

— Не случится. Ты должна верить.

Шейла кивнула и судорожно вздохнула. Она верит. Только это ей и остается.

— Знаешь... — медленно начала она, чувствуя потребность объясниться, — я думала, что ты можешь и не вернуться.

— Я должен был вернуться. У тебя остались мои вещи. — Он посерьезнел. — И мое сердце.

— Слейд, насчет нашей ссоры...

Раньше он хотел все прояснить. Сейчас это уже не имело значения.

— Забудь. Все в прошлом.

— Нет, я не могу забыть, — настаивала она. Ее голос был тихим, но в нем звучало глубокое волнение. — Я должна рассказать тебе.

— Рассказать что?

— У меня был близкий человек. До тебя. — Ей ужасно не хотелось вспоминать, но она должна ради Слейда. — Это случилось, когда я работала ординатором. Он был главным ординатором больницы...

Шейла умолкла, остановив взгляд на ребенке. Ее милом, бесценном ребенке.

Это оказалось труднее, чем она думала. Сегодняшний день состоит из одних испытаний.

— Ты ничего не должна рассказывать мне сейчас.

— Нет, должна. Я хочу, чтобы ты понял. — Шейла уставилась на белую занавеску, но видела прошлое. — Я влюбилась в него. Доверяла ему. А он мне лгал. Лгал о своей жене и дочери. То есть он просто забыл о них упомянуть. Его жена позвонила однажды, когда я была в его квартире. Спросила, когда он приедет домой. Я подошла к телефону.

Точно как с моей матерью, подумал он. Кусочки мозаики сложились.

— Значит, когда ты обнаружила, что я солгал о своем отце...

— Я решила, что это снова Эдвард.

Но Слейд не Эдвард. Далеко не Эдвард. Теперь она это знала.

— Прости. Я слишком бурно отреагировала.

— Учитывая обстоятельства, это понятно. Я прощен?

У него было такое выражение лица, что Шейла чуть не рассмеялась.

— Прощен, если простил меня.

Слейд улыбнулся ей.

— Улажено. — Он взглянул на дочку. — С ней все будет хорошо, Шейла. Я обещаю. А я не нарушаю обещаний.

Шейла только кивнула.

Прошло еще полчаса, прежде чем они увидели доктора Вильямса. Шейле казалось, что она не выдержит ожидания. Доктор прибыл, одетый в смокинг и не очень счастливый оттого, что его вырвали с шикарной театральной вечеринки, устроенной для актеров и спонсоров.

Его недовольство значительно смягчилось, когда он увидел, что его вызвала Шейла.

— Эй, я видел эту маленькую леди на прошлой неделе. И тогда все было прекрасно. — Казалось, что вся головка Ребекки утонула в его мясистой ладони. Он нахмурился. — Давно она в таком состоянии?

Пока педиатр осматривал Ребекку, Шейла быстро перечислила симптомы и время, когда их заметила. Ребекка проснулась и заплакала. Слейд подумал, что никогда не слышал таких скорбных звуков.

— Я думаю, она подхватила грипп, — заключила Шейла. — Кроме жара, в ней последние двенадцать часов не держится еда.

— Да, это грипп. — Врач надел стетоскоп, показавшийся неуместным на смокинге. — Шейла, нам придется оставить ее, пока она не справится с болезнью.

Шейла согласно кивнула.

— На сколько?

Он пожал плечами.

— На несколько дней. Может, на неделю. Мы мало что можем сделать на этой стадии. Только понижать температуру и вводить питательные растворы. Хорошо, что вы привезли ее.

Доктор Вильямс сочувственно оглядел обоих.

— Не волнуйся, Шейла, твоя дочка поправится. Я останусь, пока ее не переведут в палату.

— Спасибо, Бен.

Доктор Вильямс вызвал интерна и дал ему инструкции насчет Ребекки.

— Мы не вовремя вызвали вас? — Слейд кивнул на смокинг Вильямса.

— Что? Ах, это, — доктор взглянул на свою одежду. — Нет, вы спасли меня от банкета и лишних пяти фунтов жира.

Шейла увидела вопрос во взгляде доктора, устремленном на Слейда. В своем волнении она совершенно забыла представить мужчин друг другу.

— Бен, это мой муж, Слейд Гарретт.

Доктор сердечно пожал Слейду руку. Вокруг его губ и глаз появились веселые морщинки.

— О да, бракосочетание в родилке. — Он взглянул на Шейлу. — Шейла, ты надолго прославилась.

— А я-то надеялась, что меня запомнят за мою квалификацию, — пробормотала она.

Доктор Вильямс закончил заполнять медицинскую карту Ребекки и повесил на спинку кровати, где санитар найдет ее.

— Так гораздо эффективнее, — утешил он Шейлу. — Девочка будет в педиатрическом отделении. Вы больше ничего не сможете сделать сегодня. Почему бы вам не отправиться домой? А я попрошу медсестру позвонить, если будут какие-либо изменения.

Он ее не выпроводит.

— Я не смогу спать, Бен. Я просто поставлю стул рядом с кроваткой.

Доктор Вильямс посмотрел на Слейда, ожидая поддержки.

— Вы не могли бы уговорить свою жену?

Слейд положил руку на плечо Шейлы. Ни один из них никуда не пойдёт.

— Нет, я как раз собирался спросить, где можно найти ещё один стул.

Доктор Вильямс вздохнул. Спорить было бесполезно.

— Ладно, тогда сами отвезите её наверх. А мы проследим, чтобы нашли колыбель... и пару стульев.

Доктор позвал санитаров и приказал снять бельё с постели, хотя Ребекка ею не пользовалась. Затем он повёл их к служебным лифтам.

— Итак, — обратился он к Слейду, завязывая беседу, — ходят слухи, что вы зарубежный корреспондент.

— Да.

То есть я был им, мысленно поправил он себя.

— Что вы думаете о ситуации в?.. — пустился в рассуждения доктор.

Слейд старался сосредоточиться на беседе, а не на мрачной тени, парящей над ребёнком в его руках.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Доктор Вильямс оставался дольше, чем обещал. Он ждал с Шейлой и Слейдом, пока сделают предварительные анализы, чтобы подтвердить его диагноз. Первоначальный диагноз оказался правильным. Ребекка стала жертвой последней вспышки гриппа. Уровень обезвоживания не опустился до критического, но госпитализация была неизбежной.

— Это только выглядит так страшно, — успокаивал доктор Вильямс обоих. Может, Шейла и профессионал, но все воспринимаешь иначе, когда в больничной кровати лежит твой собственный ребёнок. Имея троих детей и семерых внуков, он знал, какой страх охватывает при этом родителей.

— Хотелось бы вам верить, потому что кажется, будто и впрямь все ужасно. — Слейд облокотился о металлические прутья колыбели, в которой лежала его дочь. Её зафиксировали ручки, чтобы она не выдернула две трубки, тянувшиеся к её венам.

Эта картина напомнила ему, как в действительности хрупка жизнь.

— Мы кормим её, — сказал Вильямс. В объяснении не было необходимости, но оно действовало успокаивающе. — Это не даст организму обезвоживаться, пока она не начнет сама удерживать жидкость.

Шейла кивнула, понимая, что сделано все возможное. Однако не сумела подавить тревогу и почувствовала, как к глазам подступают слезы.

— Она выглядит такой беспомощной. Такой крошечной...

Что, если у Ребекки не хватит сил побороть вирус? Что, если?.. Она не могла

сформулировать вопрос до конца даже мысленно.

— Ты уверена, что хочешь остаться? — ласково спросил врач. — Тебе действительно нечего здесь делать.

Она и без его слов понимала свою беспомощность.

— Я могу смотреть на нее, — хрипло ответила Шейла. Кончиком пальца она погладила ручку дочери. — Она будет чувствовать, что здесь кто-то есть.

Доктор Вильямс кивнул. Он понимал.

— Я приду утром осмотреть ее.

— Мы будем здесь, — сказал Слейд.

Шейла и Слейд стояли рядом у колыбели, глядя на жизнь, которую создали вместе. Жизнь, казалось, связанную с этим миром лишь медицинскими трубками.

— Я никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным, — прошептал Слейд, не сводя глаз с ребенка.

Бессилие пожирало его. Он не мог помочь Ребекке, не мог помочь Шейле вынести это испытание. Он знал, о чем она думает. Он видел слишком много умирающих детей, чтобы принимать что-либо как само собой разумеющееся.

Волнение в голосе Слейда тронуло Шейлу. В первый раз за этот вечер она посмотрела ему в лицо. Каждая его черточка говорила о крайней усталости. Шейла дотронулась до его руки.

— Почему бы тебе не поехать домой? Ты вот-вот свалишься с ног.

— Я в порядке. — Призрак улыбки заиграл на его губах. — Не зря авиаторы называют ночной полет «красный глаз». Именно такие глаза у их пассажиров после рейса.

Шейла не переставала думать о том, как Слейд воспринимает происходящее. И только сейчас подумала о нем самом.

— Когда ты спал в последний раз?

Слейд тихо засмеялся. Он не сразу вспомнил.

— В другой жизни, я думаю.

Шейла покачала головой. Ему необходим отдых.

— Поезжай домой, Слейд. Я могу остаться.

Ей так легко от него не избавиться. Это и его ребенок тоже. У нее нет монополии на любовь и тревогу.

— Я знаю, что можешь. Я тоже могу. — Он взглянул на светло-коричневый пластиковый стул, который принес санитар. — Я спал и на худшем.

Шейла ни на минуту не усомнилась после тех историй, которые он рассказывал ей.

Несмотря на беспокойство о нем, она не могла отрицать, что рада его компании. Рада, что не приходится выносить все это в одиночку.

— Спасибо.

Она действительно ему благодарна, подумал Слейд. Как будто он делает ей одолжение. Как будто судьба их ребенка не так же бесконечно важна ему, как ей. Он вздохнул. Шейла поймет. У него вся жизнь впереди, чтобы приучить ее, и она приучится.

Слейд притянул ее к себе, поцеловал в макушку. Нежно. Без страсти или желания. Нежно.

Поцелуй тронул Шейлу до глубины души.

— Не благодари, — прошептал он в ее волосы, — она наполовину моя, если ты не забыла.

Шейла спрятала лицо на его груди.

— Какую половину ты выбираешь?

— Верхнюю. Пока она не научилась огрызаться. — Прижав Шейлу еще сильнее, он смотрел на ребенка в колыбели. Юмор его растаял без следа. — Кажется невероятным, что такая малышка может таким сильным полунельсоном [1] так быстро опрокинуть твою жизнь.

Шейла тихо засмеялась, очень уж забавным было сравнение Ребекки с борцом. Слейд чувствовал, как согревается его грудь. Шейла повернулась к ребенку.

— Я только что думала примерно о том же.

Она со вздохом отступила и оглядела палату, рассчитанную на три кровати. Одну кровать вынесли, чтобы освободить место для колыбели. Две другие были пусты, что обеспечивало им уединение.

Шейле хотелось вопить, швыряться вещами, ругать неизвестного негодяя, причинившего боль ее дочери. Она с трудом сдерживалась.

Несмотря на усталость, Слейд был слишком взвинчен, чтобы лечь, и понимал, что бесполезно даже пытаться заснуть. Придется подождать, пока напряжение ослабит свою хватку.

Он нащупал в кармане мелочь.

— Где в этом заведении ближайший торговый автомат?

Шейла не сразу вспомнила. Она знала больницу как свои пять пальцев и все же несколько секунд озадаченно смотрела на Слейда.

— В подвале около кафетерия... Но на каждом этаже за сестринским постом есть набитый едой холодильник. Что ты хочешь?

Забрать домой свою маленькую дочку и свою жену.

— Как обычно. Кофе, крепкий и черный.

Как он понял, ему не скоро еще придется спать. Так что надо обеспечить себя необходимым.

У сестер всегда был наготове кофе. Шейла кивнула.

— Сестры дадут тебе кофе. Только скажи им, что ты мой муж.

Он улыбнулся. В первый раз Шейла открыто назвала его так. Интересно, поняла ли она сама. Они пережили свою первую серьезную ссору. Дальше будет легче. Как только поправится Ребекка.

— Прекрасно. А это дает мне право на сэндвич?

Уже далеко за полночь. Обычно к этому времени запасы истощаются. А кухня кафетерия закрылась несколько часов назад.

— Если у них есть. Ты голоден?

Нет, он не голоден. Там, где должен быть желудок, у него образовалась большая дыра.

— Я думал о тебе. Когда ты ела в последний раз?

Их взгляды встретились.

— В другой жизни, — повторила она его выражение.

Слейд понял, что угадал правильно. Шейла выглядела неважно.

— Я так и подумал. Тебе необходимы силы. — Он увидел, как она открывает рот, чтобы возразить. Собственно, он ничего другого и не ожидал. — Ты же не хочешь сама свалиться с гриппом?

Нет, но и есть она не хочет.

— Я ни кусочка не смогу проглотить.

Слейд попробовал ее лоб тыльной стороной ладони. Прохладный, но это ничего не значит.

— А вдруг у тебя действительно начинается грипп?

Она увидела по его глазам, как он встревожен. Больше, чем она ожидала. Непривычное и приятное чувство, когда тебя любят и заботятся о тебе.

— Нет, просто желудок как будто завязался узлом.

Это он мог понять. И все-таки еда ей необходима.

— Врач, излечи себя сам.

Она устала. Вряд ли она до этого бывала такой усталой. Даже во время бесконечных ординаторских дежурств. Даже когда рожала ребенка. Смертельная усталость.

В такой ситуации настроение у человека довольно переменчиво. Она въедливо взглянула на него.

— И что это должно означать?

Слейд не собирался с ней сейчас спорить. Его нервы тоже были на пределе, и он не хотел

вдруг заорать на нее из-за пустяка.

— Это означает, что ты должна позаботиться о себе. Ради Бекки. И ради себя.

И меня, мысленно добавил он.

Шейла не отводила от него взгляда. Она обошлась с ним несправедливо в тот последний вечер. Было бы неудивительно, если бы он захотел их бросить. В конце концов, она не объяснила тогда, почему его ложь так сильно подействовала на нее.

вернуться

1

Захват шеи из-под плеча.

— А тыходишь в это уравнение?

С чего она взяла, что от него можно легко избавиться?

— Я бы хотел. Мои чемоданы еще стоят у двери, хотя я заметил, что их немного отодвинули.

Отодвинула Ингрид. А Шейла несколько раз за эту неделю испытывала искушение распаковать их.

— Я хотела, чтобы ты их забрал. А когда уже не хотела, то была слишком занята с Ребеккой.

Теперь Слейд знал, почему она так рассердилась. Интересно, почему она передумала.

— И когда снизошло прозрение?

— Когда я соскучилась, — честно ответила она.

И она действительно скучала, скучала, увы, почти нестерпимо. Столь же нестерпимо ей перед тем хотелось выгнать его. Нельзя, чтобы один человек держал в такой власти другого. Но у нее не было сил вырваться из этого плена. Пускай он пробудет в ее жизни столько, сколько захочет сам.

Шейла дала волю эмоциям.

— О Господи, Слейд. Я так боюсь... Я врач и знаю все плюсы, но знаю и все минусы. Что, если?..

Слейд обнял ее и крепко прижал к себе. Он не хотел, чтобы она это говорила, не хотел слышать. Ради них обоих.

— Никаких «что, если». Она поправится. Все будет прекрасно, — убежденно сказал он, как будто слова могли помочь делу.

Шейла сжала губы. Надо смотреть правде в лицо.

— Дети умирают.

Слейд взял ее за плечи, отстранил от себя, заглянул в глаза. Шейла никогда не видела у него такого темного, такого пронзительного взгляда.

— А также живут. И большинство живет. Это не «третий мир», это Южная Калифорния. И больница Харриса считается одной из лучших в стране. Я это знаю. Ты это знаешь.

Шейла кивнула, стараясь побороть страх. Как будто битва внутри ее утихала.

— Рассудком.

Его голос был резким, требовательным. Он ничего не добьется, если будет нянчиться с ней, это ясно. От ласки она раскиснет. Она должна быть сильной.

— Тогда переведи информацию в отдел чувств. — Он кивнул на кровать. Сейчас ей необходим отдых больше, чем еда. — И поспи.

Шейла затрясла головой.

— Я не думаю, что смогу.

— Тогда я просто заставлю тебя.

Прежде чем Шейла успела спросить, как он это сделает, Слейд подхватил ее на руки и отнес к ближайшей кровати.

Последний раз он так держал ее, казалось, вечность назад. Неужели это она была тогда? Неужели она когда-то была легкомысленной и беззаботной? Верилось с трудом.

— Что ты делаешь?

— Беру на себя руководство.

Слейд нежно положил ее на постель.

— Это для пациентов, — запротестовала Шейла. Но она чувствовала, как тело требует отдыха. Только мозг отказывался уступать.

— Кем ты и станешь, если свалишься с ног, — сердито убеждал он. Для врача она иногда проявляет слишком мало здравого смысла.

У Шейлы не было сил бороться. И измученное тело, давно не отдохавшее, сразу расслабилось на мягкой кровати. Однако мозг был еще раздражен.

— Это не поможет, — протестовала она. — Я не могу спать.

— Тогда просто лежи, — убеждал Слейд. К черту кофе. — А я сяду и буду следить, чтобы ты не встала.

Он подтянул стул к кровати, устроился между Шейлой и колыбелью Ребекки и кивнул на ребенка.

— Смотри, она спит.

Шейла приподнялась на локте, чтобы лучше видеть дочку. Мягкие реснички лежали на

розовых щечках как крошечные темные полумесяцы. Она поправится, она просто обязана поправиться. Шейла взглянула на Слейда.

— Да, действительно спит.

— Инъекция начала действовать. — Он просто сказал вслух то, что Шейла уже знала. — Тебе остается только последовать ее примеру.

Шейла улыбнулась.

— Эй, кто здесь доктор?

— Ты. — Слейд наклонился к ее лицу. — Но я то, что доктор прописал. Или по крайней мере мне бы этого хотелось. Я скучал по тебе, Шейла. Чертовски скучал.

И она скучала. Больше, чем полагала возможным.

— Ты не звонил.

Не потому, что не хотел.

— Я пытался. Десятки раз.

А она чуть не позвонила в редакцию, чтобы узнать, куда его послали. Но все, что она знала о его редакторе, — имя Энди. Этого было мало, а гордость не позволила пуститься в расспросы. А потом заболела Ингрид. А потом Ребекка.

— Я не слышала звонков.

Он кивнул.

— Я подумал, что тебе необходимо время и пространство, чтобы успокоиться. Я принимаю решения молниеносно. Я знаю, чего хочу, и не отступаю. Но тебе требуется время, и я решил не торопить тебя.

Слейд взял ее руку в свою, переплел пальцы.

— Теперь, когда мы вместе, я просто хочу, чтобы ты знала: я не собираюсь уходить из твоей жизни. Никогда. Неважно, какие у нас будут споры и ссоры, а они у нас будут.

Она упряма и остра на язык. Как и он. Им не избежать споров.

И примирений. Примирения многого стоят.

Улыбка сползла с его лица, он снова стал серьезным.

— Шейла, ты то, что мне нужно, что всегда было нужно. — Девять с половиной месяцев назад он этого не знал. Но именно поэтому она не оставляла его мыслей, соблазнительно нашептывала из уголков памяти, зовя домой. — Высокая красивая умная женщина, к тому же оказавшаяся матерью моего ребенка.

Он прижался губами к ее руке.

— И каждый раз, как я целую тебя, мир немного накреняется, а мои колени подгибаются,

как у резинового цыпленка. — Он никогда никому не говорил ничего подобного. И никогда не скажет, ни одной другой женщине. — Шейла, вместе мы способны на чудеса. Я это знаю, и ты это знаешь. Если я солгал, то только от отчаяния.

Вспоминая, Слейд посмотрел в окно. Мелкие струйки дождя еще легко скользили по стеклам, соединяясь внизу в крошечные лужицы. Он вздохнул.

— Я не часто отчаиваюсь, но, когда подумал, что ты не выйдешь за меня замуж, пришел в отчаяние. Там в больнице, рядом с моим ребенком, который вот-вот должен был родиться, я дал себе слово все сделать правильно: для тебя, для ребенка. И для меня... — Он не мог не включить себя в уравнение. Он был важной его частью. — И я солгал. Я думаю, в суде присяжных меня бы простили. А каков твой приговор?

Не дождавшись ответа, Слейд посмотрел на Шейлу. Она заснула. Он осторожно высвободил пальцы.

— Лучший образец моего красноречия, а ты его проспала, — прошептал он, усмехаясь. — Похоже, мы действительно женаты.

Слейд поднялся, взял одеяло, сложенное в изножье кровати, и укрыл Шейлу. Она пошевелилась, что-то прошептала, но продолжала спать.

Он обдумывал свои слова. Шейла должна знать, что он чувствует. Придется сказать все снова, когда она проснется. Обязательно повторить утром.

Слейд пошевелил плечами, пытаясь избавиться от боли, сковавшей позвоночник.

Он знал, что боль исчезнет, как только с Ребеккой все будет в порядке.

— Принести вам что-нибудь, мистер Гарретт?

Удивленный, Слейд обернулся. Стройная молодая медсестра стояла у дверей, заглядывая в палату. Он подумал о кофе.

— Да, спасибо. Чашечка кофе не помешала бы.

Она кивнула. Минут пять назад как раз вскипела свежая порция.

— Какой вы предпочитаете?

— Крепкий и черный.

— Как мой муж, — улыбнулась медсестра и уже повернулась, чтобы уйти, но остановилась и добавила: — Она поправится... ваша маленькая девочка. С нею все будет замечательно.

— Да. — Ответ прозвучал почти свирепо. — Я знаю.

Она должна поправиться.

Слейд вышел позвонить Энди и предупредить, что не придет утром в редакцию отшлифовать последнюю часть статьи. Пусть это сделает кто-нибудь другой. И поставит свою подпись, если захочет. Его ничто не волнует. Кроме тех двоих в палате.

Стаканчик из-под кофе, принесенного медсестрой, давно стал влажным и бесформенным в его руке. Когда он наконец допил остатки темной жидкости, они уже превратились в холодную бурду. Но кофе сделал свое дело, взбудрил Слейда.

Во всяком случае, поддерживал его в состоянии, подобном бодрствованию. Слейд подтянул стул вплотную к колыбели и продежурил всю ночь, иногда ненадолго задремывая. Ему не привыкать.

Но в этот раз он не дожидался ни начала важных событий, ни интервью с предводителем мятежников, ушедшим со своими сторонниками в горы. Он дожидался, когда у его дочери спадет жар. Он должен был знать, что Ребекка снова с ним.

Слейд знал, что в ее возрасте болезнь особенно коварна. Он ободрял Шейлу, используя все имеющиеся в его распоряжении аргументы, но кто ободрит его?

На кого ему опереться?

Он взглянул на Шейлу. Лучи солнца уже медленно скользили по палате.

На жену.

В тяжелых случаях он может опереться на жену. Они будут черпать силы друг в друге. Да, он нашел в Шейле родственную душу. Правда, им придется сглаживать острые углы. А в каком браке их нет? Именно это и интересно. Это и взаимное влечение, пульсирующее и трепещущее в них, как живое существо.

У него все получится. Нет, поправил он себя, у них все получится.

С глубоким вздохом он опустил стаканчик на пол и встал, потягиваясь и разминая затекшие конечности. Рот как будто набит сухой ватой.

Интересно, можно ли достать еще кофе. Ночная медсестра заходила час назад проверить Ребекку. Она прошептала ему, стараясь не разбудить Шейлу, что ее смена кончилась. Придет кто-то по имени Кэти. Может, пойти и разыскать ее, подумал он.

Слейд опустил глаза и увидел, что Ребекка проснулась. Она молча лежала в колыбели.

Не плакала.

Малышка внимательно смотрела на Слейда своими ярко-синими глазами, следя за каждым его движением. И глаза ее были ясными.

— Эй, доброе утро, Коротышка, — прошептал он. — Ну и устроила ты ночку твоей маме и мне! — Он легко пробежал пальцами по шелковистой щечке. Она была прохладной. — Но сейчас ты выглядишь гораздо лучше. Думаю, тебе пошло на пользу то, что в тебя накачали, а?

Он и не подозревал, что может испытывать такую благодарность, такое облегчение.

— Твои глазки прояснились. Я не доктор, конечно. Это по части твоей мамы. Но я поцелуями буду отгонять твои боли.

Он склонился над колыбелью. Ребекка смотрела на него, как будто понимала, что он говорит. Он наслаждался тем, как она следила за движением его губ.

— Знаешь, эти губы волшебные. Мне многие дамы так говорили. Но все в прошлом теперь, когда я встретил твою маму. Она потрясающая леди, твоя мама. К слову сказать, я и сам не промах. Ты это скоро сама узнаешь.

Слейд подоткнул одеяльце вокруг Ребекки. Она шевелила спеленутыми ножками, как будто пыталась освободиться. Вероятно, свободолюбивая малышка, догадался он.

— Уж пожалуйста, поскорее поправляйся, чтобы я мог забрать тебя отсюда. У нас впереди много дел. У тебя, у меня и твоей мамы. Я, видишь ли, один из этих современных отцов. Я рад, как черт... я очень рад, — быстро поправил он себя. Придется теперь следить за своим языком. — Я очень рад, что ты девочка. Мы с тобой еще утрем нос мальчишкам. Будем играть в мяч, ходить в походы. Я знаю, как сделать навес из листьев, веревок и находчивости. И жду не дождусь, чтобы показать тебе. Твоя мама и две твои бабушки могут заняться культурной стороной программы, но я покажу тебе настоящую жизнь.

Он видел свою дочь, какой она будет через годы. Он ждал этого и все же хотел бы, чтобы она подольше оставалась такой, как сейчас.

— У нас будет отличная жизнь, Бекки, — уверял он ее. — У нас троих. Так что побыстрее убей этого микроба внутри. Покажи ему, кто хозяин. Ты — Гарретт, а Гарретты никогда не сдаются. — Услышав, как девочка издала какой-то звук, Слейд готов был поклясться на целой стопке Библий, что она соглашается с ним. — И тебе понравится жизнь, которую я спланировал для тебя. У нас впереди много времени, и ты внесешь в эту жизнь свой вклад, но обещаю: тебе понравится.

Ему казалось, что сердце его наполнилось нежностью до краев.

— Так что скорее поправляйся, чтобы мы могли вынуть из тебя эти трубки, детка. Папочка хочет снова поддержать тебя на руках.

Слейд замер, почувствовав чью-то ладонь на своем плече. Повернувшись, он увидел, что Шейла проснулась и подошла к нему. Глаза ее блестели от слез. Они молча взялись за руки.

— Добро пожаловать домой, — прорыдала Шейла в его плечо. — Я забыла сказать это вчера вечером.

— Спасибо.

Боясь, что голос изменит ему, он молча прижал ее к груди, к своему сердцу. Где же она была с самого начала?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— О, Слейд, она холоднее на ощупь. Потрогай ее.

Это был самый ненаучный из методов, ну и что? Одно прикосновение к дочкиному лбу, и Шейла уже знала, что Ребекка поправляется. Так же, как она заподозрила неладное еще до того, как поднялась температура.

Так вот что такое материнство, думала она, — это когда инстинкты берут верх над профессиональным образованием и опытом. Шейла улыбнулась своему ребенку.

Слейд проверял у девочки температуру всего несколько минут назад, но, чтобы порадовать Шейлу, снова приложил тыльную сторону ладони к ее лобу. В ответ Ребекка поежилась. Слейду показалось, что она пытается освободить ручки из пут, хотя умом он понимал, она для этого еще слишком мала. Малышка захныкала, выказывая явные признаки упрямства.

Слейд улыбнулся дочке. Он хорошо понимал ее.

— Кожа прохладнее. И глазки ясные. — Он повернулся к Шейле и обнял ее за плечи. Они стояли и с огромным облегчением смотрели на своего ребенка. — Видишь, я говорил тебе, что все будет хорошо.

— Прости, я сомневалась.

— Куда мне поставить их?

Они обернулись и увидели в дверях медсестру из утренней смены.

— Их? — повторила Шейла и переглянулась со Слейдом. — Что поставить?

— Цветы, — объяснила медсестра. — Сестринский пост совершенно завален цветами. Пойдите посмотрите сами, доктор Поллак.

Заинтригованные, Шейла и Слейд последовали за сестрой в холл.

— Мы обычно не ставим цветы в детские палаты. Мы держим букеты на посту и просим родителей забирать их домой. Но сейчас ситуация выходит из-под контроля...

Медсестра молча кивнула в сторону поста. Шейла подошла ближе, удивленно глядя на невиданное многоцветье. Везде стояли корзины, вазы, чаши, забавные зверушки из цветов, и отовсюду торчали карточки с пожеланиями.

— Это все наше? — недоверчиво спросила Шейла.

Высокая худая медсестра выглянула из цветника. Она была похожа на пчелу в саду, пытающуюся выбрать, на какой цветок сесть сперва.

— Все до последнего букета.

Как будто каким-то смерчем сюда переместило цветочный магазин.

Они приехали в больницу около полуночи. Сейчас шел девятый час утра. Шейла не понимала, откуда взялись цветы.

— Но от кого?

Слейд вытащил карточку, прикрепленную к ближайшей корзине с маргаритками и цветными воздушными шариками, привязанными к ручке. Прочитав, он усмехнулся.

— Это от редакции. — Он протянул карточку Шейле. — Очевидно, Энди проболтался после моего ночного звонка.

Шейла вопросительно смотрела на Слейда. Когда он успел позвонить?

Он прочитал вопрос в ее глазах.

— Я звонил ему после того, как ты заснула. Сказал, что не приду утром в редакцию, и велел передать мою последнюю статью Кеннеди на шлифовку.

Шейла понятия не имела, кто такой Кеннеди, но пообещала себе, что обязательно узнает. Узнает всех, кто составляет часть жизни ее мужа.

Ее мужа. Она улыбнулась и прикинула, что у нее впереди лет тридцать — сорок. Достаточно, чтобы выполнить свое обещание.

Шейла вытащила карточку из букета гвоздик и гипсофилы, тонкие стебельки которой были усеяны белыми звездочками.

— Это от Марлин. Как она?..

Есть объяснение, как узнал его редактор, но Шейла никому не звонила. Как Марлин догадалась послать цветы?

И тут она заметила название цветочного магазина на карточке — и все поняла.

— Эрин.

Слейд подошел к ней, держа еще одну карточку.

— Эрин?

Он понятия не имел, кто это.

Шейла посмотрела на его карточку. Тот же фирменный знак.

— Они из магазина Эрин. — Она постучала по его карточке. — «Цветы Эрин».

Слейд прочитал адрес под эмблемой. Магазин находился примерно в трех кварталах от больницы.

— Должно быть, Энди позвонил в ближайший от больницы цветочный магазин, как только проснулся.

— А владелица ближайшего магазина — Эрин. — Шейла сама им иногда пользовалась и знала, что Эрин открывает магазин в семь утра. — Я принимала ее ребенка в день святого Валентина, — прошептала Шейла, убирая карточку в конверт.

Она взяла другую карточку. Николь и Деннис прислали композицию из желтых хризантем в форме большой собаки. Глазами были маргаритки, а носом — какой-то неизвестный ей цветок. Слезы снова подступили к ее глазам. Для женщины, которая никогда не плачет, она стала слишком слезливой, подумала Шейла, беря предложенный Слейдом носовой платок.

— Должно быть, Эрин позвонила остальным, и они все прислали цветы.

— Их много, остальных, — заметил Слейд, глядя на изобилие цветов.

Шейла решила, что прочтает остальные карточки позже. Приятно ощущать поддержку друзей. А еще приятней — поддержку мужчины, которого любишь. Для нее это момент незабываемого счастья, и она сделает все возможное, чтобы насладиться им в полной мере.

Это значит — не позволять гордости, гневу или страху брать над ней верх.

Слейд вытянул еще одну карточку из корзины, в которой, казалось, были представлены все известные человеку цветы. Из редакции, отдел досуга.

— Куда мы все это поставим?

— Я могу позвонить сестре Ингрид. У ее парня фургон, — вспомнила Шейла.

Слейд увлек жену в сторону, подальше от цветов и медсестер, смотревших и слушавших. Они вернулись в палату Ребекки. Девочка мирно спала, и Слейду стало полегче.

— Я никогда не отпущу Ребекку на свидание с парнем, у которого есть фургон.

Впервые после того, как Ребекка заболела, Шейле стало весело.

— Почему? Чем ты занимался в фургонах?

Слейд усмехнулся.

— Тем, о чем лучше не упоминать при дамах. — И он подумал, что просто покажет ей, как только это станет возможным. Он сунул руку в карман, и его пальцы на что-то наткнулись. — О, чуть не забыл. Я кое-что привез тебе из Вашингтона.

Шейла выжидательно смотрела на него.

Слейд открыл большим пальцем коробочку в кармане и вынул инкрустированное бриллиантами кольцо. Волнуясь, он надел его Шейле на палец.

— Слейд, она прекрасно, — прошептала Шейла.

Он пожал плечами.

— У моей новобрачной должно быть кольцо. Извини, что так поздно.

— Нет, как раз вовремя. И тебе не придется ни о чем жалеть. Никогда.

— Я буду напоминать тебе эти слова время от времени, — усмехнулся он.

— Так как поживает моя пациентка?

В палату вошел доктор Вильямс. В щегольском костюме и галстукe он выглядел почти так же официально, как предыдущей ночью.

— Ей лучше, Бен.

Доктор взглянул на Шейлу.

— Я рад это слышать, но ты, Шейла, выглядишь неважно.

Шейла провела рукой по волосам. Конечно, не помешал бы хороший душ и чистая одежда. И зубная щетка. Ну да ладно. На душе у нее светло, как в День независимости, а все потому, что у Ребекки спал жар.

Шейла усмехнулась.

— Это твое медицинское заключение?

Доктор Вильямс посмотрел на нее строго, прибегнув к взгляду, которым пользовался, когда читал нотации одной из своих дочерей. Взяв карту Ребекки, он быстро просмотрел ночные записи.

— Это мое человеческое наблюдение. — Отложив карту, он взглянул на Слейда. — Не могли бы вы отвезти вашу жену домой, чтобы она поспала, переделалась, приняла душ? Привела себя в приличный вид? — Не теряя времени, он быстро и квалифицированно обследовал Ребекку.

Следя, как врач слушает сердце и легкие Ребекки, Слейд по порядку ответил на его вопросы:

— Нет, нет, нет, и у нее уже приличный вид. Шейла, знаете ли, очень независимая дама.

Врач фыркнул, надевая стетоскоп на шею.

— Ну, тогда примите мои соболезнования. У вас хлопот полон рот. Я знаю. Я сам женат на одной из таких независимых дам. — Он с улыбкой взглянул на Ребекку. — Они растянут независимых дочерей.

Слейда вопрос детской независимости не волновал, были бы здоровы.

— Ваш вердикт?

— Прогноз, — автоматически поправила Шейла, следя за доктором. Она следила за каждым его движением, за мимикой, выискивая признаки, которые могли бы насторожить ее, дать понять, что все не так хорошо, как кажется. Таких признаков не было. И все же она не из тех, кто мгновенно настраивается на лучшее. — Каков прогноз, Бен?

— Очень благоприятный, — улыбнулся доктор. Ничто не давало ему большего удовольствия, чем сообщать родителям, что ребенок поправляется. — Девочка выздоравливает гораздо быстрее некоторых других моих пациентов. — Он снова вынул карту, чтобы записать результаты осмотра. — Должно быть, железное здоровье она унаследовала от тебя. Она удерживает больше жидкости в организме. Я бы сказал, вероятно, завтра ее можно будет отпустить домой.

Новости хорошие, очень хорошие, но Шейле было мало.

— Не сегодня?

Доктор понимал ее нетерпение. Он испытывал те же чувства, когда был на ее месте.

— Не сегодня, Шейла. Мы — осторожная больница, помнишь? Но похоже, что кризис миновал. У малышей удивительная жизнеспособность. Они не перестают изумлять меня. — Сделав последнюю запись в карте, он захлопнул ее и вручил медсестре, стоявшей рядом. — Хотите маленький совет? Не от педиатра вашей дочери, а от отца троих детей?

Слейд обнял Шейлу за плечи и ответил первым:

— Да.

— Употребите это время для себя. Девочка поправляется, мы хорошо о ней заботимся, а ничего нет хуже, чем родители, болтающиеся под ногами, даже родители с медицинскими

степенями. Особенно родители с медицинскими степенями, — поправил он себя, вспоминая время, когда старшая заболела менингитом. Он улыбнулся, глядя на Ребекку. — Поезжайте домой и поспите. Возможно, это последний шанс, когда у вас будет покоя больше трех часов подряд. Моя первая перестала просыпаться по ночам только в четыре.

— Месяца? — недоверчиво спросил Слейд.

— Года, — пояснил доктор Вильямс. — Поезжайте домой, оба. Я сам выпишу ее завтра.

Довольный собой и прогрессом в данной палате, доктор Вильямс отправился к другим пациентам на этаже.

Облегчение в маленькой палате казалось осязаемым. Слейд, не заметивший, как затаил дыхание, глубоко выдохнул. Засунув руки в карманы, он взглянул на Шейлу.

— Итак, что ты скажешь? Поедем домой на несколько часов?

Теперь он действительно мог бы растянуться в кровати. Теперь, когда Ребекка вне опасности. Теперь, когда его брак развивается в правильном направлении.

Шейла, воодушевленная прогнозом Вильямса, чувствовала себя бабочкой, вырвавшейся из темного угнетающего кокона. Взглянув на свое обручальное кольцо, она отрицательно покачала головой.

— Нет, я хочу осматривать достопримечательности.

— Достопримечательности? — Это последнее, что, на его взгляд, она могла захотеть, если бы такое ему вообще пришло в голову. — Ты уверена, что нормально себя чувствуешь?

Он положил руку на ее лоб, как Ребекке. Лоб был прохладным. Так почему же она бредит?

— Я чувствую себя прекрасно, — успокоила его Шейла.

Озорство, светившееся в ее глазах, возбудило в нем первое слабое подозрение. Они так же сверкали в ту ночь, когда они встретились, когда навсегда изменилась его судьба.

— Так что ты имела в виду?

Шейла положила ладонь на его грудь.

— Есть некая маленькая бухточка, к которой я равнодушна. На частном пляже. Владельцы снова отправились в один из своих бесконечных круизов. — Шейла никогда не могла понять, зачем отправляться в дорогостоящий круиз, когда океан практически стучит в твою дверь. — Думаю, мне будет приятно увидеть ее снова. — Она соблазнительно улыбнулась. — Это недалеко отсюда.

Он крепко обнял ее. Долго подавлявшееся желание вскипело в его венах.

— Я помню. При свете там все может выглядеть иначе.

— Нет, не может. — Шейла покачала головой, и пряди волос рассыпались по ее плечам, по плечу Слейда. — Потому что ты будешь там со мной.

До конца моих дней, Шейла. До конца моих дней.

— Это значит, что я могу распаковать чемоданы?

Он уже знает ответ, подумала Шейла. В действительности она никогда не хотела, чтобы он ушел. Об этом говорило ее сердце.

— Как только сможешь... но позже. Сейчас я хочу видеть ту бухту. — Она вскинула голову, ее губы были почти рядом с его губами. — Знаешь, там довольно пустынно в это время года.

Он уже видел, как занимается с ней любовью, чувствовал, как занимается с ней любовью.

— Не искушай меня.

Шейла засмеялась.

— Именно это я и делаю, Слейд Гарретт. Я собираюсь искушать тебя до конца твоей жизни.

И у нее получится, думал Слейд, у нее получится.

— Звучит как изысканная пытка.

— Вот и хорошо. — Шейла крепко поцеловала его, приоткрывая щелочку в блаженное царство, ожидавшее его. Их обоих. Слегка задыхаясь, она добавила: — Тебе их еще много придется испытать.

Если она думала, что испугает его, ее ждало разочарование.

— Обещания, обещания...

Слейд вывел ее за руку из комнаты. Они столько еще должны наверстать... Без груза сомнений, страхов, оскорбленных чувств.

— Подождите, — крикнула им вслед одна из медсестер. — А что делать с цветами?

Вместо ответа Слейд вернулся к сестринскому посту. Шейла пошла за ним, заинтригованная. Она следила, как Слейд вынимает маргаритку из одного из букетов. Он воткнул цветок ей в волосы, как он сделал это в ночь, когда они встретились. Тогда цветок был из орнаментальной вазы, украшавшей банкетный стол. Теперь он из букета с пожеланиями скорейшего выздоровления их дочери.

— Вот так, прекрасно, — прошептал он и обратился к медсестрам: — Выньте для нас карточки, а цветы распределите между пациентами.

— Точно мои мысли, — улыбнулась Шейла. — Мы думаем одинаково, Слейд.

Да, по принципиальным вопросам у них одинаковое мнение. И всегда будет.

— То есть ты знаешь, о чем я думаю.

— Да, знаю. — Она взяла его под руку и прошептала: — Пошли.

— А ты можешь?.. — неуверенно спросил он.

— Могу. — Прошло уже больше двух недель, а она хорошо знала свое тело. Она готова, хочет и может. — Господи, мы теряем время.

— Больше не теряем, Шейла, — сказал он, увлекая ее к лифту. — Больше не теряем.

mir-knigi.org